Три, четыре, пять, я иду искать

Павел Шумил

SHOUT
SHARE IT

Annotation

(Окно контакта - 1)

Через Солнечную систему давно летают пришельцы. Не то, чтобы очень часто, но раз в год кто-нибудь обязательно пролетит. Обидно не то, что летают, а то, что на людей - ноль внимания. Только один раз обратили... Напугали человечество до полусмерти - и улетели. Видно, оценили уровень и потенциал и решили не связываться.

А что человечество? Человечество очень хочет приникнуть к источнику внеземных технологий. Один раз - пусть случайно - удалось. И технологии эти очень понравились. Позволили посетить ближайшие звезды. Пришельцев, правда, там не оказалось. Но ведь не отвернутся же они от нас, когда мы сами к ним прилетим.

Впрочем, тут возможны варианты.

- Шумил Павел
  - ○

Шумил Павел

Три, четыре, пять, я иду искать

(С) Павел Шумил

Шумилов Павел Робертович.
HomePage: http://dragonbase.narod.ru
HomePage: http://fan.lib.ru/s/shumil_p
HomePage: http://samlib.ru/s/shumil_p

О К Н О К О Н Т А К Т А - 1

ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, Я ИДУ ИСКАТЬ!

Огромный косматый огненный шар занимает три четверти экрана.

Я плавно уменьшаю яркость. Протуберанцы тускнеют и исчезают. Шар из

ослепительно-белого становится желтым, потом оранжевым как апельсин.

Старый, лежалый апельсин с пятнистой потрескавшейся коркой. Трещины

желтые. Лежалый апельсин - нехорошее сравнение. Продолжаю уменьшать

яркость, апельсин становится темно-красным чугунным ядром. Чугунное

раскаленное ядро в темных хлопьях окалины. И это ядро приближается,

растет...

К черту ядро! Не хочу ядро, оно твердое! - поспешно увеличиваю

яркость. - О твердое размазаться можно...

Чуть слышно гудит холодильная установка. Уже гудит, но пока чуть

слышно. В первых джампах звукоизоляция была идеальна. Это Клест ее сорвал.

Фомкой и топориком из аварийного комплекта инструментов. Психологи

посовещались - и предложили инженерам убрать звукоизоляцию на всех

машинах. Теперь происходящее напоминает "Формулу-1" - рев моторов,

предельное напряжение, мелькание цифр обратного отсчета на экране и

тяжелые удары джамп-активаторов, от которых сотрясается весь корпус.

Клест был прав: ждать внезапные удары активаторов в полной тишине

невыносимо. Под рев холодильников - самое то.

Идеальным считается джамп на третьем разряде джамп-активаторов.

Если вы не ушли в джамп на восьмом - что ж, у вас есть секунд пять

для самых важных дел.

Гудение холодилки постепенно нарастает. Уже не нужно напрягать

слух, чтоб различить. Так же постепенно края шара уплывают за границы

экрана. Одна за другой на экране зажигаются шкалы индикаторов и счетчиков

джамп-режима. Пока все зеленые. Позднее нальются желтизной. До красного,

надеюсь, не дойдет.

Работаю трансфокатором, увеличиваю картинку. Четкие детали теряют

резкость, приобретают размытые края. Смысла в моих действиях нет. Просто

сидеть и ничего не делать - это слишком... тревожно, что ли.

Переключаю внимание на параметры траектории. Все отклонения в
пределах нормы. Почти в нулях. Удаление - двадцать семь гигаметров. Был
бы в Системе - это уже вдвое ниже орбиты Меркурия. Порядка десяти тысяч
секунд. Два часа сорок пять минут. Если сильно не повезет, столько мне и
осталось жить. Если не повезет несильно, старость будет длинна, скучна и
однообразна. Можно будет заняться разведением роз.

Два часа сорок минут. Скучно. Нет, как в приемной у зубного.

Страшновато, сбежать нельзя, и делать нечего. Точка невозврата давно
позади - не уйти даже на десяти "g".

- И что я здесь делаю? - задаю риторический вопрос самому себе.

Минуты две размышляю, отвечать, или нет. Решаю, что обойдется. Незачем
тратить время на болтовню с идиотом. Бросаю взгляд на таймер обратного
отсчета (как будто что-то новое увижу), сбрасываю привязные ремни и
покидаю рубку. Иду отлить, а заодно надеть счастливый галстук. Собственно,
в рубке я не обязан находиться. Сто пятьдесят минут делать практически
нечего, а на сто пятьдесят первой человеческой реакции все равно не
хватит. Что хорошо в одиночке - нет никаких правил, никаких условностей.

Сам себе и капитан, и команда. Если не нравится, как себя вел, можно
стереть черные ящики - и сделать соответствующую запись в бортжурнале.

Капитану можно все.

Решил поесть перед джампом. Впервые. Обычно откладываю это на
потом. Но потом - обсервация, навигация, программа... В общем, обед
откладывается на несколько часов.

... Мама мия! Так старательно пытался забыть о времени, что на
самом деле забыл! - отправляю недомытую тарелку в

фиксатор, облизываю

ложку и спешу в рубку. До маневра торможения еще девяносто две секунды.

Мог бы успеть домыть тарелку...

Мы подкрадываемся к точке с чуть большей скоростью. В этом есть

смысл - экономим ресурс холодилки. Но последние десять минут тормозимся

на трех "g". Для сидящего в кресле это немного. Бушуют такие эмоции,

что о перегрузке забываешь. В общем-то, я и стоя ее выдерживаю без

проблем. Дошел бы до рубки без риска, вдоль стеночки. Но береженого

бог бережет.

Глаза бегают по шкалам, мозг оценивает обстановку, а на заднем

плане вяло так крутится мысль, не сморозил ли я глупость в последней

фразе - насчет береженого. В нашей профессии - и береженый... Смешно...

Да, смешно. Но не глупо!

Шкалы пожелтели. Напряженность поля, температура обшивки, мощность

генераторов - норма-норма-норма. Только скорость - оранжевая. Но желтеет.

Холодилка воет. Пока только воет, не ревет. Защитное поле? Уже в режиме

"дельфиньей кожи". Почему? Потому что иду сквозь протуберанец. Мелочи,

если не считать, что он имеет массу... А почему я, собственно, так

спокоен? Пора начать выделять адреналин. До сих пор за пять минут до

точки всегда был на нервах, ревел пиратские песни хриплым басом. Сейчас

спокоен... Может, съел что-то нехорошее? Шутка.

Скорость - норма. А температура обшивки - оранжевая. Холодилка

ревет басом. Почему температура оранжевая? Протуберанец! Переживем.

Накопители? Сто процентов, зеленая зона. Активаторы? Готовы к работе.

Это кто лезет в оранжевое? Напряжение каркаса??? Мать-

перемать! Не

хватало от резонанса в каркасе рассыпаться! Продержись, сука две минуты,

я же домой иду!

Холодилка ревет уже не басом, а реактивным двигателем. Температура

обшивки из оранжевой переходит в красную. Генераторы лезут в оранжевую

- это из-за "дельфиньей кожи". Я въехал в зону повышенной плотности.

- Врешь! Не возьмешь!!! - реву в полный голос, сжимая подлокотники

кресел. - Я тебя сто раз сделал, я тебя еще сто раз сделаю!!!

Экран слепит ослепительно белым.

Бах! Бах! Бах!

Экран чернеет. Галстук всплывает рассерженной коброй - невесомость.

За спиной постепенно стихает рев холодилки. Оранжевые и красные шкалы

желтеют, зеленеют и гаснут одна за другой. Остаются чуть заметные серые

рамочки. Отцепляю сведенные пальцы от подлокотников. Я поймал производную

ноль на третьем разряде джамп-активаторов. Ай да я...

Неотложные дела - обсервация. Между орбитами Марса и Земли. Почти

в плоскости эклиптики. Было бы идеально, только Земля с другой стороны

Солнца.

Навигация - курс домой, ускорение - полтора. Жилой отсек плавно

поворачивается в кардановом подвесе, занимая положение, соответствующее

вектору ускорения. Чтоб пол был полом, а потолок - потолком. В остальных

отсеках пол и потолок просто меняются местами. Точнее - занимают основное

штатное место. Одно из трех...

И последнее дело - снять счастливый галстук. Пока пОтом не

пропитался. Мокрое тряпье, которое на мне - тоже снять. Надо бы под душ,

но устал что-то... Скидываю все на пол, меняю плавки на сухие - и брожу

по отсекам в парадной форме культуриста на соревнованиях. Вообще-то, после

джампа так делать не стоит. Пол местами жжет подошвы, местами покрыт инеем.

В отсек холодилки лучше не входить. Плетусь в рубку техконтроля. Даю добро

на замену баков с хладагентом холодилки, подтверждаю запрет на работу

третьего носового блока маневровых. Утверждаю недельный график тестирования

систем. Все, однако... Мавр сделал свое дело, Мавр может гулять смело.

Может, спать лечь? Подумаешь, шесть вечера по местному. Возьму и лягу!

Захожу в ходовую рубку. Уже куча поздравлений - с Земли, Луны,

Марса... Передаю в эфир три счастливые семерки - и отдельно надиктовываю

письма Ларисе и Зинуленку. Через две недели буду дома... Вот возьму - и

лягу спать. Имею право.

- Крым, ты на Землю прямиком?

- Нет, отгоню машину на завод. Понимаешь, я, кажется, поймал

механический резонанс на последнем джампе. Трюмы пустые, а напряжение

каркаса аж в красное лезет.

- При пустых трюмах? Чушь какая-то.

- Вот и я говорю - чушь. Пусть на заводе разбираются.

- Принято, - официально отзывается Вадим, мой шеф-куратор. Слышу,

как стучат клавиши его клавиатуры. Если моя лошадка возвращается не в

конюшню, а к ветеринару, это надолго. Шеф правит график. И вновь переходит

на человеческий - Бронирую тебе место с Лагранжа на ближайшем подкидыше.

С завода не получается. Или неделю подкидыша ждать будешь. Передай машину

заводчанам на Лагранже. Только бортжурнал и материалы полета не забудь

прихватить.

- Так даже лучше. Я заводчанам уже заявку на ремонт сбросил.

- Жду с женой в гости. До связи!

- До связи!

Поговорили. ПО-НАСТОЯЩЕМУ поговорили! Вам не понять. Космос - он

большой. Иногда между вопросом и ответом проходит шестнадцать лет. Но

это - если тебе не повезло. Сплошь и рядом задержка порядка часа. Не

разговор, а два встречных монолога. А тут - меньше восьми секунд.

Говорить можно. Дома я, дома!!!

На связь выходит диспетчер Лагранжа. Хочет загнать меня в зону

ожидания. Меня - после трех месяцев одиночки, четырех джампов и двадцати

девяти светолет автономки... Таких надо учить!

- А вот фер тебе! - кричу в эфир открытым текстом. - У меня третий

пакет носовых маневровых в отказке. Ты мне буксир приготовил?

Психологический этюд. Не такая это серьезная нештатка, чтоб я

сам со швартовкой не справился. Но по протоколу он должен был запросить,

нужен ли мне буксир. А я должен был великодушно отказаться. Теперь он

в полной заднице... Как минимум, с предупреждением. Считаю секунды.

На тридцать третьей в эфире звучит другой голос:

- Крым, это Шмидт. Тебе на самом деле буксир нужен?

- Шмидт? Тот, который мост, или тот, который триггер? - уточняю я.

- Обойдусь, ты ж меня знаешь. Это я развлекаюсь так.

- Крым, ты меня седым сделаешь. (Фред, убери Арабеллу в зону

ожидания, швартовую команду на третий причал. Арабелле скажи, "больной"

на подходе, - это в сторону) Ты не сердись, у нас тут зеленый пацан,

вторую неделю всего за пультом. Твой причал - третий.

- Понял, мой причал третий. Я не сержусь, проехали, забудь.

Следующие пять минут занят тяжелым пилотированием. Швартовка - это

как раз тот случай, когда все маневровые движки нужны ну просто до зарезу.

В пространстве для любого маневра хватило бы одного пакета маневровых.

Но для тонкого маневрирования в двадцати метрах от причальной стенки

нужны все восемь. А у меня - семь. И асимметрия массы в трюмах. Чтоб

восстановить симметричность тяги, отключаю шестой блок маневровых,

аналогичный третьему, но расположенный с другого конца корабля, по другому

борту. Запасной вариант - несколько раз поворачивать тушу корабля на

девяносто градусов туда-сюда вокруг продольной оси. И двигаться со

скоростью черепахи. Наконец, я у стенки, а гофрированный рукав шлюза

присосался к моему люку. Гашу пульт. Моя вахта закончена. На заводской

стенд корабль перегонят без меня. Собираю чемоданчик... Нет, так уйти не

могу! Рисую фломастером на главном экране то ли привидение, то ли Карлсона

под простыней, который строит из себя привидение. Пока экран темный, моя

живопись не видна...

А все же, куковать мне на Лагранже двое суток. Подкидыш опаздывает,

какой-то мелкий ремонт. Успел бы отогнать машину на завод. Лариса дуться

будет...

Теперь - домой!

В квартире свет погашен и тишина... Заглядываю в комнаты, бреду

на кухню.

- Замри! Не двигайся!

Встаю поустойчивей, замираю. Шарю глазами, ищу признаки движения.

Ага, в темном окне отражается отблеск оптики над кухонным пеналом. Когда

отблеск приходит в движение, резко разворачиваюсь и подхватываю Зинуленка

подмышки. Ух ты, тяжелая! - с трудом удерживаю на вытянутых руках, но

нас разворачивает, правый тапок Зинуленка проходит в опасной близости

над поверхностью стола, сметая что-то стеклянное...

- Щас нам от мамы попадет! - громким шепотом сообщает Зинуленок.

- Давай спрячемся под стол?

- Давай!

Спрятаться не успеваем, загорается свет. В дверях, прислонившись

к косяку, скрестив руки на груди, стоит Лариса.

- А вот и мы! - притворно радостным голосом поясняю я. Зинуленок

сдвигает на лоб очки ночного видения. А я оцениваю ситуацию. Стол накрыт

по-праздничному. Почти... По диагонали прошлось что-то тяжелое, сбитое

нами. Видимо, кувшинчик морса. Потому что морса на столе много, но самого

кувшинчика нет. Тапок Зинуленка соединяет мостом салат оливье и селедку

под шубой. Лариса молчит. Странно. Наконец, она отклеивается от косяка,

подходит к столу, двумя пальцами брезгливо поднимает тапок. Опускаю

Зинуленка на пол.

- А знаешь, откуда пошла пословица "лаптем щи хлебали"? - пускаю

я пробный шар.

- Быстро тряпку, веник и совок, - командует Лариса, протягивая

Зинуленку трофей. - И приведи стол в порядок. Можешь не торопиться, все

остыло еще вчера.

Влечет меня за руку в спальню. Чувствую себя пятнадцатилетним

пацаном, получившим неожиданный подарок. Кажется, что

тут необычного?

Жена соскучилась по мужу. Но надо знать Ларису. Если не считать мелкой

шпильки насчет вчерашнего обеда, Лариса ведет себя идеально. К чему бы

это?

В самый неподходящий момент мой мобильник начинает завывать

мартовским котом. Мяу-яу-яу-яу, мяяяу-яу-яу-яу Таким звуком он отзывается

только на звонки начальства.

- Ааа-аа, ааа-аа! Не бери! Ааа-аа - стонет подо мной Лариса. Стараюсь

не обращать на мобильник внимания, но незаметно подстраиваюсь под его

ритм. Кончаем одновременно. В смысле, и я, и мобильник. Пару минут лежим

в изнеможении, потом целую Ларису и смотрю, кто звонил. Вадим. С чего бы?

Набираю его номер.

- Вадим, ты знаешь, который час?

- По моим расчетам ты должен был только-только до дома добраться.

Не вешай мне байки, что уже спишь.

Лариса выхватывает у меня трубку: - Здравствуйте, Вадим. Он в

постели, но не спит. - Отдает трубку мне.

- Лариса, это вы? Лариса, простите меня великодушно, - слышу

смущенный голос Вадима.

- Говори, в чем дело.

- Крым, у психологов какие-то вопросы к тебе. Зайди к ним завтра

с утра, хорошо?

- Хорошо, зайду. - Даю отбой и укоризненно смотрю на Ларису.

- У тебя здорово получалось в ритме мяу-мяу, - холодно сообщает она.

В дверь стучится Зинуленок.

- Пап, мам, если вы закончили, пора за стол.

- Большая у нас дочка. Совсем взрослой стала. Все понимает.

- Зачем ты ее в космос тянешь? Разве ей там место?

- Я не тяну. Она уже большая, сама выбирает. - Разговор старый как

заезженная пластинка. Были такие, еще до компакт-дисков.

- Ладно, проехали, - неожиданно соглашается Лариса. Что-то новое

в наших отношениях...

Из психологов меня курирует Тимур. Молодой парень, года на четыре

моложе меня. Гуру из себя не строит, но отличный рассказчик. И великолепно

готовит плов.

- Привет! Что за проблемы? - вызов не нравится, навевает тревогу,

поэтому я решил вести себя как самурай: Атаковать.

- А-а, Крым, садись. Хочешь растворимый кофе? У меня черный и три

в одном. Тебе какой? - сделал вид, что обрадовался, Тимур. А может, на

самом деле обрадовался. После трех месяцев одиночки я как-то неадекватно

оцениваю эмоции окружающих. Слишком контрастно, что ли? Подмечаю мельчайшие

детали. Люди кажутся мне актерами, которые безжалостно переигрывают.

- Давай три в одном, - располагаюсь с комфортом в его вращающемся

кресле. Пока пьем, в комнату просачиваются три парня и две девушки.

Делают вид, что заняты своими делами. Ну что ж, слушайте байки дальнего

космоса.

- Почто вызвал-то?

- Это не я, это они, - Тимур показывает глазами на потолок. - Люди

в белых халатах.

- Я их боюсь, - серьезно говорю я. - Они звери. Один раз в детстве

зашел к зубному - знаешь, что они со мной сделали? Зуб выдрали! Было очень

больно. Ну так в чем дело?

- У тебя аномальная реакция перед последним джампом. Вот смотри,

- перегнувшись через меня, Тимур елозит поинтом по экрану

компа, вызывает

кучу графиков. - Это пульс, это частота дыхания, это потоотделение, это

энцефалограмма. Ну и так далее. Сначала все шло как всегда. Чем ближе

джамп, тем больше ты волновался. Но вдруг ты абсолютно успокоился. Такого

никогда ни у кого не было. Объясни.

- Добавь времянку маневров корабля, чтоб я сориентировался.

Тимур колдует над компом, и на экране появляются еще два графика:

с акселерометра и джамп-активаторов. Теперь все понятно. Вспоминаю, что

вышел из рубки поесть и забыл о джампе. Такого на самом деле никогда

не было... Но публика этого не узнает. Склероз не лучшая болезнь для

звездного следопыта. С восхищением рассматриваю графики и толкаю Тимура

локтем:

- Ты смотри, полный самоконтроль! Алмазные нервы, железная воля.

Ай да я!!! Хорошие у вас приборы.

- Как тебе это удалось?

- Вспомнил одну древнюю тибетскую методику. Показать?

- Покажи! - ловится Тимур на подначку. Зрители забыли про свои

дела, ушки торчком, взгляды, естественно, на мне. Встаю, сплетаю пальцы

плетенкой, вытягиваю руки вперед, закрываю глаза и мычу сквозь сомкнутые

губы:

- Мммммм.

- И что?

- И все. Я спокоен, абсолютно спокоен. Видишь графики? - указываю на

экран. - Мычать, вообще-то, не обязательно. Но так проще сосредоточиться.

Знаешь, перед второй мировой был такой летчик-испытатель Ахмет-Хан Султан.

Говорят, это он к нам методику занес.

Байка рождается легко и свободно. Тимур поражен, а я продолжаю

комментировать, водя поинтом по графикам.

- Вот здесь я пообедал. Вымыл посуду и за полторы минуты до маневра

вернулся в рубку. Здесь началось торможение на трех "g".

- А здесь ты волноваться начал...

- У меня температура в красное полезла, - перебиваю я. - А здесь

корпус резонанс поймал. Мне сразу стало не до тибетских методик. Когда

ныряешь в звезду, а корпус собирается развалиться, нормальные люди должны

испытывать легкое волнение. Я даже что-то вслух сказал.

Глаза девушек сияют.

- Расскажите... - просит одна, но ее перебивает телефонный звонок.

Тимур снимает трубку, но через секунду протягивает мне.

- Тебя, начальство.

Беру трубку и получаю выговор за то, что оставил мобильник дома.

Вообще-то, у меня в кармане другой мобильник, но он для своих. Начальству

о нем знать не нужно. Вежливо посылаю Вадима к черту, напоминаю, что

у меня послеполетный отпуск. И тут слышу, что моя лошадка взорвалась

при швартовке в заводском доке. Док поврежден, имеются жертвы. Начато

следствие, и я должен дать показания.

Возвращаюсь домой за чемоданчиком. Лариса на кухне, готовит что-то

сложное и вкусное на обед. Она всегда берет отпуск, когда я из полета.

Зинуленок в школе.

- Ларис, я улетаю. Меня вызывают наверх.

- Так быстро?

- Ненадолго, недели на две.

- Знаю я твои две недели. Поесть успеешь?

Смотрю на часы. До самолета три часа. Минус полтора на дорогу, минус

полчаса на регистрацию...

- Успею.

Собираю вещи и слышу, как Лариса говорит в трубку:

- Зина, если хочешь успеть попрощаться с отцом, спеши домой.

- Зачем ребенка пугаешь? Я же сказал, всего на две недели лечу.

- Знаю я твои две недели. Короткие командировки - они самые опасные.

Опять кого-то спасать?

- Никого спасать не надо. Моя машина в заводском доке взорвалась.

Безлошадным я остался.

- Слава богу! Хоть ночью с криком просыпаться не буду. Да о чем я?

Тебе новую дадут. Другому бы не дали, а тебе - дадут! - заводит сама

себя Лариса, расставляя тарелки и постепенно переходя на крик. Обнимаю

ее сзади за плечи и получаю острым локтем в живот.

- Опять забыл на диктофон записать, как ты ругаешься, - шепчу

ей в ухо. - Вот улечу далеко-далеко, за три звезды, соскучаюсь, включу

запись - и сразу себя дома почувствую.

Опять получаю локтем в живот. Но уже без злобы.

- Когда ты так накачался? Весь локоть об тебя отшибла. Иди руки мой.

Не успеваем приступить к первому, как врывается Зинуленок. Еще

из-за двери слышу:

- Пап, чего так быстро? Тебе даже трюмы не успели загрузить.

- Я недалеко и ненадолго! - кричу в ответ. - Ближе, чем до Луны.

- На завод, значит? - с ходу вычисляет Зинуленок. - А здесь ни одного корабля... С Плесецка летишь?

- Ага.

- А я с математики убежала. Прямо с контрольной.

- А я без машины остался. Взорвалась прямо у заводской стенки.

Зинуленок морщит лоб, потом расплывается в улыбке, - Значит, ты

целый год дома будешь?

- Вряд ли больше девяти месяцев.

- Но "Невский Проспект" только через год закончат. А "Стерегущий"

еще позднее.

- Это наши. А про мерикосов ты забыла. "Вирджиния" через неделю на

ходовые выходит, а через семь месяцев - "Колорадо".

- Так тебе мерикосы свой корабль и отдадут! У них своих пилотов

море!

- Может, хватит?! - рявкает Лариса. С удивлением смотрим на нее

и послушно замолкаем. Пару минут слышно только бряканье ложек о тарелки.

- Пап, я тебя до аэропорта провожу, а? - просит Зинуленок.

На выезде из города застреваем в пробке. Поэтому за городом

заклиниваю зубочисткой клаксон и вдавливаю педаль газа в пол. Под вой

клаксона и визг резины на ста пятидесяти выписываю змейку по всем

четырем полосам шоссе. Зинуленок блокирует дверцы и покрепче вцепляется

в ремень безопасности. Из поворота на аэропорт выхожу на двух колесах.

Здесь движение слабее. Увеличиваю скорость сначала до ста восьмидесяти,

а потом до двухсот двадцати. Жму на тормоза метров за двести от главного

входа, а в последнюю секунду из лихости тяну ручник. Машину разворачивает

на сто восемьдесят. Моя дверца теперь со стороны тротуара. Народ

шарахается в стороны, но доблестные гибддшники и охрана аэропорта - ко мне.

- Я космонавт Крымов. В космосе авария. Отгоните мою машину домой,

- сую ключи зажигания ближайшему. - Дорогу Зина покажет.

Парнишка вытягивается по стойке "смирно", отдает честь и расплывается

в улыбке. По глазам вижу, что узнал и хочет взять автограф. Увидев такое,

двое охранников теряются, но третий командует:

- Коля, Миша, проконтролируйте и помогите товарищу!

И мы втроем рысью несемся к стеклянной двери. Клаксон за

спиной

смолкает. На бегу оглядываюсь - Зинуленок перочинным ножиком копается

в руле. Бежим к стойке регистрации дальних рейсов. Охранники вежливо

оттирают пассажиров, предъявляю паспорт, узнаю, какое место мне

забронировано. Без досмотра прохожу контроль, пожимаю руки Коле и Мише,

по рукаву-гармошке топаю на борт самолета. До окончания посадки две с

половиной минуты. Хороший старшОй у Коли с Мишей. С полуслова разобрался

в ситуации, оказал содействие... У них это называется "взял ситуацию

под контроль".

На моем месте у окна сидит Вадим. Сидит - и держит у уха милицейскую

рацию. Кивает мне на соседнее кресло.

- Ты превысил скорость в два раза. Нехорошо.

- В пробку попал.

Вадим увеличивает громкость рации, чтоб я тоже мог слышать. Ребята

пробивают по базам номер моей машины. Машина действительно моя, в угнанных

не числится, и у меня действительно есть дочь Зина. Еще узнаю свой домашний

адрес и номера обоих мобильников. Кто-то обсуждает, как проверить, была ли

авария в космосе. Кто-то предлагает отогнать машину на штрафную стоянку.

Зинуленок против. Вадим усмехается и подносит микрофон ко рту.

- Говорит генерал-лейтенант Калмыков, космические войска. Информацию

подтверждаю, авария имела место. Космонавт Крымов следует в Плесецк, в

настоящее время находится на борту самолета. Он выражает вам искреннюю

благодарность за понимание и содействие. Конец связи.

Самолет уже выруливает на взлетную.

Пока набираем высоту, Вадим достает из "дипломата" ноутбук. Узнаю
подробности. На фотографиях наши корабли больше всего похожи на гантель.

Два шара, соединенные цилиндрической ручкой. Лишь пропорции нарушены.

Диаметр ручки всего на двадцать процентов меньше диаметра шаров. На
одном шаре моей гантельки с одной стороны кратер, а с другой... Словно
кто-то молотком ударил. Причем, острым концом.

- Один человек погиб и один ранен. Лишился ноги выше колена,
- комментирует Вадим. - Повреждена причальная стенка, и внутренние
помещения завода потеряли герметичность.

Причальная стенка сделана из литого лунного базальта, армированного
железом. В то время это был самый дешевый строительный материал.

Достаточно хорошо держит сжатие, но плохо - изгиб. Если стенка треснула,
на самостоятельные орбиты вышло множество базальтовых обломков, которые
представляют опасность. Их надо отлавливать, а это морока на месяцы...

- Комиссия будет искать виновных. Что скажешь?

- Если это, - тычу пальцем в кратер на экране, - третий блок
маневровых, виноваты заводчане.

- А если нет?

- Или никто, или, опять же, они. Корабль я сдал им. В дефектной
ведомости всего два пункта - подозрение на потерю жесткости каркаса и
подозрение на неисправность третьего блока маневровых.

Пользоваться мобильниками в самолете запрещено. Поэтому Вадим
подключает ноутбук к гнезду сети на спинке впередистоящего кресла и
входит в интернет. Через пять минут узнаем, что взорвался действительно
третий блок маневровых.

- Что у нас есть по защите?

- Дефектная ведомость, - загибаю пальцы я, - переговоры с

Лагранжем

во время швартовки. Там звучит фраза "больной швартуется". Если есть

видеозапись швартовки - совсем хорошо.

- У них все есть. Положено хранить три года.

- Еще узнай у Шмидта, предлагали ли они заводчанам буксир. Это уже

не для нашей, это для их защиты. Да и вообще, я сдал им корабль с рук на

руки. От Лагранжа они отошли нормально. Все! За корабль отвечают они.

Пару минут Вадим стучит по клавишам, потом выключает ноут и

разворачивается ко мне.

- Так что с этим третьим маневровым?

- Не знаю. После второго джампа я вручную разворачивал корабль.

Шевельнул джойстик, а движок не сработал. Ну я и отключил его до конца

полета.

- Что значит - не сработал?

- Ну, на развороте корабля движки включаются парами. Должны были

сработать третий и пятый. Тогда корабль разворачивается вокруг игрек.

А если включается только пятый, корабль разворачивает, но не так быстро.

И еще пошла закрутка вдоль главной оси. Я это почувствовал. Прервал

маневр, подумал и отключил весь третий пакет до конца полета.

- А тесты, диагностика?

- Диагностика показывала, все в норме. Но я-то почувствовал...

- Ясно, - говорит Вадим и перекладывает ноутбук мне на колени.

- Запиши все, что сейчас сказал. Рапорт на мое имя. Против нас у заводчан

только одно: Почему ты пригнал машину на Лагранж, а не сразу на завод?

- Потому что неисправности мелкие, а ученые с Лагранжа просили

побыстрей передать им научную инфу, - предлагаю я легенду. Вадим морщится.

- Не было там ученых. Спросят - скажешь, я просил тебя как можно
быстрее доставить данные с "мячиков". Не спросят - молчи. Не заостряй
внимание.

Тошно... Сижу, молчу, изображаю свадебного генерала. Вадим кричит,
спорит, обвиняет. Заводчане отбиваются, но в этом нет смысла. Сто
процентов вины на их пилоте. От буксира отказался, снял блокировку и
погубил мою лошадку. И жалко парня, и убить хочется. Пока молчит - жалко.

Как рот откроет - так бы и придушил! Чтоб генофонд не портил. Кадавр!

Сразу после швартовки я влез в скафандр и пошел смотреть, что
стало с моей лошадкой. Говорят, в конструкции наших кораблей очень
многое взято с атомных подводных лодок. Ну, там, внешний корпус,
прочный корпус... Не верьте. Где вы видели у подлодки четыре киля?

Второй киль моего корабля пробил базальтовую причальную стенку и сам
сдвинулся с места. На него пришлась вся масса корабля - двадцать тысяч
тонн. Вру. Двадцать тысяч - это на старте. На финише, без груза, с
полупустыми баками - двенадцать тысяч. Все равно много! Одни шпангоуты
киль погнул, другие сорвал. Лонжероны пошли дугой. Я видел, как рабочие
наваривали на сорванные шпангоуты титановые косынки. Вдобавок ко всему,
это смещение центра тяжести.

- Я больше не поведу этот корабль в звезду, - сказал я Вадиму при
всех. - Каркас потерял жесткость.

Друг другу пилоты верят. Олдридж, пилот от западников, меня слышал

- и передаст своим. Теперь ни один пилот не погонит мою лошадку к звездам.

Может, ее будут использовать как грузовик на внутрисистемных линиях, а

может, переделают в беспилотник. Но я побоялся бы войти на ней даже в

атмосферу Земли.

- ... В дефектной ведомости не было явного указания на неисправность

маневровых двигателей, - отбивается кто-то из заводчан. - Только подозрение.

- Сейчас у вас есть уверенность, что движки были неисправны?

- тут же наседает на него Вадим.

- Сейчас есть.

- Движки были неисправны, а система тестирования сообщала, что

они исправны. ВАША система тестирования! Так?

- Да, поэтому наш пилот и снял блокировку.

- Вот этим и отличаются наши пилоты! Наш, несмотря на тесты,

распознал нештатку и привел больную машину на базу. Через два джампа

и четырнадцать светолет. Ваш сумел раскурочить ее у заводской стенки!

Возомнил себя асом!!! Мол, разбирается в корабле лучше звездного

следопыта!

Я в разборки не вмешиваюсь. Противно. Кратко и точно отвечаю на

вопросы, если спрашивают, и жду, когда же кончится эта бадяга. Взрослые

люди, а собачатся. Все же ясно... Записи, признания, черные ящики - все

факты налицо. О чем можно спорить?

- Ты что себе позволяешь? Хочешь ребенка угробить? - первое, что

слышу от Ларисы. Это вместо "здравствуй, милый!" Укоризненно смотрю на

Зинуленка.

- Мама угостила кофем того придурка, что машину пригнал, -

сообщает

Зинуленок. - Он наврал с три короба, а мама всему верит.

- Ларис, не бери в голову. У меня реакция - во! Для меня двести

- что для другого - шестьдесят по городу. Я же не зря в космонавты попал.

Хочешь - проверь. Дай мне пощечину.

Лариса не знает, что в молодости я занимался боксом. Легко уклоняюсь

от первых четырех, но неожиданно получаю коленом между ног, расслабляюсь

и пропускаю две увесистые оплеухи справа и слева. Довольная Лариса,

излучая спиной гордое презрение, шествует на кухню.

- Пап, тебе больно?

- Ничего, Зинок, - хриплю я в позе застигнутой врасплох голой

девушки. - Ради мира в семье надо идти на жертвы.

Ковыляю на кухню мириться, но Лариса, оказывается, только на взлет

пошла...

- Опять будешь мне лапшу на уши вешать, что короткие командировки

самые безопасные?

- Ларис, не надо. И так тошно...

- Тошно ему. А мне не тошно, мне страшно! Вчера в Мигалово опять

"Черный тюльпан" сел! Думаешь, мы не знаем, что значит груз двести?

Безопасная командировка! Хохмят еще - семь раз улетел, шесть раз вернулся.

А мы вам кто? Светка кто? Жена, или вдова при живом муже? Зина говорит,

ее Егор только через тринадцать лет до звезды доползет.

Возразить нечего. Девять лет назад Егору не повезло. Он пропустил

производную ноль. Ушел в джамп на последнем, четвертом разряде

активаторов, уже в зоне отражения. Накопителей тогда хватало всего

на четыре разряда. Знали мы мало, вычислять производную ноль почти не

умели, поэтому промежутки между разрядами брали огромные. О том, что

Егор жив, узнали восемь лет спустя, когда пришел его SOS. К счастью для
него, это был первый джамп, баки рабочего тела еще полны, а до ближайшей
звезды не так и далеко - всего около двадцати двух лет ходу. Когда он
до нее доползет, мы вышлем спасательный корабль. Современный, мощный,
надежный.

- Ларис, у нас впереди много спокойных месяцев, - пытаюсь обнять
ее и чмокнуть в носик. Неожиданно она замолкает - будто вспомнила что-то.

... Вытаскиваю из-за спины рюкзак.

- Угадай, что здесь?

- Папа, неужели то, что я думаю!?

- Оно самое.

- Папка!!! - Зинуленок бросается мне на шею. В очередной раз
убеждаюсь, что дети растут. И тяжелеют... Зинуленок вытаскивает из
рюкзака "мячик", восторженно вертит в руках, осматривает и обнюхивает
со всех сторон. Неожиданно улыбка исчезает, уголки губ опускаются...

- Так он ненастоящий...

- Самый что ни на есть настоящий. Только не в комплекте. Уж извини,
батарейку и самоликвидатор пришлось вынуть.

Разворачивает "мячик" и тычет пальцем в гравировку: "Габаритно-весовой
макет".

- А-а, это... Один знакомый сделал. А ты что, хочешь, чтоб меня
таможня прихватила? Кстати, запомни эту легенду. Для всех - даже для
мамы. Особенно для мамы - это макет. Внутри - песок.

- А на самом деле?

- На самом деле - и песок тоже. Я насыпал сколько влезло вместо
самоликвидатора и источника энергии. Но еще там дофига ненаших технологий.

Так что меня могут взять за... Гммм... Одно место очень больно. Итак,

что у тебя в руках?

- Габаритно-весовой макет малого автономного кассетного зонда!

- бойко рапортует Зинуленок. - Пап, а его никому показать нельзя?

- Наоборот, сделай подставку - и пусть у тебя на столе стоит.

Только гравировкой кверху, чтоб все видели. Ты Конан-Дойля читала?

Прятать нужно на самом видном месте.

- Па, а если в него батарейку вставить, он заработает?

- Ага. И очень скоро на улице завоют сирены, к тебе придут люди

в форме и начнут задавать вопросы. Кой-какие антенны я отключил, но на

близком расстоянии сигнал в эфире засекут и без антенн.

Отключал антенны я по-простому, кусачками. Но это уже - тссс...

Конечно, держать "мячик" дома - серьезное должностное преступление.

Именно поэтому никто и не поверит, что он настоящий. К тому же, если

быть точным, он в нерабочем состоянии. Сдох через полторы минуты после

активации. А чтоб вытащить из него технологии, развивающимся странам

потребуется лет тридцать упорной работы. Так что потуги первого отдела

я считаю здоровой должностной паранойей.

Но выглядит "мячик" шикарно. Темные полусферы объективов звездной

ориентации, утопленные в корпус сложенные антенны, цилиндрические индукторы

поля ориентации и стабилизации по бокам и чуть выступающие люки

перископической системы наблюдения. Все крошечное, аккуратное, блестящее

полированным металлом, загадочно-сложное...

Весит это чудо техники меньше пяти кило, стоит как хороший

автомобиль ручной сборки. Но заводы клепают их сотнями тысяч, а мы развозим

- за раз по пять тысяч тонн - и засеиваем ими окрестности ближайших звезд.

Собственно, в этом и состоит наша работа...

На третью неделю культурная программа, составленная Ларисой,
подходит к концу. И это хорошо. Потому что отели я не люблю. Жить надо
или дома, или в палатке. Но в палатке - не сезон. Третьяковки, Эрмитажи
и прочие достопримечательности кончились, а музей железнодорожного
транспорта в Питере Ларису не заинтересовал. Аквапарки, крэзипарки,
всякие лэнды оставляем на выходные, когда к нам присоединяется Зинуленок.
Но на пейнтбол мы с Зинуленком маму не берем. Пробовали - в самый
неподходящий момент она начинает выяснять, кто командир. Зато из нас
двоих получилась хорошая команда. Я даже слегка научился "качать маятник".
И сумел принять три капсулы с краской на приклад. Прикрываться оружием
правила не запрещают. А как мы, прикрывая друг друга, шли по центру
полигона...

- ... Так-то, витязь на распутье, пора выбирать направление.
- Есть выбирать! - звонко рапортую я, вскидывая руку к виску.
Генерал исподлобья смотрит на меня, усмехается в усы и перекладывает
на столе бумаги.
- Первая дорога - в мусорщики. Собирать по всем орбитам мертвые
спутники и их обломки.
Кажется, я рано хохмить начал.
- Вторая, - продолжает генерал, - как всегда, в академию. Обучать
молодежь. И третья... Ты слышал про "Паганель"?
Еще бы! Кто про него не слышал?! Первый корабль, вернувшийся в

систему. Огромный по тем временам - двадцать пять тысяч тонн. Крупный
даже по современным меркам. Создан как пилотируемый, но первый и
последний полет совершивший в беспилотном режиме. Почему так? Да
потому что движки были вынесены на пилонах за пределы корпуса. Маленьких
мы тогда не умели делать, добивались нужной мощности размерами. Уникальный
корабль... для своего времени. Первый, имеющий современные обводы
гантельки. Кстати, это от него пошла мода на четыре киля. На них пилоны
двигателей крепились.
Выносить движки за пределы корпуса все же нельзя. Площадь
поверхности резко увеличилась, и в первый же джамп холодилка израсходовала
три четверти хладагента. Поэтому на обратной дороге после того, как
корабль лег на курс, движки были "сняты с довольствия" - и вернулись
в систему раскаленными глыбами сплавленного металла. Но сам корабль
джамп пережил. Его перехватили над эклиптикой на расстоянии восьми
астрономических единиц от Солнца и перегнали на орбиту Марса. Долгие
годы он служил орбитальной базой. Легендарный корабль...
- Принято решение восстановить "Паганель". По-существу, от него
только корпус да название останутся. Вся машинерия, вся электроника будут
заменены. Но готовый корпус на год сократит срок создания корабля.
- А... Я тут причем?
- Нужно перегнать корабль на завод. Кто-то из нашего ведомства
должен курировать переоснащение корабля. И, я слышал, ты безлошадным
остался?
Лихорадочно прокручиваю в мозгу варианты. Корпус старый. Но
с огромным запасом прочности - тогда мало знали и не

скупились на
надежность. К тому же, всего два джампа. Переделка корабля - это
полтора-два года, не меньше. Но ребята, которые ждут корабли, не будут
на меня в обиде. Мохнатый пожмет лапу и скажет: "Я уж думал, ты мою
машину прямо со стапеля угонишь". А Пьеро не удержится: "На что ему
легковушка, если лимузин предлагают?" И в чем-то будет прав. "Невский
проспект" пятнадцать тысяч тонн, а "Паганель" после перестройки на
двадцать семь потянет. Опять же, дома часто бывать буду...

- На щите, или под щитом? - интересуется Вадим уже в машине.

- Старик наш - кремень! - отзываюсь я. - Камень на распутье.

"Налево пойдешь, направо пойдешь..."

- И куда ты пойдешь?

- На Марс.

- Пешком? - усмехается Вадим.

- На буксире. Старик подарил мне "Паганель" и большой напильник.

После обработки напильником корабль будет мой.

- Оп-па! - Вадим поражен. - Слышал я об этом проекте, но думал,
чистый треп в курилке. Едем ко мне, это надо отметить.

И тут я допускаю стратегическую ошибку.

- Ларису надо бы пригласить.

- Надо - так надо, - легко соглашается Вадим, усугубляя мою
небрежность. Паркуется у тротуара и раскрывает ноут. Через минуту
звонит директору Ларисиной фирмы.

- Здравствуйте, говорит генерал-лейтенант Калмыков, космические
войска. У вас работает некая Крымова Лариса Дмитриевна. По первой
специальности - дизайнер-эргономист интерфейсов систем управления. Вы
не могли бы уступить ее нам на день-другой. Скажем, по обмену опытом...

Хорошо, высылаю за ней машину. Благодарю за содействие.

Из проходной Лариса выходит как королева. Вадим, изображая шофера,

открывает ей дверцу.

- Что на этот раз? - холодно интересуется она. - Опять короткая

командировка?

- Не угадали, - улыбается Вадим. - Крым, колись.

- Я - капитан "Паганеля"! - колюсь я.

- Господи, а я Зину с уроков сорвала.

И тут до Ларисы доходит, что это ПОВОД!!! Наши скромные планы

междусобойчика отвергаются с негодованием. Лариса с дикой энергией

берется за организацию банкета. В сложных случаях изображает из себя

секретаршу Вадима. Заказывается зал в ресторане, берутся напрокат

драгоценности и платье, обзваниваются родные и знакомые... Выбрав

момент, предупреждаю Вадима, что надо разбавить это болото нашими.

Иначе мы пропадем. И, чтоб показать пример, звоню Тимуру.

Как ни странно, банкет прошел весело. Тимура единогласно выбрали

тамадой. Было поднято много тостов, выпито много вина, сказано много

теплых слов. Большинство гостей слышали о "Паганеле" только краем уха и

искренне считали мое назначение повышением. А кто знал - не разубеждали

их в этом. Видимо, сами начали сомневаться. Ведь просто так банкеты не

устраивают. Зинуленку я объяснил ситуацию с капремонтом корабля и попросил

провести ликбез среди гостей. Но она встретила какого-то паренька своего

возраста - и на этом ликбез кончился. Знаю только, что время они провели

интересно, а в фонтане ресторана (в общем зале) плавали двухмачтовые

парусные корабли из подносов. (Мачты - из вилок, паруса - из салфеток,

вымпел из листа салата, подробности - у Зинуленка.)

Лариса знакомила гостей, сияла улыбкой и взятыми напрокат

драгоценностями. Я почему-то должен был танцевать со всеми девушками,

которых она ко мне подводила, узнал много интересного по выездке лошадей
и повадкам охотничьих собак в городских условиях. Клятвенно пообещал
кому-то взять в следующий полет канарейку для контроля качества воздуха
и лететь к Солнцу только ночью. Заодно узнал, как просто, имея обычный
смартфон, завести счет в швейцарском банке. (Теперь у меня есть счет,
и на нем - сто евриков! Как снять их со счета, я не знаю.)
Под конец Вадим связался с нашими транспортниками, и у входа
в ресторан выстроились десять легкобронированных уфазиков. Линейка
одинаковых машин камуфляжной окраски выглядела очень внушительно, даже
у меня вызывала легкий трепет и уважение. Уфазик не очень комфортабелен
внутри, но гости были в восторге. Их еще никогда не развозили по домам
на пуленепробиваемых внедорожниках.
А на следующий день мы с Вадимом были вызваны на ковер и получили
по клизме скипидара с патефонными иголками. С занесением и удержанием.
Шурочка, секретарша Старика, оглянувшись на дверь, показала утреннюю
бесплатную газету "Метро-ном" - местную сплетницу. Вчерашний сабантуйчик
был описан доброжелательно, с юмором, подколками, но точно. Включая
причину торжества, персоналии, парусники в фонтане (фото) и развоз гостей
спецтехникой.
- Мне непонятны только две вещи, - произнес Вадим. - Как эти
щелкоперы успели вставить статью в номер? И каким образом газетенка
попала в руки Старику?

Через неделю собираю чемоданчик. Иду на Марс за "Паганелем".

Лариса держится хорошо. Только спросила:

- Когда тебя ждать?

- Когда меня ждать? - переадресую вопрос Зинуленку. - Вводная:

Иду на буксире тяжелого класса "Прометей".

Зинуленок уже за компом. На экране - расположение планет. В окне

- данные по Прометею.

- Один идешь? Без пассажиров?

- Один.

- Через полтора месяца.

- Ты не дослушала. Туда веду баржу-контейнеровоз массой тридцать

тысяч тонн.

- У-у... Тогда только через два.

- Не пойму, - вздыхает Лариса. - К звездам уходишь на три месяца.

А на какой-то Марс смотаться - целых два.

- Буксир - посудинка маленькая, слабенькая. Опять же, экономия

рабочего тела. Обычно он вообще без людей ходит. Три месяца туда, три

обратно. Да не волнуйся ты! На Марс сходить - это абсолютно безопасно.

Детские потягушки. Хочешь, я тебе каждый день e-mail-ы слать буду?

- У тебя что, интернет на буксире будет?

- Будет, но своеобразный. В реальном времени работать не смогу,

время ответа очень большое. Поэтому, когда щелкаю по ссылке, скачивается

весь сайт. Я его получаю минут через десять-двадцать. И работаю автономно.

Пока не натыкаюсь на следующую внешнюю ссылку. В общем, работать можно,

но занудно.

Сажусь за комп, проверяю финансовые дела нашего семейства. После

достопямятного банкета с драгоценностями напрокат и удержаниями за

спецтехнику от полетных почти ничего не осталось. Перевожу выплату

ближайших зарплат на ларисину кредитку. Кажется, все. Можно идти...

Чуть не забываю счастливый галстук.

"Прометей" обычно ходит как беспилотник. Но "Паганель" не имеет

узлов жесткой сцепки с буксиром. В те времена подобных буксиров не было.

Поэтому на случай нештаток на борту буду я.

Что "Прометей" годами ходил без пилота, понимаю сразу, как только

поднимаюсь на борт. Воздух плохой. Воняет машинным маслом и хладагентом.

Гудят с подвыванием вентиляторы, противно дребезжит что-то в насосе.

При попытке включить свет в машинном отделении выбивает автомат. Короче,

работает только то, что важно для беспилотного полета.

Всю первую неделю привожу машину в порядок. Кидаю по временной

схеме проводку освещения, Устраняю течи в системе охлаждения, выясняю,

где что-то подтекает, меняю прокладки и уплотнители. Стравливаю воздух

за борт, наполняю помещение свежим, с запахом соснового леса. Утечка

намного выше нормы, поэтому наддуваю до полутора атмосфер. Когда подойду

к Марсу, будет ровно атмосфера. Под конец берусь за тряпку и швабру,

провожу влажную уборку агрегатного отсека. Постоянное ускорение хоть и

слабенькое, но позволяет нормально отжимать тряпку в ведро.

А в агрегатном отсеке еще тот свинарник! Именно здесь года три

назад протек маслопровод, идущий к силовым гироскопам системы ориентации.

Как я понимаю, капля отработанного масла размером с ведро образовалась,

пока буксир шел без ускорения. А потом эта капля раздробилась о переборку

во время маневрирования - и из одной капли получились тысячи... Они уютно

расселись на потолках и стенах, загустели, впитали пыль, растворили под
собой краску и никак не хотят смываться. Если взять их растворителем,
краску тоже смою, воздух опять испорчу... Приходится по старинке - макаю
тряпку в обжигающе горячую воду и сурукаю, пока на месте кляксы не
заблестит металл переборки. Вода парит, воздух влажный как в русской
бане. О чем это говорит? С одной стороны о том, что температура кипения
при полутора атмосферах выше ста градусов. А с другой... Что система
вентиляции в агрегатном отсеке приказала долго жить. Ну да, конечно!
Капельки масла засосало в фильтры, они растеклись, впитались, и фильтры
перестали пропускать воздух. Хочется сделать что-то нехорошее с техниками,
готовившими Прометей в полет. Вспоминаю тибетские учения, призывающие
к терпению и созерцанию.
Вытаскиваю двумя пальцами за уголок тряпку из ведра с кипятком,
пришлепываю на переборку, накрыв сразу десяток клякс. Терпеливо поскуливая,
постоянно меняя пальцы, стараюсь удержать ее на переборке, пока хоть
чуть-чуть не остынет. Созерцаю, как вода неторопливым ручейком стекает
на пол и исчезает в щелке на стыке металлических листов. Кстати, потом
придется ее откачивать. Корабль такое место, где любая потерянная вещь
рано или поздно находится. Но это обычно не радует.
Тряпка остыла, переборка нагрелась. С силой тру стену, сдирая грязь
и краску. На обратном пути покрашу все вокруг в ярко желтый, канареечный
цвет. Из вредности! Чтоб любая грязь в глаза бросалась.
Где-то под полом раздается характерный звук электрической искры.
Громко щелкает автомат у входа, и помещение погружается в

темноту. На
секунду загораются тусклые красные плафоны аварийного освещения. Второй
громкий щелчок автомата - и они тоже гаснут. Плавно уменьшается тяга
двигателей, это автопилот, почувствовав нештатку, переводит машину в
инерционный полет. Наступает невесомость. Не успев схватиться за что-нибудь,
всплываю над полом.
В первую минуту испытываю только злость. Во вторую становится
страшно. Где-то рядом со мной в темноте плавают десять литров крутого
кипятка. Контакт с ним не обещает ничего хорошего. Он впитается в одежду,
растечется по мне...
Чувствую себя черной кошкой в темной комнате, которую кто-то очень
хочет найти. Лихорадочно просчитываю варианты. Вода остывает. Но это долго.
Ведро наверняка взлетело. Если долетит до потолка или переборки, вода
размажется по стенкам и остынет. Значит, с каждой минутой опасность
уменьшается. А вероятность столкновения увеличивается... Куда податься
бедному пилоту?
У меня есть тряпка. Ей можно бросить в ведро. Знать бы, где оно?
У меня есть футболка, штаны и кроссовки с липучками. Их тоже можно бросить.
Если попаду тряпкой в ведро, весь кипяток выплеснется крупными каплями
размером с апельсин. Это лучше, или хуже?
Слышу слабый "звяк" ведра. Нервы не выдерживают, запускаю на звук
смятую в комок тряпку. Промахиваюсь, но по законам небесной механики
сам лечу, вращаясь в другую сторону. Слабо ударяюсь обо что-то затылком.
Вычисляю, что если буду активно двигаться, точно поймаю черную кошку.
Или черная кошка - это я? Если поймаю - буду вареным

раком. Красным!

Вареный рак против черной кошки...

Шарю в пространстве руками, цепляюсь за какую-то коробку и сворачиваюсь

в позу эмбриона, коленки к ушам. Чтоб поменьше места занимать. Считаю

секунды, минуты. На третьей минуте что-то теплое, влажное скользнуло по

локтю. Тряпка вернулась. На пятнадцатой решаю, что опасность миновала.

Пора искать выход. Ощупываю предмет, за который держусь. Видимо, это плафон

освещения. Значит, я на потолке, выход или в пяти метрах справа, или на

аналогичном расстоянии слева. Наше дело правое, бросаю себя вправо. Угадал!

Открываю люк. В коридоре светят красные плафоны. Хорошо! Первым делом

куплю на Земле маленький фонарик-жужжалку с механическим приводом, чтоб

от батареек не зависеть - и никогда с ним не расстанусь!

Обесточиваю агрегатный отсек, вскрываю пол. Масло разъело изоляцию

проводов, а вода устроила замыкание. В общем, все ясно. Маслопровод

подтекает несильно, но давным-давно. А техники регулярно пополняют емкости.

И никто не подумал, куда же смазка уходит...

Столовой ложкой собираю загустевшую смазку в большой полиэтиленовый

пакет, обматываю провода изолентой, докладываю об аварии на Землю. Получаю

в ответ стандартное: "Действуйте по обстановке". Описываю в журнале

состояния оборудования течь в маслопроводе, указание на необходимость

очистить пространство под фальшполом от машинного масла. И указание о

необходимости замены электропроводки в связи с разрушением изоляции.

Рутина...

И ни одного письма от Ларисы...

Моюсь в тесной душевой кабинке и размышляю, как причудливо

распределились чужие технологии в пространстве. Чем выше, тем их больше.

Постепенно опускаются вниз. Источники энергии уже начали на аэробусы

ставить. Но как ставят!!! Плакать хочется! Упаковывают каждый в громоздкую

трехтонную неразборную конструкцию. Которую без автогена не вырезать из

десятитонного двигателя. Это чтоб нехорошие люди утащить не смогли. И из

движка ядреную бомбу не сделали.

Ну да, по сравнению с керосиновыми реактивными двигателями эти - шаг

вперед. Но наши корабли летают в атмосфере, используя поле в режиме

"дельфиньей кожи". Другими словами, захватывая полем огромные массы

воздуха, и отбрасывая его в нужном направлении. Первые ракеты-керосинки

тратили тридцать килограммов топлива на килограмм полезного груза на

орбите. Мы выныриваем из атмосферы на второй космической, не израсходовав

ни грамма рабочего тела. Но базы космических кораблей окружены тройным

кольцом охраны. Быстрее долететь с Луны до Земли, чем пройти за проходную

Плесецка или Мигалово. У американцев - то же самое, но с местным колоритом.

В смысле, людей не видишь, только глазки телекамер, сканеры сетчатки,

отпечатков пальцев, голос с потолка, холодные лапы манипуляторов да

коридор из металлических клетушек с выдвигающимися из стен толстенными

металлическими дверьми. Сами корабли сразу после посадки заводят в бетонные

катакомбы со стенами пятиметровой толщины.

Больше всего чужих технологий в "мячиках". Но работают "мячики"

у чужих звезд. Когда-то давным-давно братья Стругацкие написали книгу.

"Пикник на обочине". О мимолетном контакте двух цивилизаций. Там

проникновение чужих технологий в жизнь шло быстрее. У нас же - "человечество

будет разделено на две неравные части" - тоже фраза из них. Земное

человечество живет по-старому, космическое все активнее использует в

быту подарки сверху. Такие дела...

Выхожу из душа и задумчиво смотрю на ведро с тряпкой за прозрачной

створкой шкафчика. Кто-то размышлял о высоких технологиях...

"Паганель" когда-то был зародышем орбитальной станции Марса.

Центробежка создавала слабенькую силу тяжести, чтоб вещи не разлетались.

Постепенно орбитальная разрасталась. В ход шло все - списанные корабли

и буксиры, пустые контейнеры и цистерны. Любая железяка находила здесь

свое место. Другой настолько уродливой конструкции нет во всей системе.

Почему-то местные этим гордятся.

Сейчас вращение орбитальной остановлено, техники вырезают из нее

"Паганель". Это сложно. Какие-то отсеки приходится вырезать и отводить

в сторону, какие-то разгерметизировать. Кого-то из жильцов уплотнить,

кого-то лишать рабочего помещения. То и дело звучит сирена вакуум-тревоги...

В общем, недовольных полно, и даже в туалет народ ходит в гермокостюмах.

Удивительно, но заявление, что я привез пятьдесят ТЖМ-ов (типовых жилых

модулей) не улучшает настроение. Умники тут же начинают считать жилой

объем "Паганеля" и жилых модулей. У модулей объем больше... Все равно

не то! "Паганель" лучше.

Наконец, "Паганель" отделяют от конструкции и отводят в сторону.

А я начинаю сомневаться в целесообразности затеи. К корпусу приварено
и привинчено множество угловатых кронштейнов. В толстых броневых плитах
прорезаны люки. И не все даже герметизированы. Слезно прошу монтажников
герметизировать корпус. Делюсь индийским чаем, консервированными ананасами
из НЗ и мешком собранной в агрегатном отсеке смазки. Меня ругают за
то, что хотел ее за борт выбросить. На "Прометей" поднимается бригада
старателей, вооруженная скребками и столовыми ложками. Оказывается,
смазка здесь в цене. Местные умельцы во что-то ее перерабатывают.
"Паганель" герметизируют и наддувают воздухом.
Пора собираться в обратный путь. Буксир упирается носом в "Паганель"
и притягивается множеством стальных тросов. Крепление полужесткое,
корабли слегка покачиваются друг относительно друга, поэтому маневры
придется делать на минимальных ускорениях. Но жить можно...
Пора домой. И так опоздал на двое суток с прибытием, да на три
недели с отправлением. Правда, с отправлением - по вине монтажников.
Но за счет скорости отыграть смогу только неделю. Прощай, премия за
экономию рабочего тела. Заводчане ругаться будут...
А от Ларисы ни одного письма.

Протягиваю между кораблями гофрированный герморукав и тяжелые - с
руку толщиной - кабели энергопитания. Всю обратную дорогу буду обживать
корабль. Может, рано, ведь предстоит полная перепланировка. Но не могу
удержаться - это МОЯ машина. Отныне наши жизни связаны.
Трюмы корабля разделены переборками на каюты курсантов.

На сто
мальчишек в среднем приходятся две девчонки. Из тех, которые ошибки
природы. Тайсона во втором раунде уложат, невинно похлопают глазками
и скажут: "А он первый начал!" В общем, в каютах полно наскальной живописи
самого разного качества. Гениальные петроглифы фотографирую или отклеиваю
от стенки для своего музея, если их можно отделить от стенки. Ибо настоящее
искусство всегда прекрасно! Один рисунок - вылитая Лариса. Повешу у себя
в рубке.
Живопись среднего качества оставляю заводским монтажникам,
посредственность безжалостно уничтожаю. Ибо нефиг! Мой корабль - не
выставка порнографии.
Рубка "Паганеля" в отличном состоянии. Лучше, чем в отличном.
Навигационное оборудование самое новое. Не сразу замечаю, что это все
тренажеры и имитаторы. Зато на контрольном пульте такой богатый выбор
нештатных ситуаций, что можно любого курсанта до инфаркта довести. Не
понимаю одного: Зачем курсантов тащить на орбиту Марса? Почему не мучить
бедных на земной орбите? Впрочем, это к психологам.
На стенке туалета установлен отполированный сотнями рук до блеска
штурвальчик, которому здесь не место. Над ним в окошечке надпись на двух
языках: "При пожаре повернуть до упора". Заглядываю в соседнюю кабинку
- только четыре болта в переборку уходят. Никаких трубопроводов и вентилей.
Странно... Опускаю забрало гермокостюма, возвращаюсь к штурвальчику и
поворачиваю до упора. Надпись в окошечке уползает вправо, ее сменяет
другая: "Не сейчас, дурак, а при пожаре!"
- За-асранцы! - говорю я вслух. И возвращаю штурвальчик в

исходное
положение. Этой хохме сто лет в обед, а я попался... Старею?

Гости выбрали интересное время для первого визита в систему. Мы
уже замусорили дохлыми спутниками геостационарную орбиту, наследили на
Луне, сфотографировали с близкого расстояния все планеты и их спутники
и даже вывели десяток беспилотников за пределы Солнечной системы. Любой
водитель, любой турист или грибник с помощью системы спутниковой навигации
определял свои координаты с точностью до метра. Но все-таки, это были
робкие шаги. Потому что за килограмм груза на орбите мы платили непомерную
цену - тридцать килограммов на стартовом столе. Для освоения Солнечной
системы нам не хватало двух вещей: Источника энергии и поля. Для выхода
к звездам - еще знания о производной ноль. Впрочем, знаний и сейчас
ненамного больше. Есть умение использовать и много-много теорий. Ползучий
эмпиризм, как называют это мудрые и лысые. Плюс огромное желание
приникнуть к источнику чужих технологий. Начавшаяся звездная гонка
оставила позади как первую лунную гонку шестидесятых годов двадцатого
века, так и вторую лунную двадцатых годов двадцать первого. Да какое
там - если перевести курсы валют к современному - бюджеты холодной войны
покраснели бы от зависти. При этом произносится огромное количество
пустых слов о международном сотрудничестве, но в звездном клубе всего две
державы. Угадайте, какие. Хотя в ближайшее время ожидается пополнение.
Китайцы раскололи все базовые технологии и получили

необходимую информацию

об их грамотном использовании от участников звездного клуба. Скажете,

сотрудничество? Ну да, газеты так и говорят. На самом деле - неприкрытый

шантаж. Китайцы пригрозили раскрыть технологии всему миру, если не

получат сопутствующей информации.

Впрочем, грызня идет внизу, на планете. В высоких политических

кругах. Нам, чернорабочим космоса, не до этого. И на нашем уровне на

самом деле царит взаимовыручка и взаимопомощь.

Сигнал о получении почты. Нет, не от Ларисы. Земля предупреждает

о маневре разворота. Легкий холодок пробегает по спине - не раскусили

ли меня психологи? Тимур - он зубоскал, но дело знает. На всякий случай

квитирую нейтральным "Принял".

Разворот - это как экватор на море. Половина дистанции. Шел с

ускорением, теперь пойду с торможением. Обычно для разворота гасят главный

ходовой, отрабатывают маневровыми разворот на сто восемьдесят и вновь

врубают ходовой. Десять минут невесомости. Почти. Слабенькая центробежка

плюс два импульса боковых маневровых. Но у меня полужесткая сцепка и

три десятка натянутых как струны тросов. Поэтому боковыми маневровыми

отрабатывать не буду. Просто отклоняю на четверть градуса вектор тяги

главного ходового. (Небольшая раскачка все-таки возникла.) Через пару

минут привожу вектор тяги к оси и даже гашу раскачку. Корабль плавно,

почти неощутимо разворачивается. До того плавно, что маневр занимает

полтора часа. Таким же порядком гашу вращение, провожу обсервацию, задаю

коррекцию курса и складываю ладони на животе. Ни один трос не лопнул и не

дал слабины. Но я, говоря нашим языком, сошел с траектории. Новая тоже

ведет на Землю, но она новая. Вопрос, как быстро на это среагирует Земля?

Ага! Не прошло и получаса... Читаю: "Крым, ты на границе коридора".

Так мягко пожурить мог только один диспетчер. На душе становится тепло.

"Шмидт, я тоже по тебе соскучился. Выполнил "мягкий" разворот.

Прибуду вовремя", - отбиваю квитанцию.

За весь полет от Ларисы ни одного письма. Правда, что происходит

дома, я знаю. Общаемся с Зинуленком через день на интернет-форуме.

У меня там ник Галс, и считается, что я моряк. Зинуленок носит звучный

ник Рында. Возраста в интернете нет, поэтому многие завсегдатаи форума

думают, что мы будущая семейная пара. Пусть их... Но почему молчит

Лариса?

Весь обратный полет тоскую по консервированным ананасам колечками.

На Лагранж заходить не стал, сразу повел связку на завод. Попутно узнал,

что у диспетчеров я прохожу как "Пи-квадрат" (Паганель-Прометей).

Стыковка предстоит тяжелая. Стыковочный узел на Паганеле, а все

маневровые движки - на буксире. Я подлетел ближе к Солнцу, тросы

нагреваются сильнее, в них появилась слабина. Температурное расширение,

ети его... Сцепка раскачивается при малейшем маневре. Но на сутки

раньше вернусь домой.

Вчера заглушил ходовой, вышел в космос и повесил на Паганель девять

видеокамер. Надеюсь, углы обзора выбрал правильно. Подхожу на двести

метров к причальной стенке и говорю заводчанам, чтоб убрались куда
подальше и не нервировали меня часа два. Начинаю с того, что проверяю
управляемость связки. Отвратительно... Все движки позади центра масс.
В свободном полете это неважно, но у причальной стенки убийственно.
На удалении метров сорок обрывается один трос. И сносит две
видеокамеры. Ничего, та, что нацелена на стыковочный узел, цела. Уменьшаю
скорость сближения до сантиметра в секунду. Из-за отсутствия маневровых
движков на "Паганеле" каждая коррекция превращается в пятиимпульсный
маневр с паузами. Я мокрый как мышь. И это удовольствие длится целый
час.
Стыковочные узлы соприкоснулись. Так мягко, что я даже не
почувствовал. И не знаю, произошла сцепка, или нет. Чтоб узнать, надо
идти на "Прометей". Или подождать. Выбираю последнее. Отстегиваюсь от
кресла, плыву в каюту переодеваться в сухое. Парадное. Замечаю, что не
мешало бы побриться. Не гармонирует недельная щетина с парадным мундиром.
Когда убираю бритву в футляр, слышу голоса за переборкой. Гости
явились...

- Парни! я его нашел!!!

- Две минуты, ребята, и я ваш! - вновь достаю из футляра бритву

и вожу по чисто выбритому подбородку. Вижу в зеркале десяток довольных

рож за спиной.

- Ну, эстет, - комментирует кто-то. - Учитесь, мартышки, у звездных

рейнджеров!

- Вот и все! - разворачиваюсь к парням. Меня хлопают по спине и

влекут по коридорам через "Паганель" в "карусель" жилой зоны завода.

Силу тяжести в "карусели" заменяет центробежка. Не всю, а только одну

треть, как на Марсе. Но и то - вдвое больше, чем на Луне, например.

В конференц-зале накрыт банкетный стол. Сухой закон временно

отменяется. Звучат тосты. За меня, за новый заказ, за милых дам, за

родную планету, за тех, кто на вахте и на гауптвахте. Потом сбиваюсь.

Народ разбивается на группы по интересам, над столом стоит ровный гул

голосов.

- ... Мы сделаем тебе машину в луч-чем виде, это я тебе говоррю,

- объясняет мне сосед справа. - Заводские - все! - тебя оч-чень уважают.

И я тебе уважжаю. Когда мы тебе машину разбили, комиссии наехали, ты

против заводских слова плохого не сказал! Ты не думай, мы это помним!

- За производную ноль! - поднимаю я стопарь, чтоб сменить тему.

Выпить не успеваю. Ко мне через зал пробивается диспетчер и сообщает,

что челнок на Землю отчаливает через двадцать минут. Спешу на "Прометей",

торопливо собираю вещи. Через четыре часа я буду в Мигалово, через

шесть - дома.

Из космопорта звоню Зинуленку, что прыжки из засады отменяются: К

хилятикам невесомости нужно относиться бережно и с пониманием. Зинуленок

это понимает, Лариса понимать отказывается. Поэтому в постели я - лошадь,

она - всадница. Амазонка дикая, необъезженная.

Утром болят все кости. Вадим присылает машину, тащусь в нашу контору.

Рапорты, медосмотр и прочая тягомотина... Оказывается, я летал без одного

дня три месяца. Поэтому квартальной премии сдельщику за качество мне не

видать. Нет также надбавки за удаленность, за риск. Есть маленькая премия

за аварийную ситуацию самой низкой категории. Которая полностью съедается

вычетом за опоздание. И под конец - выговор с занесением от медиков за

нарушение физического режима. Тимур прикрыл бы меня, но он в отпуске...

Вадим в ярости.

- Идиотов надо учить! - рычит он. - Идем к связистам!

- Может, ну их? Я бы прилег.

Вадим опять рычит, тащит меня чуть ли не за шкирку, оформляет заказ

на срочную связь, и я сорок минут расписываю главному инженеру завода,

что, где и как надо чинить на "Прометее". Под конец главинж переключает

связь в приватный режим и честно спрашивает:

- Крым, какого (би-ип) ты мне эту туфту гонишь? Что случилось?

- На нас наехало начальство, - отвечает за меня Вадим. - Хотят

на парня повесить всех собак и срыв сроков в придачу.

- Так сроки сорвали марсианцы.

- Марсианцы - не их ведомство. Им нужен свой, местный козел отпущения.

- Понятно, - кивает главинж. - Если что - звони, поможем.

Начинаю что-то понимать. Вадим отмечает в табеле сегодняшний день

как рабочий, по графе "консультация РвКП", и квартальная премия у меня в

кармане.

- Подвези до дома.

- Забудь о доме, - рычит Вадим и тащит меня в свой кабинет. Запирает

дверь на ключ. Я тем временем располагаюсь на диване в горизонтальном

положении. Вадим пододвигает к дивану стул, кладет на стул включенный

ноут.

- Рапорт на мое имя. Занеси в файл список всех работ, которые ты

провел на буксире. Даже самых мелких. Если помнишь, укажи время на ремонт.

Не выйдешь отсюда, пока не закончишь. Дураков надо учить!

Надеюсь, последнее - не ко мне. Связываюсь с архивом, скачиваю

файл бортжурнала "Прометея" и, поминутно сверяясь с журналом, начинаю

титанический труд. Задумываюсь насчет времени очистки агрегатного отсека

от смазки. Шесть человек работали двенадцать часов. В конце концов так и

пишу: 6 х 12. Получается, как будто я весь простой у Марса чистил трюм по

шесть часов в день.

- А обратный путь? - интересуется Вадим.

- На обратном я занимался "Паганелем".

- Так и пиши!!! Ты же слышал, заводчане тебя поддержат.

Так и пишу - работы по очистке трюмов Паганеля. Вадим распечатывает

список, карандашиком рядом с каждым пунктом ставит трудозатраты. Долго

что-то пересчитывает, зачеркивает, исправляет...

- По нормативам получается, что ты работал по двадцать часов в

сутки, - наконец, объявляет он. На сон, еду и все остальное - четыре

часа. Даже Наполеон спал больше!

Заносит окончательную цифирь в компьютер, распечатывает и несется

к начальству. Как в последний, решительный. Я переворачиваюсь на другой

бок и засыпаю... Хороший диван у Вадима. Мягкий, широкий, только чуть
коротковат.

Когда просыпаюсь, не сразу понимаю, где я. На мне одеяло, приглушенно,
по-домашнему бубнят голоса. Переворачиваюсь на другой бок и вижу мирную
картину. Початая (и уже почти пустая) бутылка коньяка, Старик и Вадим
ведут беседу "за жизнь".

- Тяжелый выдался рейс? - спрашивает Старик, видя, что я проснулся.

И сам себе отвечает: - Вижу, тяжелый. Пока ты спал, мы здесь навели
порядок. Выговора у тебя нет, а есть благодарность. Зато есть выговор
у медиков. За формализм и отсутствие учета факторов реального полета.

- Был совет экспертов, - поясняет Вадим. - Все пришли к выводу,
что не будь тебя на борту, ликвидировать аварию было бы некому, и буксир
с баржей перехватили бы аж за поясом астероидов. Опоздание с доставкой
груза на полгода, внеплановый рейс танкера к Марсу и прочие расходы.

Так что ты сегодня в героях ходишь.

Я чуть не прослезился. Упоминать, что аварию вызвало мое желание
стенку вымыть, было бы верхом бестакства. Подсел к столу, хватанул
оставленные мне полстакана коньяка и поискал взглядом закуску.

- Кончилась, - пояснил Старик. - Пока ты спал, мы все подъели.

Вот на, запей. - И налил мне в стакан минералки.

Коньяк и газированная минералка на пустой желудок - это как мешком
по голове. Понимаю, что ноги меня слушаться не будут. Язык - тоже.

Лучше сесть поустойчивее и слушать старших.

- ... Ты тогда, наверно, еще в школу ходил, - продолжает рассказ
Старик. - А героя нашего еще и в проекте не было. Сначала

была вспышка.

Астрономы решили, что столкнулись два астероида. Но спектр вспышки

удивлял. Астрономы обнаружили на месте вспышки небесное тело метров

триста длиной. Решили перенацелить на это тело один из зондов для

исследования комет. Сейчас это было бы просто. А в то время - все через

облет Юпитера. Другого пути выйти из плоскости эклиптики не было. Три

года до Юпитера, четыре года до астероида... Время любого полета годами

исчислялось. Но, пока мировая общественность уламывала хозяев зонда

подарить им аппарат, астероид начал маневрировать. Сперва заинтересовался

Сатурном. Потом - Юпитером. Потолкался в поясе астероидов и направился к

Марсу. Здесь его впервые удалось заснять. А он впервые встретил объект

нашей цивилизации. Взял для исследования один из мертвых спутников с

марсианской орбиты. Потом была маленькая паника, когда он направился к

Земле. Но корабль пришельцев обогнул Землю на расстоянии четырех миллионов

километров, после чего нырнул в Солнце. Сейчас-то мы знаем, а тогда опять

была паника. С чего бы пришельцы пошли на самоубийство?

- ... Лар, почему ты мне не писала?

Лариса поворачивается ко мне. На лице так и читается сердитое:

"Начинается!"

- Когда ты уходишь к звездам, ты для меня умер. Или хочешь, чтоб

я ночей не спала, поседела к сорока годам?!

- Лар, не заводись, а? Я же в этот раз недалеко ходил. Внутри системы,

ни одного джампа...

- Хочешь сказать, безопасно, как на автобусе прокатиться? А

это что?

- хватает с серванта квиток-распечатку с моей зарплатой и тычет в графу

"Премия за спасение корабля и груза". - Это что, я спрашиваю? Такие деньги

за просто так дают? Я у Зины спрашивала, ты на два дня опоздал. А мог бы

совсем не вернуться!

- Знаешь, как мне скучно было без твоих писем.

- Знаю! - сказала - как отрезала. - Заглянула в твой чемоданчик с

порнографией.

Только этого не доставало до полного счастья.

- Это искусство! Эротическая графика.

- Искусство - это у Рубенса. У тебя - порнографика!

Сажусь на стул верхом.

- А какая разница?

- Чтоб искусство рисовать, надо сперва имя заработать.

Иду в сортир обдумывать эту мудрую мысль. Иногда моя ненаглядная

глупа до гениальности. Хочется проверить содержимое чемоданчика, но только

не при ней. Иначе - скандал на неделю.

Утром Лариса уходит на работу, а я валяюсь в постели до двух часов.

Потом беру себя в руки и начинаю адаптироваться к земной тяжести. Если

адаптироваться пассивно, нужно целых четырнадцать дней. А если активно,

можно уложиться всего в две недели. Медики никак не могут этого понять.

Выбираю первый путь. Потому что до бассейна надо ехать. А в бассейне

- лестницы вверх, лестницы вниз, в душ, в раздевалку... И на каждой

много-много ступенек. Ну его!

Раскрываю чемоданчик, перебираю рисунки. Вроде, все на месте. Достаю

тот, который похож на Ларису, и начинаю реставрационные работы. Рисунок

долго висел на стенке, запылился, местами потерся, линии

размазались. У

Зинуленка есть резинка настоящих художников из сырого каучука, цветом

напоминающая янтарь. Она отлично убирает грязь с ватмана.

В детстве родители хотели видеть меня художником. Репетитора

нанимали. Так что с техническими приемами я знаком. Мелочи подправить,

оттенить - могу. Вот недрогнувшей рукой одной линией контур обозначить

- этого мне не дано. Чуть меняю разрез глаз, уголки губ. Теперь на ватмане

точно Лариса.

В самый неподходящий момент, когда на столе десяток карандашей разной

твердости, а я - на кухне, шарю в холодильнике, из школы приходит Зинуленок.

- Пап, это ты маму нарисовал? Здорово!

Точно. Здорово. Влип я здорово. Честно сказать, что рисовал не я?

А КТО? Кто, кроме меня, мог видеть маму В ТАКОМ ВИДЕ? И зарисовать...

Сказать, что эта мадам только похожа на Ларису? А я бы поверил? Вот

рисунок, вокруг - орудия преступления. Как наши - 2М, ТМ, так и импортные

"кохиноры", бритва, стружки в пепельнице, проба грифелей на бумажке.

А рисовал не я... Кто мне поверит?

- Не трогай, еще не закончено.

- Пап, а ты мне этот портрет подаришь? Я его на стенку в рамке

повешу.

- Я хотел его у себя в корабле на стенку повесить.

- Ну пап... Ну пожалуйста... Ты себе еще нарисуешь...

Если б я умел...

- Ладно, скопируем, чтоб тебе экземпляр и мне экземпляр.

Зинуленок уже замеряет линейкой размеры, тащит из-за шкафа рамку.

В рамку портрет никак не вписывается. Мелковат. Я тем временем заканчиваю

реставрационные работы по углам, там, где кнопки были. Кладем рисунок

в огромную папку и топаем в фотомастерскую. Там наш

рисунок прогоняют

через сканер размером с праздничный стол. Зинуленок оттирает мастера от

компьютера, начинает умело работать в "фотошопе". Выбирает фон с рисунком

холста, колдует с яркостью, контрастностью, прозрачностью, накладывает фон

на рисунок. Потом рисунок на фон, опять колдует с настройками прозрачности,

размерами холста - и пускает результат на принтер. Я поражен. То, что

вылазит на принтер - это настоящая картина, нарисованная углем на грубом

холсте. И она вдвое больше оригинала - как раз под рамку.

Выводим два экземпляра. Зинуленок на всякий случай скидывает

результат на флэшку, а я предупреждаю мастера, что на рисунке - моя жена.

И если я где-то увижу... Мастер клянется и божится, что блюдет авторские

права, тайну личности и при мне сотрет все рабочие файлы.

Довольные, возвращаемся домой, выбираем место для гвоздя на стене.

За грохотом дрели не слышу, как входит Лариса. Не успеваю предупредить

Зинуленка, и та хвастается картиной в рамке... Что сейчас будет...

Странно. Лариса, кажется, довольна.

- Ах ты мой Врубель!

Не пойму. Вчера это было порнографией. Может, все дело в рамке?

На следующий день меня поднимает с постели телефонный звонок.

Смотрю на часы - полпервого. Смотрю на номер звонящего - Старик. Надо

ответить.

- Крым, ноги в руки - и в управление, - говорит Старик. - Машину

я за тобой выслал.

- Что случилось?

- Иваненко возвращается.

Слушаю короткие гудки. Потом бросаю трубку и спешно одеваюсь. Когда

водитель звонит в дверь, я уже завтракаю - жую холодную сосиску из

консервной банки.

Пока несемся по городу, размышляю. Иваненко ушел в полет четыре

с чем-то месяца назад. Полет за три звезды - это шесть джампов. Плюс

программа. Трудно уложиться быстрее, чем в пять-шесть месяцев. Значит,

нештатка. Понятно, что нештатка, иначе чего ради меня из отпуска сорвали?

Водитель ничего не знает. Не по чину. А жаль. Вообще-то, в этот

полет должен был идти я. Но мою лошадку заводчане кокнули. Вот и пошел

Степа Иваненко. Мужик серьезный, основательный, показного риска не любит,

но от неизбежного не прячется. Жена, трое детей - больше ничего о нем не

знаю. Мы с ним по фазе не совпадали. Я на земле - он в полете, и наоборот.

Корабль - "Адмирал Ушаков", пятнадцать тысяч тонн, десяток рейсов.

- Степан вернулся от первой звезды, - встречает меня Старик.

Ушел в джамп на восьмом импульсе, вынырнул с недолетом. Четыре месяца

подгребал к звезде. Решил вернуться, разгрузил трюмы - и опять ушел в

джамп только на восьмом импульсе активаторов. Вынырнул опять с недолетом.

Будет на Земле только через четыре-пять месяцев.

В рубашке парень родился. Восьмой импульс - это уже в зоне отражения.

Его должно было назад отбросить, как Егора. Эффект зеркала. А он всего лишь

чуть-чуть недолетел. И так - два раза подряд.

- Какая моя задача?

- Ты - член экспертного совета.

Только этого не хватало.

- ... А кого же, если не тебя?! - убеждает Вадим. - Я там не был,

я только по системе грузовики водил. Ты у нас авторитет, солнышко наше

ясное!

- Я капитан, какой из меня эксперт? Я даже не знаю, что там

произошло.

- Никто не знает, в том-то и дело! Степан после первого джампа

решил назад повернуть. Ругать его за это, или орден дать?

- Ты что, издеваешься? Капитан должен верить своей интуиции! Иначе

зачем он вообще на борту? Жесткую программу можно и в автопилот забить.

- Это на комиссии и скажешь.

- Степан был прав на сто процентов! И второй джамп это подтвердил.

Он спас корабль и привез информацию, - не могу успокоиться я.

- Вот для этого тебя в комиссию и назначили. В моих устах это просто

слова. В твоих - неоспоримая истина, понял? Потому что ты носишь это,

- Вадим стучит пальцем по капитанской эмблеме на моем кителе. - Потому

что у тебя авторитет. Ты много раз уходил - и всегда возвращался. Твое

слово имеет вес и у нас, и у американцев... Кстати, об американцах.

Через четыре дня у них намечен старт.

- Предупредить надо...

- А что мы им скажем? Степа улетел, но решил вернуться?

- Да, скажем что знаем. Не маленькие, пусть сами думают, сейчас

лететь, или подождать до выяснения.

Вадим садится составлять документ. Никаких выводов, заключений,

только голые факты. И обещание передавать информацию по мере поступления.

Ставлю подпись. Вадим убегает за подписью Старика. Три подписи членов

комиссии - это не полный состав, но уже внушительно выглядит. Бедные

американцы. Я бы на их месте задержал полет.

- Пап, Дима говорит, что это не габаритно-весовой макет, а самый

настоящий "мячик".

Это вместо "Здравствуй, папа". Смотрю на Диму. Где-то я видел

этого очкарика... Ах да, двухмачтовые подносы в фонтане ресторана!

Беру зонд, взвешиваю на ладони, словно в первый раз увидел.

- Ну да, корпус, наверняка, от самого настоящего. А для чего тебе

настоящий "мячик"?

- Для генератора. Если этот генератор в автомобиль вставить, на

нем год ездить можно. - Паренек тащит из ранца потрепанный журнал

"Техника - молодежи" и тычет в разворот. На развороте - разрез "мячика"

- Гм-м... - чешу я в затылке. Автомобиль этот генератор не потянет.

Слабоват. Но совмещен с аккумулятором на случай пиковых нагрузок. Поэтому

взорвать его можно так, что любая авиабомба покраснеет от зависти.

Собственно, поэтому автомобили пока и ездят на бензине. Если б не было

одиннадцатого сентября, башен-близнецов, взорванных жилых домов... Да мало

ли чего могло не быть! Терроризм - реальная угроза, и давать террористам

ручные гранаты в десяток тонн тротилового эквивалента - себе дороже. Вот

и ездим как в старину, на бензине...

- Бери карандаш, - говорю я пареньку, - считай! Двенадцать вольт

умножить на сто ампер - сколько будет?

- Одна целая, две десятых киловатта.

- Правильно. Меньше двух лошадиных сил. Мопеду хватит, но мотоцикл

уже не потянет.

- Но сто ампер... - парнишка чуть не плачет.

- Ампер много, вольт мало. Зинуль, принеси мои

инструменты.

Стелю на стол газету, поручаю Диме придерживать "мячик" и часовой

отверткой отвинчиваю четыре винта, удерживающие лючок. Подковыриваю его

отверткой, кладу на стол. Дима с Зинуленком сталкиваются над мячиком

лбами.

- Песок...

Высыпаю часть песка на газету. Вспоминаю, что и откуда вынул из

"мячика", беру карандаш и, покручивая, погружаю в зонд на полную длину.

В фокусники мне надо было идти, а не в космонавты.

- Что показало вскрытие? - спрашиваю у детей.

- Корпус настоящий, а внутри пусто, - сообщает Зинуленок. Очкарик

Дима шмыгает носом, переживая крушение надежд.

- Внутри не пусто, а весовой эквивалент оборудования, - поправляю

я, аккуратно ссыпая песок обратно в отверстие и завинчивая лючок. Слюню

палец, подбираю несколько песчинок и пробую на язык. - Песок пресный.

О чем это говорит?

- Морской был бы соленый, - бурчит Дима.

- Тоже правильно, - соглашаюсь я. - Сухой строительный песок.

Будь я экспертизой, определил бы, из какого карьера он взят.

- А толку? - насупился Дима. - Генератора-то там нет!

Когда Дима уходит, Зинуленок по секрету сообщает мне:

- Пап, он не электромобиль хотел сделать, а вертолет. Я уже не

знала, что делать. Знаешь, фанатики какие прилипучие!

Четыре месяца комиссии абсолютно нечего делать. Американцы неделю

выжидали, потом отправили свой корабль в полет. Я мотался между Землей

и заводом, курировал перестройку корабля. Слово какое - курировал...

Снабженцем работал. Выбивал, проталкивал, согласовывал,

утрясал. Старик

не шутил, когда говорил, что от старого "Прометея" один корпус останется.

Наконец, "Адмирал Ушаков" подошел к Земле. Комиссия вновь собралась

в полном составе. Корабль сел в Мигалово, и его облепили специалисты.

- Степан подал заявление, - ошарашивает меня Вадим.

- Уходит из пилотов?

- Уходит из дальнобойщиков. Говорит, внутри системы летать готов,

но в русскую рулетку больше не играет. Два звоночка от судьбы ему было,

третьего ждать не будет. По этому поводу нас Старик вызывает.

- ... Я не русский самоубийца, - спокойно, удивительно спокойно

втолковывает Степан Старику, когда мы входим. - Мне детей надо на ноги

поставить. Как мы летаем? Помолясь да перекрестясь? Вот когда физики

объяснят, как джампер работает, я вернусь.

- Не как, а почему, - поправляет Старик. - Конечно, ты прав. Но

не летать мы не можем. Американосы-то летают. Я похлопочу о твоем переводе

на ближние линии. Когда вернешься из отпуска, обсудим новое назначение.

Степан выходит из кабинета, стараясь не встречаться с нами глазами.

А я чувствую себя побитой собакой. Они оба правы, и Старик, и Степан.

Летать так, как летаем мы - смертельный риск. Поэтому и экипажи из одного

человека. И Старик прав. Контакт с чужаками - это прорыв технологий на

новый уровень. Как я знаю из полусекретных документов, мечта руководства

NASA - даже не контакт. Они мечтают найти заброшенную станцию чужаков

где-то у другой звезды. Или мертвый корабль. Проблем меньше. Технологии

есть, но никакого культурного влияния.

- ... Ты согласен? - Вадим толкает меня локтем.

- А? Простите, задумался...

- Согласен взять "Адмирала Ушакова"?

- А как же "Паганель"?

Старик с Вадимом улыбаются. - Не уйдет от тебя "Паганель". Как со

стапелей сойдет, так твоим будет. Сейчас твое задание - испытать "Ушакова"

во всех режимах.

- А разве с восьмым импульсом уже разобрались?

- В первый же день по прилете, - вздыхает Старик. - Степану мы

говорить пока не стали, чтоб не волновался. Медики за ним и так полгода

хвостом таскаться будут. Вот почитай.

Беру пачку листов, читаю - и сам себе не верю. В предыдущий полет

на последнем джампе на корабле Степана изменились скорости протекания

некоторых атомных процессов. Очень слабо, но изменились. Как следствие,

изменилась скорость хода атомных часов. Поэтому, собственно, активаторы

раньше времени и срабатывали. Поэтому и выход из прыжка с недолетом.

Почему техники сразу не засекли? Да потому что на релятивистских

скоростях время не является той печкой, от которой плясать можно. Скорость

хода времени зависит от скорости полета. К этому все привыкли. Вернулся

в порт приписки, синхронизировал часы с эталонными - и вся недолга.

- Я приказал все продукты, всю воду и расходуемые материалы с

"Ушакова" сбросить на Солнце, - говорит Старик. - Активаторы заменят на

те, которые твоему "Паганелю" предназначались. Вся командная электроника

встанет новая. Ну как, доволен?

Прикидываю, что же это получается? Активаторы от тридцатитысячника

ставят на пятнадцатитысячник. У меня будет двойной запас мощности. Самый

безопасный корабль. А "Паганель" остался без активаторов...

И без
электроники. Задержка на полгода, не меньше. Не возьму "Ушакова" - так и
останусь капитаном без корабля...
- Согласен.
- Как с тобой легко, Крым, - улыбается Старик. А меня начинают грызть
сомнения. Не сглупил ли?

Первый испытательный полет в системе после модернизации "Адмирала
Ушакова". Программа простейшая - разогнаться, проверить движки, проверить
точность хода атомных часов по пульсарам, затормозить, проверить
активаторы. (Должны сработать вхолостую) И - вернуться на Землю. Пять
а.е. туда, пять - обратно. А.е. - астрономическая единица, сто пятьдесят
миллионов километров. Пять а.е. - это как до Юпитера слетать. На все, про
все - пятнадцать дней. Шесть туда, шесть - обратно, три - на замеры и
всякое непредвиденное. За день до старта меня вызывает Старик.
- Слушай меня, сынок. Твой испытательный полет - это липа, прикрытие.
Настоящая цель - вернуть на Землю "мячик".
- Есть вернуть на Землю мячик, - играю со Стариком в гляделки и
считаю мурашек, которые забегали по спине. Много их...
- Не спросишь, чем этот "мячик" особенный?
- Сами скажете.
- Догадливый ты, - усмехается Старик. - Этот "Мячик" побывал в
лапках у чужаков. Пять лет назад корабль чужих снял его с орбиты. А когда
ты был в последней дальней - вернул. Наши наблюдатели говорят, что это
был тот же самый корабль, и следовал он обратным курсом.
Перевариваю информацию. Насчет наблюдателей - это, скорее,

предположение. Что они могут увидеть? Все корабли чужих выглядят похоже.

Или шар, или огурец. Только размерами и отличаются. Через нашу систему

проходит всего одна трасса. Почему так, не знаю, но только одна. Справа

пришел - налево ушел. Слева пришел - направо ушел. Почему-то маршруты

чужих соединяют Солнце всего с двумя звездами. Хотя до- и после - ветвятся.

Движение по этой трассе редкое и нерегулярное. Раз в полгода - уже много!

- Так вот, - продолжает Старик, - "мячик" вновь появился на орбите,

с него идет обычная информация. Но - что удивительно - на двух частотах.

На обычной и на более высокой - слабенький такой сигнальчик.

- А что об этом думают американцы?

- Американцы, надеюсь, не знают. Это наш сектор наблюдения, наш

"мячик". О том, что он замолчал после пролета чужаков, мы им сообщили,

о том, что вновь заработал - нет. Запроса от них не поступало, надеюсь,

они не в курсе. Мы сами обнаружили его появление чисто случайно лишь

полгода спустя.

Второй день испытательного полета. Иду с ускорением чуть больше

одного "g". От Земли уже далеко, но не так, чтоб десятки минут между

вопросом и ответом ждать. Вызываю центр управления полетом.

- Я "Адмирал Ушаков". Вызываю Землю.

- А, Ушак-паша, - отзывается Старик. - Что-то случилось?

- Все в порядке, все по графику, - успокаиваю я. - Поэтому и

вызываю. Прошу разрешения порезвиться.

- Что значит - порезвиться? - в голосе Старика любопытство пополам

с недовольством.

- Порезвиться - это значит погонять корабль на предельных режимах.

На максимальных ускорениях. Ну и потренироваться в тонком маневрировании.

Эта машина для меня новая, мне надо ее почувствовать.

В эфире - тишина. Но если вывести громкость на максимум, можно

услышать, как Старик с кем-то советуется.

- Крым, сынок, - вновь выходит в эфир Старик. - У тебя есть программа

испытательного полета. И есть дата возвращения. Не уложишься - я с тебя

шкурку спущу. Не выполнишь программу - еще одну. Поломаешь машину или

кому-то дорогу перебежишь - еще одну. В остальном - ты капитан, и действуй

по обстановке.

- Есть действовать по обстановке!!! - радостно квитирую я, врубаю

шесть "g" по главной оси и выписываю в пространстве спираль. На самом

деле мне вовсе не радостно. Весь этот диалог - отрепетированная заранее

туфта. Мы слушаем переговоры американосов, они - наши. Программа моего

полета - куда я пойду и что буду делать - опубликована заранее. Ее можно

сопоставить с координатами "мячиков". Теперь, после разговора со Стариком,

программы нет. Куда бы я ни пошел, американосы будут думать, что я оказался

там случайно. Тонкое маневрирование у "мячика" - тренировка. "Мячик"

замолчал? Я протаранил его корпусом или сжег джетом двигателя. Ничего,

не страшно, это "мячик" русских. Сами разберутся... "Тише, Танечка, не

плачь, это был соседский мяч". Впрочем, о том, что на пару минут замолчал

русский "мячик", американцы вряд ли узнают. У них своих хватает. Идеальное

прикрытие.

Тошно.

В космосе не должно быть ни тайн, ни политики. Космос - он

огромен
и чист. Нельзя в него с немытыми ногами.
Выхожу в нужный квадрант на день раньше срока - за счет двух
"g" вместо одного по плану. День веду программу. На седьмой день беру
выходной. Земля не возражает - я иду с опережением, да и на Земле
воскресенье.
От Ларисы опять ни одного письма.

"Мячик" я взял руками и поместил в специальный контейнер с очень
мягкой упаковкой. Взамен пустил в полет новый "мячик". Удалившись метров
на цать, он расправил антенны и принял вахту. А вернувшись в шлюзовую
камеру, я долго вертел трофей и разглядывал через стекло шлема. На
расстоянии нескольких астрономических единиц Солнце не слепит. Светофильтр
не нужен. Поэтому стекло шлема прозрачно как слеза. Фары шлема тоже не
нужны, шлюзовая ярко освещена, все видно отлично. Но впервые я пожалел,
что в комплект инструментов скафандра не входит лупа. Обычная профессорская
лупа размером с блюдце, на длинной ручке с накладками из слоновой кости.
Потому что "Мячиков" было два.
Один - наш обычный "мячик" - шар диаметром тридцать два сантиметра.
С растопыренными антеннами - почти метр.
Второй - вишенка не более двух сантиметров в диаметре, повисшая
на кончике одной антенны. Миниатюрная копия "мячика", тоже растопырившая
крошечные антенны.
В космосе завелся Левша.
Чужой "мячик" пытался общаться с миром на частоте в шестнадцать раз
выше стандартной. Естественно, ему никто не отвечал.

Размеры его тоже
отличались в шестнадцать раз. Откуда число шестнадцать? Это степень
двойки. Два в четвертой степени. Круглая цифра для всех, кто связан с
цифровой техникой.
Я переключился на частоту чужого "мячика" и прогнал серию тестов.
Тесты прошли. Чужой "мячик" отзывался на номер большого брата и был
полностью функционален. Лесковская блоха, получив подковы на лапки,
танцевать перестала, а "мячик" работает. Нам утерли нос...
Что в этом "мячике" невероятного, спросите вы? Простая арифметика
- если линейные размеры меньше в 16 раз, то объем и масса - в 4096 раз.
Но поразительно не это. "Мячиком" управляет компьютер. Процессор этого
компьютера выполнен по 30-нанометровой технологии. То есть, ширина
токопроводящих дорожек на кристалле процессора - тридцать нанометров. Или
сто двадцать атомов. Если отмасштабировать в шестнадцать раз - получится
семь-восемь атомов. А это уже за пределами разумного. Малейший
технологический дефект - и кранты... Да просто заряженная частица попала
в проводник - и нет проводника. Чего-чего, а заряженных частиц в космосе
хватает.
Сверяюсь с таблицей кодов, надиктовываю сообщение для Земли:
- Парни, машина - прелесть! Конфетка! Вы локти кусать будете, что
у вас такой нет. В общем, я в полном восторге! Ждите и завидуйте. Завтра
испытываю активаторы - и назад.
Прослушиваю запись. Голос бодро-восторженный. Психологи говорили,
что такой у меня и должен быть. Если отсеять шелуху, останется: "Программа
выполнена, "мячик" на борту. Ждите сенсационный

материал". Конспирация...

Гнать психологов в три шеи. Завтра предстоит испытание активаторов. Не

в звезде, а просто в пустоте. Производной "ноль" нет. Но и таких мощных

активаторов еще никто никогда не испытывал. Вдруг меня забросит куда-нибудь

к черту на кулички? Недаром же трюмы забиты продуктами - одному на сорок

лет хватит...

Короче, мне просто страшно. Психологи должны были это учесть. Ну и

черт с ними. Отправляю запись в эфир. Через сорок минут Земля ее получит.

Может, отменят прогон активаторов? Чтоб не рисковать ценным грузом...

Как бы не так! В ответ - стандартное: "Рад за тебя, Крым. Завершай

программу и возвращайся".

Единственный раз с "мячиками" чужаков мы встретились года через

четыре после первого визита чужого звездолета. В систему вошел второй

корабль чужаков. Как и первый - со вспышкой. Толстый такой огурец шестисот

метров длиной и почти триста в диаметре. И с ходу направился к ближайшей

планете - Нептуну. Три дня изучал систему Нептуна, после чего направился

к следующей ближайшей планете. Поскольку Уран и Сатурн находились по

другую сторону Солнца, ей оказался Юпитер. На Земле царило возбуждение,

готовое перерасти в панику. Несколько успокаивало разумное, предсказуемое

поведение корабля-исследователя. По-существу, он повторял программу

первого зонда.

Неделю покрутившись среди спутников Юпитера, корабль занялся поясом

астероидов. Все сигналы в радио- и оптическом диапазоне

игнорировал.

Впрочем, не все. Однажды отзеркалил на Землю пятиминутную передачу лазером

в оптическом диапазоне. Ученые воспряли духом. Но чужой корабль вновь

замолчал.

К Земле чужак приближался осторожно, по сужающейся спирали. И начал

исследование с Луны. Это мы так подумали, что его интересует Луна. Потому

что он направился к ней. По всем маневрам выходило, что чужак собирается

выйти на окололунную орбиту. Но чужак скрылся за Луной... и пропал. Вместо

него из-за луны вылетело нечто, больше всего напоминающее на экранах

радаров облако металлической пыли. В оптическом диапазоне, кстати, тоже.

И это облако, рассеиваясь в пространстве, с ускорением в двадцать-двадцать

пять "g" устремилось к Земле.

Военные наделали бы глупостей, но просто не успели. Слишком быстро

все произошло. Даже население не успели оповестить. Уже через полчаса в

атмосферу Земли над крупными городами вошли сотни тысяч, если не миллионы

небольших - около тридцати сантиметров в диаметре - исследовательских

зондов. Позднее общее количество зондов оценили в пятнадцать-двадцать

миллионов. Они опустились как снежинки, как осенние листья, на все

материки сразу. Не пропустили ни одного более-менее крупного населенного

пункта или объекта.

Зонды отличались наглым любопытством. Лезли в жилые дома, магазины,

на заводы, в транспорт. Ничего не трогали, ни на кого не нападали. Но и

в руки не давались. Уворачивались, выскальзывали из пальцев. Наблюдали...

Утолив любопытство, улетали. Или пытались улететь. Если попадали в

ловушку, садились на пол и нагревались до обжигающей температуры, выпуская
при этом струйку голубоватого дыма. Как потом выяснилось, внутренности у
них при этом спекались в кусок шлака.
Нашествие "мячиков" продолжалось около полутора часов. Где чуть
больше, где чуть меньше. После чего "мячики" дружно и организованно
убрались на Луну. На обратную сторону Луны. Там погрузились в свой
космический огурец и отправились на Солнце.
Думаете, по ним не стреляли? Еще как стреляли! Из всего, что под
руку попадется! От "дружественного огня" - есть такой термин - погибло
более шестисот человек. И в десять раз больше было ранено.
"Мячики" вели пассивную оборону. Уклонялись от пуль, "качали
маятник", затрудняя прицеливание, отводили пули в сторону, на рикошет,
эвакуировали или уничтожали на месте "подранков". Самым эффективным
оружием оказался старый, добрый "Калашников" калибра 7.62 с небольшой
дистанции. Отклониться от веера пуль "мячик" не успевал, а отразить
насколько пуль полем или корпусом - силенок не хватало. Правда, хватало
времени включить самоликвидатор. Но - не всегда.
После окончания "Нашествия звездной саранчи" на Земле осталось чуть
меньше трех тысяч сравнительно слабо поврежденных "мячиков" и порядка
девяноста тысяч "спекшихся". Правительства стран и коллекционеры скупали
"трупики" за бешеные деньги. До сих пор скупают. Продав "горелый мячик",
можно безбедно жить на Багамах года три. А хорошо сохранившийся освобождает
от необходимости работать до конца жизни.
Риск, правда, тоже большой. Мафия не дремлет. Но правительства стран
разработали массу безопасных схем выплаты вознаграждения.

А за шантаж и
вымогательство ввели смертную казнь. Удивительно, но помогло...
Всех технологий из "мячиков" вытащить не смогли. Точнее, до сих пор
пытаются. Но генераторы поля и энергии, аккумуляторы поразительной емкости
и преобразователь тепловой энергии в электрическую раскусили в первые же
годы. Откуда взяли технологию активаторов джампа, я не знаю. Сие есть
тайна великая, которую лучше не копать. Информацию о производной ноль
раскопали уже наши ученые, отследив десяток пролетов гостей через
Солнечную систему. Таким образом, у нас в руках оказались ключевые
технологии для выхода к звездам.
Почему звездная гонка не превратилась в повторение лунной, я не
понимаю до сих пор. Начиналось очень похоже - кто первый выскочит в
космос, не израсходовав ни грамма химического топлива, кто первый сядет
на Луну или Марс на машине нового поколения, кто первый обогнет Юпитер
и вернется на Землю на постоянной тяге в 1g... Но на этом гонка резко
закончилась. Начался всплеск политической активности. Десятки встреч на
высшем уровне, совещания экспертных групп, длящиеся сутками - и при этом
минимум выхлопа в прессу. Большая политика творилась тайно, под ковром. А
потом началось сотрудничество. Осторожное такое, с оглядкой, с утаиванием
мелких секретов, но сотрудничество. Не всех, конечно, а "звездного клуба".
То есть, России и Америки. На подходе - Китай.
"Мячики"? Наши "мячики" позаимствовали у иноземных форму, размеры,
массу и несколько технологий. Хотелось бы больше, но увы... Принцип связи
гостей на сегодня так и не распознали. На чем она основана -

непонятно.

Электромагнитная отпадает. Установили только, что скорость света для нее

предел. Подробностей не знаю.

В общем, наши "мячики" разворачивают антенны и общаются между собой

по радио. Просто, надежно и очень по-земному...

Сижу за пультом, готовлюсь к испытанию активаторов. Все не так!

Во-первых, невесомость. Во-вторых, холодилка молчит. Психологов - повесить!

Хоть бы фонограмму пустили. Я бы сам пустил, но вся начинка корабля новая,

записей джампов в бортжурнале нет. В третьих, экраны черные, а шкалы

приборов даже не зеленые, а серые. Пустые!

Ну да, по всем законам здесь производной ноль быть не должно.

Солнце - вот оно, Сатурн - вот, центр галактики - за Солнцем. Но что

мы знаем о физике пространства? Научились делать активаторы - слизали

конструкцию, и делаем. А вдруг они сработают? Куда меня забросит?

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! - корабль сотрясается

от пулеметной очереди тяжелых ударов. Мурашки по коже, душа в пятках.

Потому что удары идут реже, чем на моей старой лошадке. На малую долю

секунды, но реже. Сам так настроил - активаторы-то мощнее. Но к этому

привыкнуть надо...

Верчу головой. Солнце на месте, приборы в норме, только шкала

заряда активаторов пылает красным. До нуля вычерпал накопители. Знаю, что

так и должно быть, но все равно мурашки по коже... Никогда у меня пустых

накопителей не было. Ну и ладушки. Отмучился, пора домой. Программа

испытаний завершена.

Ложусь на курс, даю два "же" по главной оси и бреду в каюту. Надо
будет еще сверить хронометры, но это позднее.

- Пап, мама задумала страшное, - ошарашивает меня Зинуленок, как
только Лариса уходит в магазин. И тянет из-под кровати чемодан.

- Что в нем? - хриплым голосом спрашиваю я.

- Наши вещи. Она развод задумала...

Бред какой-то... Лариса - и развод... В голове не укладывается!

Не потому, что наша семья крепка и дружна. Какие тут могут быть иллюзии?

Но Лариса любит быть на первых ролях. А без меня выйдет облом... Ни
денег, ни положения. На это Лариса не пойдет никогда... если не найдет
эквивалентную замену. А о таком Вадим бы меня предупредил. Это не все
знают, но наши внутренние органы не дремлют. Звездоходы - и их семьи
- под ненавязчивым наблюдением. Узнал я об этом недавно и случайно.

Старик подтвердил. Позвал Вадима, и с меня взяли еще пару расписок о
неразглашении. Бразилия тоже решила выйти к звездам. Собирает технологии
и информацию всеми доступными способами. В том числе, вербуя пилотов. В
большой политике все средства хороши. Теперь я - посвященный. Так что,
если б у Ларисы появился мужчина, я узнал бы об этом первым.

- Бред какой-то, - вслух говорю я.

- Мама придет - спроси у нее сам, - Зинуленок сердито запихивает
чемодан обратно под кровать.

- А жить вы где будете?

- У бабушки.

Да, это вариант... Моя уважаемая теща в последний год здоровьем

ослабела. А характером - железная женщина. Знаю, жилплощадь завещала

Зинуленку. До ее совершеннолетия распорядителем назначила Ларису. Так

что технически вариант реален. Может, она Ларисе мозги вправит?

Нет, все равно не укладывается в голове. Нужно знать Ларису.

Моя половинка всегда знала, чего хочет. Известности, славы, денег.

И трезво оценивала свои данные. Добиваться самой - мало шансов и слишком

хлопотно. Но у женщин всегда есть запасной путь наверх.

Понимала Лариса и вторую прописную истину: чтоб стать генеральшей,

выходить замуж надо за лейтенанта. Я и стал тем лейтенантом. А что? Лариса

сказочно красива. А как готовит... Да мне весь курс завидовал! И первые

годы все шло по ларисиному плану. Я стремительно делал карьеру, Так же

стремительно росли зарплата и благосостояние семьи. По-существу, все планы

Ларисы сбылись. Но, как часто бывает в жизни, результат оказался далек от

мечты. Да, я заработал имя, мировое признание и широко известен... в узких

кругах. До славы эстрадного идола мне - как до неба. Да, в смысле секса

мы с Ларисой идеально подходим друг другу. Но на Земле - на Земле, а не

дома - я провожу от силы три месяца в году. Чаще - два. А деньги... Деньги

волнуют только тогда, когда их не хватает. Как только приход стабильно

превышает расход хоть на копейку, нормального человека они перестают

интересовать.

Наверно, Лариса на подсознательном уровне осознала все это - и ищет

новую линию жизни. Не по-мужски - взвесив, обдумав и спланировав, а

по-женски. Бросаясь из крайности в крайность, методом проб и ошибок.

Видимо, скоро начнутся настоящие скандалы. Лариса будет строить повод для
развода. А я не знаю, как этому противодействовать. Более того, не знаю
даже, нужно ли спасать наш брак.
Только бы это все не ударило по Зинуленку...

Поднимаюсь по лестнице к Старику на доклад. Вприпрыжку, через три
ступеньки. Почему не на лифте? Да чтоб медикам досадить. Ноги тренирую.
Обещал на велотренажере уделать Гришу-велосипедиста. Ляпнул, что два "g"
тренируют ноги лучше любых земных нагрузок, теперь надо отвечать за базар.
Гриша выходит из отпуска через неделю, и еще не знает, что ему медицина
доверила честь института.
В длительном поединке мне его не одолеть. Велосипед - это долгое
постоянное напряжение. Не готов я к такому. Но игра пойдет по моим
правилам. Устрою ему горный этап. То есть, нагрузку на тренажерах выставим
максимальную, как при езде в гору, и если он не сойдет с дистанции через
пятнадцать-двадцать минут - я проиграл... А с чего бы ему не сойти
с дистанции, если сейчас он где-то на Алтае на надувнушке по речке
спускается. На надувнушке веслом работают, если какую мышцу и качают, то
бицепсы-трицепсы. А я - по лестницам вверх-вниз бегаю. Лучшей имитации
горного этапа придумать нельзя... Если победю - пойдет еще одна легенда
по институту про стальных парней, несокрушимых звездоходов... Ради легенды
неделю можно помучиться... Уффф! Вот он - мой этаж.
Смотрю на часы - до срока пять минут. Можно успеть еще заход - до
чердака, вниз и обратно. Старик спросит: "Ты чего такой

мокрый?" А я ему:

"Я очень торопился к назначенному сроку". Он заинтересуется, но уточнять

не станет.

Все, верхняя площадка. Дальше некуда - железная лесенка, люк на

крышу и амбарный замок. Ноги дрожат и подгибаются. Легкие из груди

выскочить хотят. Теперь - вниз неторопливой рысцой. Ноги только какие-то

трудноуправляемые... Главное - не споткнуться. Неверно, товарищ звездоход!

Опыт показывает, что споткнуться можно. Главное - не упасть. Ага, первый

этаж. Теперь - снова вверх, как в последний решительный! Ско-о-оренько

так...

Ноги идти не хотят, тяну себя вверх руками. Мощными рывками за перила.

Останавливаюсь на этаж ниже, чтоб отдышаться. Через неделю я должен буду

одолеть Гришу, а он ведь за страну выступал... Правда, это уже четыреста

какой-то этаж за сегодня, но ведь с перерывами... Четыреста с гаком умножить

на три с половиной - мама родная! Полтора километра. Завтра я с кровати

не встану. А еще Зинуленка с югов встречать...

Этажом выше хлопает дверь, и на площадку, судя по голосам, выходят

два человека. Судя по этим голосам, у меня даже есть время отдышаться.

Потому что один из них - Старик. Второй - Кузьмич. Видная фигура в нашем

муравейнике. В молодые годы сам летал. Не к звездам, правда. К звездам

тогда еще не летали. Сейчас - второй после Главного по летсоставу. Однако,

я не знал, что они курят.

- ... Потому что он всегда возвращается, - продолжает начатый ранее

разговор Старик. - Талант у него такой - всегда возвращаться.

Замираю, затаив дыхание. Нехорошо подслушивать, но я не виноват.

О ком они, интересно? О Степане?

- ... Ты же помнишь, как заводчане его машину расколошматили. Он

на больной машине всю полетную программу выполнил, не поморщился. А как

обычный пилот сел - весь космос в осколках! А помнишь, как у американцев

на "Миссури" главный ходовой в системе Сатурна отказал? Что они сделали?

Сели на шлюп и бросили корабль. Он же его на маневровых вытащил! Четыре

гравитационных маневра вокруг спутников. Научную программу спас,

непрерывный ряд наблюдений не дал порвать.

Вот незадача! Разговор-то обо мне.

- "Паганель" будет флагманом нашего флота, - убеждает Старик. - И я

хочу, чтобы он всегда возвращался. Ты понимаешь, ВСЕГДА!

- Я что, безлошадным его оставляю? У него "Ушаков" есть. Пойми меня,

капитан флагмана - это лицо космофлота. А он - мальчишка. Бывают пилоты

опытные, бывают рисковые. Но опытных рисковых пилотов не бывает. Ты же

его в последнем полете вел. "Прошу разрешения порезвиться" Было? Было!

Как хочешь, но я буду настаивать, чтоб "Паганель" отдали Гаркулову.

Понимаю, что я в полной жопе. Еще понимаю, что Кузьмич о "мячике"

не знает. А раз не знает, значит, знать ему не положено. Психологи, гады,

доигрались с репликами! Я уже "Паганель" своим считал. Банкет в ресторане,

год снабженцем между заводом и Землей мотался... Глупо-то как! Боже мой,

как глупо...

Хлопаю дверью, будто только что вышел на площадку и топаю наверх.

Показываю Старику часы:

- Я минута в минуту.

- Молодец. Вижу, что торопился, вижу, что успел. Только я сейчас

занят. Через час зайди.

- Хорошо, - говорю я и оборачиваюсь к Кузьмичу. - Валерий Кузьмич,

поскольку разговор шел обо мне, внесу ясность. Вот Солнце, - рисую

пальцем на стене круг. - Вот Сатурн. Здесь, между ними, я должен испытать

активаторы. Самые мощные в Системе активаторы. Вас в этой картине ничего

не пугает?

Кузьмич морщит лоб, потом кивает.

- Продолжай.

- У меня самые мощные в мире активаторы, - с напором повторяю я.

- А в этом районе притяжение Солнца почти уравновешивается притяжением

Сатурна. И я боюсь... До дрожи в коленках боюсь словить производную ноль.

Потому что фокусирующей массы звезды нет, и вылететь я могу куда угодно!

- Тогда почему вы не доложили по всей форме на Землю? - Кузьмич

переходит на официальный тон.

- А что я доложу? Что мне страшно? Мы же не знаем, почему работают

активаторы. Мы их слепо скопировали. А вдруг Земля сочтет, что бояться

нечего? Получу с Земли клизму скипидара в качестве успокоительного. Или

другой вариант. Я не прав, а Земля отнесется к моим словам очень даже

серьезно. Клизму скипидара получат ребята, которые мой полет готовили.

Мои друзья, между прочим. Что мне делать? Я пускаю в эфир пулю, что хочу

порезвиться, и лечу сюда! - тычу пальцем в пустое место стены. - Здесь

безопасно! По-любому безопасно!

Кажется, сорвался. Не стоило на Кузьмича голос повышать. Но хоть

душу отвел. Старик пытается испепелить меня взглядом.

- Крым, через час у меня в кабинете.

Надо понимать так, что меня просят удалиться. Склоняю голову, щелкаю

каблуками и удаляюсь... Противно. Так убедительно врал, что

сам поверил.

Поле... Самая загадочная вещь из "подарков" пришельцев. Повторить
легко, понять невозможно. Чем-то напоминает магнитное. В смысле, вихревое.
Опять же, не в бытовом смысле, а научном. То есть, "при перемещении в поле
по замкнутому контуру работа не равна нулю". В бытовом смысле поле тоже
ОЧЕНЬ вихревое. Неустойчивое. Рассеивается, расплывается. Но это не важно.
Важно другое. Когда частица с ненулевой массой покоя пролетает сквозь
поле, скорость частицы чуть-чуть меняется. На фотоны поле не действует.
У фотонов массы покоя нет.
Спрашивается, зачем нужно такое поле, которое через долю секунды
рассеивается, и на материю воздействует слабенько-слабенько? Так одна
волна поля воздействует слабо, две - вдвое сильнее. А когда волны бегут
одна за одной с частотой сотни мегагерц - они даже солнечную плазму
отталкивают. Так генераторы поля и работают - создают волны поля, бегущие
вдоль корпуса корабля в нужную сторону, с нужной скоростью. Это называется
"поле в режиме дельфиньей кожи". Но при погружении в звезду, конечно,
важнее второй режим - расталкивание звездной плазмы с температурой
шесть - двадцать тысяч градусов. Чтоб ни один горячий протон не коснулся
обшивки корабля. Тут уж частота пульсаций поля поднимается до гигагерцев.
А расстояние между волнами сокращается до считанных сантиметров. Кораблю
остается нейтрализовать только поток электромагнитного излучения. Неслабый
такой поток - больше шестидесяти мегаватт на квадратный

метр обшивки.

Половину корпус зеркалит, а вторую половину переводит в энергию, которая

и питает генераторы поля.

К сожалению, ста процентов преобразования энергии достигнуть не

удается. Поэтому холодилка и ревет раненым носорогом. Если же она встанет

в неподходящий момент... Что ж, запаса холода в корабле хватит секунд на

пять-десять. Можно успеть сказать "мяу". Потом начнутся необратимые

изменения обшивки и прилегающего к ней оборудования.

Где еще на корабле используется поле? Да в двигателях! Если сильно

упростить, то двигатель пришельцев - это просто трубка. Рабочее тело

попадает в трубку с одного конца, разгоняется полем и выбрасывается в

космос с другого конца с субсветовой скоростью.

На практике все намного сложнее. Собственно, трубки как раз и нет.

Точнее, она виртуальная. Цилиндрический канал образуется полем. Ни один

конструктивный материал не выдержал бы нагрузок в канале.

В сумме впечатление от наших звездных кораблей двоякое. Помню, в

детстве испытал шок, когда узнал, как работает атомная электростанция.

Как паровоз, честное слово! Атомный реактор банально кипятит воду. Пар

крутит турбину. Смесь самого передового в науке - атомной энергии, и

анахронизма - парового котла. Наши корабли производят схожее впечатление.

Впрочем, в летном училище дали другое сравнение, из области

ювелирки. Технологии пришельцев - это рубины, бриллианты, сапфиры.

Драгоценные камни, в общем. Шлифованные и граненые по всем правилам.

А оправы плотницким топором вырублены. Сделано грубо, топорно... но,

почему-то, работает.

... В до-о-оме, где резной палисад... - мурлыкаю я и поднимаюсь на

этаж технологов. Пришел поинтересоваться судьбой микро-мячика. Вот блин!

Охрана меня не пропускает! Засекретились, засранцы! Ну, вам же хуже!

- Служивый, передай главному, что пришел Крым. Тот самый, который

привез два мячика. Если не пустите, то третий мячик я вам не отдам! Ничего

не перепутай, передай слово в слово. Это шифр.

Отворачиваюсь от окошка пропусков, прислоняюсь спиной к стенке и

скрещиваю руки на груди. Считаю секунды. Четыре минуты - тишина. На

пятой в коридоре раздается конский топот. В предбанник врываются человек

десять-пятнадцать. Хватают меня за руки и влекут внутрь. Начальник

остается утрясать вопрос с пропуском и допуском.

Меня усаживают в кресло. Рядом с локтем на журнальном столике

материализуется стакан чая с лимоном.

- Рассказывай, Крым! - на правах старого знакомого требует Эдик.

Выясняется, что мои "мячики" они получили, но откуда это чудо, сказать им

забыли. Ради секретности, видимо. Из космоса! Но расписки о неразглашении

взяли... Поскольку я тоже давал расписку, всю правду говорить не могу,

запускаю байку.

- Лечу я, значит, лечу...

Спустя полчаса:

- ... активаторы бах-бах-бах - все восемь, как у Степы. Смотрю

по сторонам - Солнце снизу, Сатурн справа. Дома!.. Хорошо-то как!

- Погоди, Крым, а третий мячик?

Достаю из кармана теннисный мяч, кладу на блюдечко.

- Кто-то из ваших в физзале забыл. Просили передать...

Ребята в секретность играть не стали, про микро-мячик

поведали.

Технологи в шоке. Разобрали чужой "мячик" по деталькам. Полная копия нашего. Внешний вид всех деталей точно как в оригинале. Даже заводская маркировка совпадает. Только все в шестнадцать раз меньше. Химсостав материалов немного отличается. В лучшую сторону, надо сказать. С другой стороны, все технологии "мячика" - наши, земные. Изучать нечего. Разве что электронику в микроисполнении. Но тут специалисты в один голос утверждают, что изучить сможем, повторить - нет... Так что ценность находки нулевая.

Технологи в шоке, зато аналитики в восторге. С достоверностью пятьдесят процентов установили, что чужакам бывает скучно. Утверждают также, что с вероятностью двадцать пять процентов чужакам запрещено вступать с нами в контакт. С чего они это взяли, я не понял. Показали мне диаграмму дерева вероятностей, ветвистую как баобаб, и долго трындели про правила валидации информационного градиента вероятностных потоков.

Ушел с чувством собственной неполноценности. Но четыре медика не смогли перевести на русский слово "валидация". Пятый перевел, но сломался на информационном градиенте. Я успокоился. Не так зазорно быть придурком в обществе себе подобных.

Да, Гриша-велосипедист соревноваться со мной отказался. "Я что, с дерева упал - с космачом тягаться?" - сказал он.

Все-таки, поругались с Ларисой. Интеллигентно так, без крика, как воспитанные люди. И это - за день до моего отлета. Лариса

удивительно

удачно выбрала время. Хорошо хоть, Зинуленка дома не было.

Короче, я получил фиктивный развод. То есть, фактический, но

юридически нигде не зарегистрированный. Мне было объяснено, что это для

моей же пользы. Чтоб развод не испортил анкету и не поломал карьеру. Вот

получу Паганель - тогда могу оформить развод юридически.

Похоже, у Ларисы окончательно крыша поехала. А может, наоборот...

Сейчас, если я не вернусь, пенсия за потерю кормильца пойдет ей. Будет

развод - не будет пенсии...

Пока я буду в полете, Лариса с Зинуленком будут жить у тещи. Когда

вернусь - Зинуленок может жить со мной. Если я попрошу, она, Лариса, тоже

может пожить под одной крышей со мной, чтоб не возникало слухов, чего это

мы раздельно проживаем. А легенда для всех - она должна заботиться о

здоровье матери.

Ну есть мозги у бабы? Кому она жизнь портит? Мне - или себе? И

зачем??? Одна надежда на тещу.

Вадим давно говорил, что моя Лариса - как кабриолет. Со стороны

посмотреть - очень красивая. Но без крыши. Уезжаю в Мигалово в полном

раздрае чувств. Если медики не выпустят в космос, будет полный...

Огромный корковистый апельсин с трудом вписывается в пределы экрана.

Холодилка чуть слышно гудит потревоженным ульем. Все "термометры" пульта

- в зеленых секторах. Икебана! Поэтому я во весь голос ору какую-то детскую

чушь:

- Я на солнышке лежу, я на Солнышко гляжу...

Звякает сигнал информационного сообщения. По характерному звуку

определяю, что сообщение экстренное и именно мне, а не всему флоту...

- Вот информ-пакет пришел. Как он, гад, меня нашел? - торопливо

озираю приборы. Затормозить невозможно. На поверхности Солнца ускорение

свободного падения двадцать восемь "g". Отвернуть от звезды уже не

успеваю. Даже если дам двадцать "g" по главной оси. Если дам двадцать

пять, то с погружением в хромосферу - смогу. Может быть... Но на двадцати

пяти я через пять минут превращусь в бездыханную тушку, которую ни одна

бригада реаниматоров не откачает. Хочу я стать бездыханной тушкой? Нет!

Какой из этого вывод? Сообщение может подождать до конца джампа. О чем бы

там ни говорилось. Квитирую кратким "принял".

- Только я-а-а все лежу! И на Солнышко гляжу!!!

От нечего делать запускаю поиск по базам данных, когда и каким

кораблям приходилось сталкиваться с перегрузками, превышающими пятнадцать

"g"? Что? Триста "же"? Шестидесятые годы двадцатого века??? АМС серии

"Венера" и "Луна-16"... Исключить автоматические станции!

Та-ак... Сентябрь 1968-го года, Зонд-5, облет Луны, посадка по

баллистической траектории, перегрузки до двадцати "g", приводнение в

Индийском океане. Я же говорил, что двадцать "же" выдержать можно! Стоп,

но первыми Луну облетели американцы. Хорошо помню - "Аполлон-8". И было

это в декабре шестьдесят восьмого!

Ввожу новый запрос. Корабль "Зонд-5". Экипаж?

Две черепахи... Две советские черепахи в лунной гонке обогнали трех

американцев на три месяца...

Икая от смеха, уточняю запрос. Экипаж должен быть из человеков.

Наконец-то что-то разумное! Экипаж - Лазарев, Макаров, явно человеки.

"Союз" без номера, который должен был стать восемнадцатым. Авария при

выведении на участке работы третьей ступени ракетоносителя. Аварийная

посадка с перегрузкой выше двадцати "же". Если точно, 20.6g Тяжело

пришлось парням...

Смотрю на таймер и погружаюсь в историю первых лет космонавтики.

Сосредоточиться не удается. Ерзаю в кресле словно в ожидании приема

у зубного врача. Солнце уже не вмещается в экран. Загораются шкалы

джамп-режима. Пока - зеленые. Подо мной океан огня, шесть тысяч градусов,

и я ныряю в него вертикально. Как стойкий оловянный солдатик. Звезды, как

я по вам соскучился!

Оглаживаю рукой счастливый галстук. В этот раз он выстиран и выглажен

Зинуленком. Что слегка заметно. Ничего, его еще надолго хватит.

Мягко нарастает перегрузка. Осталось десять минут. Три "же", десять

минут в кресле - ерунда. Даже приятно. Вроде как при деле. В кресле я и

шесть "же" полчаса без последствий выдержу.

Гудение холодилки нарастает, шкалы желтеют. Защитное поле наращивает

плотность. Неторопливо плывут секунды в счетчике обратного отсчета. Когда

вернусь, психологи опять будут в шоке. Вместо выброса адреналина просто

радостное возбуждение. Неужели я на самом деле так радуюсь, что расстался

с Ларисой?

Настроение портится. Слежу за шкалами. Поле в режиме "дельфиньей

кожи". Шкалы желтые - норма, норма, норма, норма. Холодилка ревет хриплым

басом. На моей старой лошадке звук был приятней. Ничего, привыкну.

Температура медленно лезет в оранжевую зону. Скорость - норма.

Накопители - норма. Хорошо иду.

Холодилка воет простуженным слоном. Генераторы лезут в оранжевую,

температура - в красную, зато скорость - тютелька в тютельку. Экран

белый и искристый как снег под солнцем.

Бах! Бах! Бах!

Экран чернеет, перегрузка исчезает, ремни на секунду впиваются в

тело. А у меня перед глазами радужные круги. Надо отрегулировать яркость

экрана, елки-палки. А лошадка моя - молодец! В джамп ушла на третьем ударе

активаторов.

Вой холодилки затихает. Рубка поворачивается в подвесе, занимая

положение для межпланетного полета с ускорением.

Прижимаю рукой галстук, чтоб не плавал перед глазами, осматриваю

пульт. Шкалы джамп-режима медленно зеленеют, сереют и гаснут. Зажигается

запрос на перезарядку баков хладагента. И одновременно зажигаются шкалы

навигационного комплекса. Корабль сам, без подсказки начинает обсервацию.

Умная лошадка!

До звезды - шесть астрономических единиц. Я - над южным полюсом.

До расчетной точки выхода меньше пяти а.е. Очень неплохо для первого

прыжка. Введу поправки, и следующий джамп будет вдвое точнее. Ну, не

вдвое, но точнее!

Вспоминаю, что перед джампом получил информ-пакет. Срочный и важный.

Вызываю на экран и вдумчиво читаю четыре строчки. "В систему вошел чужак

(координаты, вектор скорости). Действуйте по обстоятельствам."

Такие пироги. С котятами... Судя по вектору скорости после выхода

из джампа, чужак направляется сюда. Как я говорил, через

Солнечную систему

проходит только одна тропинка. И через неделю чужак вынырнет где-то здесь.

Дальше - один из четырех известных нам маршрутов. Или пятый неизвестный.

И у меня карт-бланш на любые действия. Вопрос: Что делать?

Высчитываю координаты точки, равноудаленной от всех четырех стартовых

позиций. Чужаки предпочитают нырять в звезду по вертикали. Занимают позицию

на расстоянии от одной до полутора астрономических единиц (это как между

орбитами Марса и Земли) - и вертикально вниз с ускорением в два "g".

Маневр занимает двое суток, плюс время подхода к точке. Обычно чужаки

маневрируют с ускорением от ноль восемь до двух с половиной "g". Мы взяли

с них пример. Хотя "мячики" и астрономы отследили два корабля, которые

прошли весь маршрут с ускорением 14 и 37 "g".

Рассчитываю, сколько времени чужаку нужно на маневры. Ну да, как и

прикидывал, шесть-семь суток. Мне до точки - шесть суток. Это если на

одном "g". На двух - меньше, но торопиться нет нужды. Вписываюсь идеально.

Я все рассчитал точно. Чужак вынырнул на исходе шестых суток. Сеть

"мячиков" тут же засекла его и доложила мне. Даже картинку один из

"мячиков" передал - огурец длиной метров двести пятьдесят-триста. Вспомнив

годы учебы и теорию контакта, я дал чужому кораблю имя "Прелестная

незнакомка".

Через четыре часа стало ясно, что чужак направляется к точке старта

под номером три в моем списке. И на дорогу у него уйдет четыре с половиной

дня. У меня же - всего сутки, если на одном "g".

Пересчитываю маневр так, чтоб в точку рандеву прибыть на пару часов

раньше чужака. Трое суток пойду в инерционном полете.

Как только начал тормозить, чужак меня засек. Видимо, по джету.

Я это понял по тому, как резко он сменил курс. Избегая направлять джет

в мою сторону, произвел маневр, чтоб выйти в новую точку старта - намного

ниже меня. Всего в девяноста гигаметрах от звезды. То есть, дистанция

разгона сократилась вдвое. А чтоб на половине дистанции разогнаться до

той же скорости, ускорение надо увеличить почти до четырех "g"... Может,

переименовать "Незнакомку" в "Быстроногую Газель"?

Но тут меня начала мучить совесть. Я бы обрадовался, если б из-за

какого-то чудака на букву "М" пришлось двое суток на четырех "g"

маневрировать? Да я бы помер! Если не от перегрузки, так от переполняющих

чувств, для которых слов даже в матерном языке не придумали! Надо как-то

извиниться перед "Незнакомкой".

Схема маневра рождается тут же. Ответный шаг. Бессмысленный, но

очень дипломатичный. Если "Незнакомка" уступила мне точку старта, я тоже

уступлю. Она выбрала позицию ниже, я - выше.

Задаю новую программу автопилоту. С дополнением - ни в коем случае

не направлять джет в сторону "Незнакомки".

Через двадцать пять минут спешу поздравить себя с удачей. Незнакомка

снизила ускорение с трех с половиной до двух "g". Если учесть расстояния

и необходимую точность измерений, это практически мгновенная реакция. Еще

не контакт, но уже взаимопонимание.

Хлопнув себя ладонью по лбу, ввожу поправку в курс. Ухожу с той

линии, по которой пойдет джет "Незнакомки", когда она начнет разгон для

погружения в звезду. Если она боится направлять на меня выхлоп, не будем

создавать друг другу проблемы. Космачи должны понимать друг друга с

полужеста.

А почему я дал чужаку женское имя? Судно - оно. Корабль - он. Баржа,

шхуна - некрасиво звучит. Яхта... Бригантина - о! Буду звать этот звездный

огурец бригантиной. Бригантина "Прелестная незнакомка". Пусть так в историю

и войдет. А я войду в историю как безнадежный романтик...

Готовлю отчет, который сброшу "мячикам" после ухода "Незнакомки"

из системы. В нем - схема наших маневров с времянкой и моими комментариями.

Мои маневры выглядят несколько ступенчато и угловато - как джентльмена,

который спешит раскрыть перед дамой дверь и не оказаться при этом у нее

на дороге. Собственно, всю картину можно получить и с "мячиков". В этой

системе их плотность высокая. Важна только последняя фраза: "Следую за

"Незнакомкой". Да, я решил идти в погоню.

В космосе время измеряется неделями. А самое интересное происходит

за минуты, если не за секунды. Или за доли секунд, когда человеческой

реакции уже не хватает. Пересечь систему - неделя, две. А взлет-посадка

- десять минут. Так и живем - между бездельем и спешкой. Сейчас - фаза

безделья. "Незнакомка" несется с ускорением к звезде. Ее маневры удивительно

плавны, перетекают один в другой. Мы пилотируем не так. Мы знаем, чего

хотим, куда идем - и выбираем оптимальный маневр. Точно направленные и

точно отмеренные импульсы двигателей - вот наш стиль. "Незнакомке" по

душе другая манера. Она тоже знает, куда идет, но оставляет себе запас

свободы. Можно чуть правее или чуть левее, чуть быстрее или чуть медленнее.

Она купается в пространстве. Космос для нее - как небо для птицы, так

зачем связывать себе крылья? В нужную точку с нужной скоростью она

выйдет. А каким путем - так ли это важно? Как говорили древние, все

дороги ведут в Рим.

Лирика? А пусть! Тимур много раз повторял, чтоб при встрече с

незнакомым я сбрасывал на запись первое впечатление. Без анализа, как

есть. Мол, им так легче восстановить картину. Не надо отфильтровывать

мои последующие измышлизмы.

Когда "Незнакомка" покинет систему, я займу стартовую точку,

сброшу информацию "мячикам" и... Неважно даже, увижу ли ее у второй
звезды. "Мячики" увидят. Там их много. Возможно, у третьей звезды ее
тоже будут ждать "мячики". Но с такой же вероятностью - нет. Третьих
звезд много. Из той системы, куда мы идем, нам известны пять дорог. И
еще ни разу чужаки не проходили одной дорогой дважды...

Холодилка ревет охрипшим бегемотом. Шкалы - оранжевые, лезут
в красное. Экран слепит искристым снегом. Из спикеров гремит "Полет
валькирий". Я тоже что-то реву. Вагнер кончится за полсекунды до удара
активаторов.

Бах! Бах! Бах!

Круги перед глазами, амортизаторы отыгрываются за три "же", кидают
меня вверх, привязные ремни бьют в поддых... Второй раз, кстати. Убью
того, кто кресло настраивал.

Радужные круги в глазах постепенно темнеют, начинаю различать
окружающую обстановку. Однако, склероз наступает. Еще в прошлый джамп
собирался уменьшить яркость экрана.

Шкалы зеленеют и тускнеют, за спиной стихает вой холодилки.

Зажигается запрос на перезарядку баков хладагента. Пресекаю
самодеятельность, приказываю выдержать паузу в один час. Пусть корабль
сначала остынет.

Корабль уже провел обсервацию. Я вынырнул меньше, чем в двух
а.е. от звезды. А должен был - в пяти. Надо уточнить поправки.

Как только пустил в эфир сигнал "Я свой", с "мячиков" обрушилась
лавина информации. Кроме полутора тысяч астероидов и

малых планет

обнаружено прибытие двух кораблей: "Незнакомки" и меня. "Незнакомка"

прибыла в систему трое суток назад, вынырнула в семи астрономических

единицах от звезды, и движется... Какая удача! Почти ко мне! То есть,

я намного ближе к точке старта, где бы она ни была. Галантно уступим

даме очередь, заодно узнаем, куда дама спешит.

Выписываю в пространстве невиданный крендель, чтоб "Незнакомка"

засекла мой джет. Невероятно! Через два часа "мячики" докладывают, что

"Незнакомка" кокетливо повиляла попкой и легла на прежний курс. Что

невероятного? Да только то, что лучу света надо без малого два часа,

чтоб дойти до нее и вернуться. Она думала над ответом не больше трех

минут. Она ждала моего появления! Это КОНТАКТ! Полное взаимопонимание

двух пилотов!!!

Я выжат как лимон. Иду переодеваться в сухое. Завтра надо заняться

амортизаторами кресла, экраном, изменить циклограмму перезарядки холодилки,

пересчитать поправки... Завтра, все завтра. Сейчас - раздеться и спать.

Надо бы душ принять, но - тоже завтра...

Незнакомка выбрала новый, нехоженый маршрут. У третьей звезды не

будет ни одного "мячика". То есть, если я не успею ее засечь, никто мне

не поможет... А если засеку - надо же еще звезду исследовать и обсчитать.

Массу, скорость вращения на экваторе и на полюсах, закон нарастания

плотности с глубиной, циркуляцию поверхностных течений. Без этого нельзя

уходить в джамп. Можно вынырнуть у черта на куличках. На

изучение звезды

по программе два месяца отводится. За такой полет у американосов неслабую

премию дают. У нас премия не такая внушительная, но еще медаль - за

освоение дальнего космоса. Даст мне "Незнакомка" два месяца на изучение

звезды? Угадайте с трех попыток...

А еще "мячики" надо распределить по орбитам.

Галантно уступив "Незнакомке" стартовую позицию, наблюдаю за ее

погружением в звезду. Думаете, любуюсь? Как же! Информацию собираю.

Сопоставляю ее маневр со скоростью вращения звезды на данной широте,

плотностью хромосферы, напряженностью магнитного поля и всем, что могу

замерить или вычислить. Потом даю автопилоту курс на точку старта и

сверяю полученные данные с нашими таблицами. Трудно согласовать. Я не

математик, а тут - интеграл на интеграле. Ну и плевать! Пошаговый метод

еще никто не отменял. Моделирую погружение "Незнакомки" в звезду. Не этот

джамп, а предыдущий. Граничные условия - от точки последнего наблюдения

до точки джампа. С шагом в один метр. Вариант за вариантом. Алгоритм за

алгоритмом. Я должен понять логику маневра чужака. Если хочу жить...

Почему моделирую предыдущий джамп, когда этот перед глазами? Да

потому что о предыдущем знаю на одну цифру больше! Время джампа. Я засек

начало маневра, а "мячики" у второй звезды - время финиша. Под эту

времянку и подгоняю свою модель.

Холодилка ревет разъяренным носорогом. Из спикеров гремит "Полет

валькирий". Я дирижирую тубом с грейпфрутовым соком и пытаюсь подпевать.

Если думаете, что дирижировать при трех "же" так просто, возьмите в руки

по кирпичу и сами попробуйте.

Самые наблюдательные уже поняли, что погружаюсь я по нашему графику,

по человеческому. С торможением на последнем участке. Да, график чужаков

промоделировать не успел. Нужно еще двое суток непрерывного счета, чтоб

согласовать времянку подхода к звезде с возможностями моей лошадки. Слабая

у нас холодилка, чтоб купаться в хромосфере как чужаки.

БАХ! БАХ! БАХ!

Экран чернеет, шкалы тускнеют и зеленеют, затихает рев холодилки

за спиной. Я - в двадцати двух с копейками световых годах от Солнца.

По прямой меньше, но кто же в космосе по прямой считает?

Торопливо допиваю сок, затыкаю туб и шарю глазами по приборам

навигационного комплекса. Трое суток назад в облаке солнечной плазмы

где-то здесь вынырнула "Незнакомка". Плазма эта разлетается во все стороны

с космическими скоростями. И если очень постараться, можно засечь ее

следы. Серия приказов - и корабль растопыривает все датчики, превращается

в огромное ухо.

Второй способ - оптика. Искать двигающиеся или переменные звезды.

Как на заре астрономии годами искали планеты. Засечь этим способом огурец

длиной триста метров - только если очень-очень повезет.

Третий способ - засечь джет двигателя "Незнакомки". Он-то мне и

помог. Через трое суток, когда я расколол алгоритм погружения в звезду

чужаков, адаптировал его под наше железо и уже отчаялся поймать след.

А также выпустил половину "мячиков". Размещать их по стандартной сетке

орбит не было времени. Поэтому я совершил маневр изменения плоскости и

высоты орбиты - и во время него щедро рассыпал по орбитам "мячики". Как

сеятель - по дуге широким жестом. Через несколько лет они распределятся по

пространству более-менее равномерно. И передадут идущим за мной послание:

"Следую за незнакомкой".

Выписал в пространстве приветственный крендель. "Незнакомка" видела

мое появление в системе, такое трудно не заметить, и наверняка следит за

мной. Теперь она знает, что я тоже увидел ее.

Реакция ее очень странная: она изменила курс. Несильно, градусов на

восемь-десять, но зачем?

Через пару дней я догадываюсь, зачем. Она решила сбросить меня с

хвоста. Собралась прыгнуть сразу на семнадцать с половиной светолет. Это

при том, что у нас даже автоматы больше, чем на четырнадцать не прыгали.

А рекорд пилотируемых - чуть меньше одиннадцати. Есть такая смешная

звездочка - Росс 128 в созвездии Девы. Одиннадцатая в списке ближайших

звезд, одиннадцатая звездная величина. И одиннадцать светолет. Чем-то она

американосам приглянулась года три назад...

Сижу в душевой кабинке под горячей струей, долбящей в макушку, и

тупо перебираю варианты. "Адмирал Ушаков" по паспорту может джампировать

на пятнадцать светолет. Арифметика тут простая. Дистанция джампа практически

линейно зависит от скорости. А вот сопротивление - квадратично. И даже

более. То есть, чтоб поддерживать в звезде нужную скорость,

на генераторы

поля энергии нужно подать вчетверо больше, чем если б прыгал на девять

светолет. Плюс проблемы с холодилкой...

Другой вариант. Я иду к звезде в два прыжка. Перед этим пару месяцев

изучаю каждую звезду, так как изученных здесь нет. Отстаю от "Незнакомки"

на четыре месяца. Удаляюсь от Солнца на пять джампов. Пять - туда, пять

- обратно... А прыти у моей лошадки всего на девять. То есть, одного не

хватает. Конечно, не пройдет и года, как кто-то меня вытащит. Лошадку

придется оставить у первой звезды, потом посылать танкер для заправки.

Не смертельно, но морока года на три...

Можно высыпать аккуратно все "мячики" - и с почетом вернуться.

Отследил третью и четвертую звезду маршрута "Незнакомки". Привез информацию

контактерам-психологам. О том, что два пилота космических кораблей

способны понять маневры друг друга. Очень ценно...

Пятнадцать светолет по паспорту, а нужно семнадцать с половиной. На

тридцать шесть процентов больше допустимой мощности генераторов. Даже с

учетом тридцатипроцентного запаса надежности я не вписываюсь... Вот и весь

расклад. Не умеем мы пока летать на такие расстояния. И в проекте нет

кораблей, которые умеют.

А Зинуленок уже совсем большая. Когда вернусь - ей пятнадцатый

пойдет. Переходный возраст. Как они с Ларисой уживутся?.. Зинуленок ведь

вся в меня.

Выключаю воду, выхожу из кабинки и углубляюсь в психоанализ. Как

Тимур учил. Самое глупое - обманывать самого себя. Я решил прыгать.

"Незнакомка" берет разбег с пяти астрономических единиц. Ведет себя
как-то неуверенно. Как ныряльщик в незнакомом месте. Трудно с чем-то
сравнить, но всегда у нее один маневр в другой плавно перетекал. А тут
- зависла на точке старта на три часа. Может, надеялась, что я подружусь,
наконец, с головой и передумаю?
А я сверил хронометры корабля по пульсарам и в инерционном полете
неторопливо иду к точке старта. Почему в инерционном? Да потому что
снаружи по кораблю кибер ползает. Полирует корпус до зеркального блеска
и распыляет серебро. Если пойду с ускорением, кибер может сорваться. А
я не хочу упускать ни одного шанса. И в запасе еще несколько приемов.
Переохлаждение корабля, например. Грузовой отсек - до минус пятидесяти,
жилой модуль - до трех по цельсию. Ниже нельзя - водопроводы полопаются.
Вторая причина - из инерционного полета я смогу точнее замерить все
этапы маневра "Незнакомки". И повторю, насколько получится. Это сэкономит
мне два месяца изучения звезды. Войду в книгу рекордов Гиннеса по скорости
и дальности межзвездных перелетов. Е.Б.Ж. Если буду жив.

Все не так! Сижу в скафандре, перегрузки не те, холодилка воет
голодным волком, а должна реветь больным мамонтом. Шкалы лезут в красное!
Особенно - скорость и генераторы поля. Генераторы не справляются. Не могут
раздвинуть, растолкать в стороны звездную плазму, она все ближе подступает
к бортам. Силовой генератор тоже в красном. Скорость падает. Поле в режиме

дельфиньей кожи, но генераторы не могут обеспечить нужной частоты пульсаций.

Мать твою! Они ничего не могут обеспечить! Плазма лижет борта корабля.

Иду на самоубийство. Чтоб удержать скорость, включаю ходовой движок.

Не я, конечно. Автоматика. Мне не успеть, счет на доли секунд! Но я

предусмотрел этот вариант. Спросите, откуда на движок энергии взяться? С

накопителей джамп-активаторов!

Индикатор восьмого накопителя стремительно желтеет, краснеет и гаснет.

Так же быстро желтеет, краснеет и гаснет первый. Желтеет седьмой. Плазма

лижет броню.

Бах-бах-бах-бах-бах!!! Пулеметной дробью! Все не так!!! Только пару

секунд спустя понимаю, что живой... Что экран черный, что шкалы желтеют,

зеленеют и гаснут. Главный ходовой сжирает остатки энергии из седьмого

накопителя и отключается. Второй раз в жизни вижу красные шкалы пустых

накопителей. Это дурная тенденция...

Наступает невесомость. "И это - все?" - вертится в сознании нелепая

мысль. Когда ее сменяет более вразумительная: "Кажется, я живой!", беру

себя в руки и отдаю, наверно, самый странный, самый нелепый и дикий приказ

за всю историю космонавтики - раскрыть все наружные люки. Пока горячие.

Пока намертво к корпусу не приварились.

Выжидаю пять минут, потом разрешаю навигационному комплексу провести

обсервацию. Прибыл, конечно, с недолетом. До звезды двадцать семь а.е.

Но это не смертельно. Ближе, чем от Земли до Нептуна. А до самой Земли

- без малого сорок светолет. Так далеко даже беспилотники не залетали.

Закрываю люки. Каждый второй течет. Повело их от перегрева. Это нестрашно.

Это предусмотрено. Запускаю ремонтную процедуру, и киберы шлифуют

прилегающие поверхности, меняют уплотнители у люков второго рубежа. Часов

через восемь буду как новенький. А пока лучше не вылезать из скафандра.

Жилая зона - она, конечно, в глубине корабля, четвертый рубеж и те-де, но

береженого бог бережет. А пока можно подводить итоги. Корабль выдержал

джамп. И прибыл в пункт назначения. Почти... До звезды месяц ходу. Будет

меня "Незнакомка" месяц ждать? Догадайтесь с трех попыток. А с такого

расстояния я ее засеку только в случае, если она прямо на меня джет

направит. По любому варианту, засечь параметры ее маневра - без шансов.

Значит? Значит, подхожу к звезде, раскладываю по орбитам "мячики",

месяц-другой изучаю звезду - и домой... На семнадцать светолет больше

прыгать не буду, значит, до дома - пять джампов в режиме строжайшей

экономии. Если на пятый джамп ресурса не хватит, жду спасателя у первой

звезды.

Выгоняю наружу кибера-полировщика. С двумя целями - восстановить

зеркальный блеск, а заодно - провести полный детальный осмотр поверхности.

Через пять минут - первый доклад. Броневые плиты носового шарика изменили

геометрию. Хитрый термин такой. А на деле - звезда слизнула до двадцати

миллиметров брони. Никаких наплывов расплавленного металла. Там, где

просело поле, срезано гладко, как бритвой. Такова она, звездная плазма...

Не смертельно. Двадцать миллиметров - не страшно. Объясняю это

киберу и подтверждаю приказ: надраить то, что осталось, до зеркального

блеска.

Смешно получилось. Я больше всего боялся перегрева. Корабль
проморозил. Но маневр прошел так быстро, что холодилка и половины обычной
нормы хладагента не выбрала. А вот поле просело до самой брони. И в джамп
я ушел не на третьем, а на импульсе шестого активатора. Так-то - нырять в
звезду по чужому следу...

Через двое суток корабль блестит снаружи и внимательно осмотрен
изнутри. Люки не текут, даже в ванной кран заменил, чтоб не капал. Иду
к звезде с ускорением в 1 "g". Торопиться некуда. Четвертая звезда еще
долго будет конечной остановкой.

Не могу разобраться в чувствах. Себя обманывать глупо - я сыграл в
русскую рулетку. И мне повезло. Оптимально повезло - программу выполню
по максимуму, и домой целеньким вернусь. Три джампа на хвосте у чужака
удержался, доказал практическую возможность такого маневра.

Почему так грустно?

Восьмой день инерционного полета. Наслаждаюсь невесомостью не от
хорошей жизни, а из-за режима строжайшей экономии рабочего тела. Если
сумею сэкономить на девятый джамп, мне памятник нерукотворный на Земле
поставят. Мелочь - а приятно...

Из сладких грез выводит мелодичная трель. Это не сигнал опасности
- тот мертвого разбудит, но что-то в пространстве произошло. Несколько
секунд барахтаюсь в воздухе, пытаясь дотянуться до ближайшей стенки,

надув щеки изображаю воздушно-реактивный двигатель. Наконец, дотягиваюсь,

отталкиваюсь - и, попеременно отталкиваясь от стен то руками, то ногами,

лечу в рубку.

Приборы засекли джет "Незнакомки". Она тормозится, причем идет явно

ко мне. Джет проходит в каких-то ста мегаметрах. По космическим расстояниям

это совсем рядом. Рукой подать. А идет "Незнакомка" на трех "g", никак не

меньше.

Пристегиваюсь к креслу, разгоняю генератор и выписываю в пространстве

крендель. А потом задумываюсь, чего, собственно, ей от меня надо? Неужто

на контакт идет? Аж мурашки по коже!

С другой стороны, до встречи трое суток. Есть время побриться и

освежить в памяти теорию контакта.

Странный у нас контакт намечается. А возможно, я допустил первую

глупость. В общем, чтоб не пожечь "Незнакомку" джетом, я идентифицировал

ее в навигационном компьютере как обитаемую космическую станцию. Корабль

тут же попытался идентифицироваться и сконнектить компьютерные сети. Послал

в радиодиапазоне несколько опознавательных пакетов, несколько запросов,

после чего пожаловался мне: "Незнакомка" не отвечает... Только тогда я

присек самодеятельность в эфире. Как среагирует иноземный разум на эту

рефлексивную деятельность тупого железа?

Похоже, никак. "Незнакомка" подошла километров на двадцать и зависла

неподвижно относительно меня. Никаких сигналов в радио- и оптическом

диапазоне. Полчаса повисели неподвижно. Потом я, как рекомендуют учебники,

начал сигналить световыми вспышками с паузами. Натуральный ряд - до десяти.

Никакой реакции. Нечетные числа - в ответ тишина. Простые числа

- аналогично. Последовательность Фибоначчи... "Незнакомке" это надоело, и

она начала облет меня. Плавно так, по дугам в трех плоскостях, выдерживая

постоянное расстояние около двадцати километров.

Чтоб вновь направить в ее сторону луч прожектора, я начал

разворачивать корабль. Она тут же затормозила. Я не стал прерывать

маневр, а наоборот, раскрутил корабль в трех плоскостях - пусть любуется,

если хочет. Некоторое время она любовалась, а потом... Врубила главный

ходовой - и с ускорением около половины "g" пошла к звезде. Бросила меня!

- Мадам, куда же вы?! Мадам!!! - прокомментировал я, остановил

вращение и устремился параллельным курсом. Почти параллельным. Когда

подойдем к очередной точке старта, между нами будет безопасное расстояние.

"Незнакомка" увидела, что я иду следом, и плавно увеличила ускорение

до трех с половиной "g". Я проклял всех греческих богов и повторил

маневр. Тогда она сбросила до полутора "g", и на этом успокоилась.

Я просидел в пилотском кресле восемь часов, после чего сломался. Пожелал

автопилоту спокойной вахты и пошел спать.

Сломался не физически. Я мозги вывихнул. Что ей от меня надо? Зачем

она спешила ко мне через всю систему? Подошла, полюбовалась мной - и все?

Хорошо, а что я узнал? Я ее видел с расстояния 20330 метров.

Блестящий как зеркало орбитального телескопа эллипсоид вращения длиной

двести девяносто шесть метров. Никаких деталей на поверхности. Абсолютно!

Моя лошадка тоже гладкая и блестящая, когда в звезду ныряет. Но не до

такой степени. На ней хоть контуры люков выделяются. А когда "Незнакомка"

подошла - у меня все антенны и сенсоры наружу торчали. Я же в пространстве

иду. Корабль обязан иметь глаза и уши.

Заснул не сразу, сказалось перевозбуждение. Долго ворочался, по

сотому разу перебирал варианты. Может, она тоже пыталась со мной связаться?

Только по неизвестному мне каналу. Телепатическому, например, или еще

какому. Какового у нас нет... Наконец, заснул. Приснилась мама. Она ласково

растрепала мне волосы и сказала: "Дурень ты мой!" Проснулся с чувством,

что упустил нечто очень важное.

Прошли "экватор". То есть, точку, в которой разгон сменяется

торможением. "Незнакомка" выполнила разворот очень красиво. Только что

шла экономичным ходом, вдруг погасила главный ходовой, буквально за десять

секунд развернулась на сто восемьдесят - и вновь включила главный ходовой.

При этом никаких факелов от маневровых двигателей. То ли она на гироскопах

развернулась, то ли мы чего-то еще не знаем в высокой физике. Скорее,

второе.

Но меня поразила скорость разворота. Ведь это корабль триста метров

длиной! И черт знает, какой массы.

Мы с такой скоростью разворачивать корабль не можем. Но, при

погружении в звезду, иногда требуется сменить ускорение на торможение,

например. На этот случай на наших кораблях стоят два ходовых движка:

Основной на корме и тормозной (он же резервный ходовой) - на носу.

Основной может дать ускорение в двадцать "g", резервный - только пять.

Как мог, повторил маневр "Незнакомки" и занялся навигацией. Теперь

я знаю, куда она идет. То есть, точку старта. А значит, знаю пятую звезду.

Пора заняться неотложными делами. Кто бы мне посочувствовал...

Посылаю "Незнакомке" воздушный поцелуй и увеличиваю перегрузку

до четырех с половиной "g". "Мячики" лучше сбрасывать на удалении порядка

шести а.е. от звезды, а точка старта, куда мы шли - меньше, чем в двух.

Теперь тормозить надо так, что кровь из носа! Мне предстоят очень непростые

сутки.

На всякий случай завожу медицину на навигацию. То есть, если

отрублюсь, автопилот моментально сбросит ускорение до половины "g", а

"Главный фармацевт" вколет в мою тушку что-то возбуждающе-пробуждающее.

Делать больше нечего, поэтому погружаюсь в черную меланхолию. Очень жалко

себя, бедного, хочется поплакать кому-то в жилетку...

Четыре с половиной "g" - своеобразная перегрузка. Уже не, еще не...

Уже нельзя ходить, еще не вызывает особо отрицательных эмоций и ощущения,

будто тебя копной сена придавило. Во всяком случае, в позе "лежа на

спине". В первые десять минут не вызывает. Можно свободно говорить,

можно работать руками. Правда, есть ощущение, что в руках гантели, и

точные движения становятся не совсем точными. Дыхание слегка затруднено.

Как у пловца, когда он на глубине полметра через трубку дышит. Первые

полчаса нормально, потом хочется вынырнуть. Я не мазохист, поэтому дышу

через маску смесью, обогащенной кислородом. Меньше

вдохов-выдохов. Можно

было бы надеть шлем и подавать смесь под избыточным давлением. Дышать

было бы легче, но со шлемом свои заморочки.

Это, так сказать, сверху. А спине кажется, что на вас легли еще

два человека. Тоже нестрашно... первые десять минут. Потом спина

приобретает удивительную чувствительность и сообщает вам о каждой

складочке на одежде, каждой морщинке и каждом шве. Неприятно, правда?

Ничего, можно потерпеть часик - и все пройдет. В смысле, можно отлежать

спину, если не двигаться. А ворочаться с боку на бок при четырех "же"

ой как непросто и неприятно. Организм очень быстро находит недостатки в

любой позе. Вдобавок, позвоночник сообщает, что форма ложа, на котором вы

лежите, не соответствует его изгибам, и он недоволен. Хорошо бы обеспечить

более плотное прилегание. Плечи и коленные суставы после некоторого

раздумья с ним соглашаются.

Вот я лежу, наслаждаюсь первыми минутами и с тоской размышляю о том,

что скоро они пройдут. Музыку слушать невозможно. Для четырех "g" нужна

какая-то своя музыка. Вроде хард метал, только не хард, а острая как

перец. Кого бы из композиторов подержать под перегрузкой, чтоб проникся

и написал? Надо будет у Зинуленка спросить.

Перегрузки, тяготение... Физики утверждают, там, где нет гравитации,

нет пространства. А энергия гравитационного поля отрицательная. И равна

всей остальной энергии, которая положительная и равняется эм цэ квадрат.

Плюс на минус равняется нулю. Другие физики говорят, что снаружи наша

вселенная выглядит как огромная черная дыра. Только ось времени внутри

перпендикулярна оси времени снаружи. Как и у любой черной дыры... Я этого

не понимаю. Нет, формулу нарисовать могу. Сосчитать что-то по формуле

могу, цифирьки в нее подставлю и ответ получу. Но печонкой не понимаю.

А в производной ноль и физики ничего не понимают. Известно одно - как ей

пользоваться.

Если провести прямую, пронзающую центр звезды и измерять

напряженность гравитационного поля на этой прямой, то получим такую

картину: Пока мы приближаемся к звезде, она возрастает. Производная

положительная. Но вот мы достигли поверхности звезды и погружаемся в

нее. Гравитация уменьшается - вплоть до невесомости в центре звезды. А раз

гравитация уменьшается, то производная отрицательная. Была положительная,

стала отрицательная. Что из этого следует? Совсем близко от поверхности

лежит точка, где производная равна нулю! Была бы звезда твердым телом с

постоянной плотностью, эта точка лежала бы точно на поверхности, а так

- нырять в звезду надо. Неглубоко, к счастью.

Вторая точка с нулевой производной лежит точно в центре, а третья

- с противоположной стороны звезды. Если при приближении к первой точке

включить активаторы джамп-режима, можно усвистать куда-то очень далеко

по направлению на вторую точку, то есть, на центр звезды. Расстояние

зависит от скорости. Если включить активаторы с опозданием, когда точка

уже пройдена, усвистишь в обратную сторону. С направлением в этом случае

хуже - с точностью до полусферы. Иными словами, куда бог пошлет...

Какой-то американский физик считает, что активаторы создают еще

одну точку с нулевой производной. Четвертую! Но природа

такой наглости не

терпит - и вышвыривает ее куда подальше. Вместе с кораблем и окружающей

корабль солнечной плазмой. Очень уж странные они - эти точки с нулевой

производной. Американец еще говорит, что если мы поймем, как работают

активаторы, то получим генераторы гравитации/ антигравитации. И наступит

расцвет космонавтики и благорастворение небесов. Я в это не верю. Почему?

Да потому что пришельцы летают с весьма скромными перегрузками. Совсем

как мы. Такие перегрузки можно вынести без гравикомпенсаторов. Были бы у

них гравикомпенсаторы, они летали бы с ускорениями в десятки "же".

Если вдуматься, дикая картина с нашей техникой. Делаем активаторы

на конвейере, а как работают - не знаем. Талантливо спионерили...

Открываю глаза. Играет бодрая музыка, сила тяжести - как на Луне.

Икебана. Смотрю на часы - маневр завершен. Я что, проспал восемнадцать

часов? Проспать столько времени при четырех с половиной "же" нереально.

Значит, я отрубился. Но если б я потерял сознание, мной должен был бы

заняться "главный фармацевт".

Отстегиваю медицинские манжеты и датчики, слезаю с ложа пыток

и смотрю на контрольный экран фармацевта.

Фармацевт ведет перезагрузку операционной системы. С интересом

наблюдаю за процессом. Вот он протестировал компьютер, взялся за контроль

периферии. Справился и с этим, и приступил к тестированию файловой

системы. На чем и обломался...

"Ошибка файловой системы слишком серьезна и не может

быть исправлена

в автоматическом режиме. Требуется вмешательство оператора" - вывел на

экран фармацевт. Подождал минут пять, и не дождавшись моего вмешательства,

вновь пошел на перезагрузку...

- Эх ты, дурилка картонная, - сказал я ему. - Кто кого лечить

должен? Ты меня, или я тебя?

Разбираться, что у него там случилось с файловой системой, не стал.

Просто выдернул блок памяти, пусть с ним специалисты на Земле разбираются.

Вставил пустой и загрузил дамп, снятый в день старта. Фармацевт ожил, а

я глубоко задумался. Понадеялся на технику - и чуть копыта не откинул.

Очень просто мог и не очнуться. Лет через десять наши добрались бы до

этой звезды, обнаружили бы корабль, мой усохший труп - и фармацевта, все

еще висящего в глухом цикле перезагрузки... Какая позорная была бы смерть

- умер от того, что вовремя не получил укол в попку. Я даже слезу пустил,

скупую, мужскую.

Но лирика лирикой, а надо гнать программу. "Незнакомка" ждать не

будет. Или будет? Вот она - висит в точке старта, но нырять в звезду не

торопится. Похоже, ей интересно, зачем я завис в шести астрономических

единицах от звезды.

А мне нужно сбросить "мячики". Круговая орбитальная скорость на

таком расстоянии от звезды - около пятнадцати километров в секунду.

Чтоб разогнаться до этой скорости с нуля на одном "же" надо двадцать

пять минут. Но мне нужно пустить "мячики" в разные стороны, чтоб они

образовали сферу контроля вокруг звезды. В общем, описать виток спирали,

сбрасывая их по дороге. С учетом времени на расконсервацию "мячиков" и

тестирование их перед сбросом, весь маневр занимает четыре часа.

Как и в прошлый раз, сбросил половину оставшихся на борту "мячиков".

"Незнакомка" дождалась окончания моего маневра, и как только я лег

на курс в точку ожидания, начала разгон. Я тут же перешел в инерционный

полет, чтоб точнее засечь все ее маневры.

Бах!!!

Экран чернеет, шкалы желтеют, зеленеют, сереют и гаснут. Мне

становится страшно. Я ушел в джамп на первом импульсе активатора. А если

пропустил производную "ноль" и ушел в зоне отражения? Болтаюсь сейчас

в космосе в сорока с чем-то световых годах от Земли. Даже если SOS дам,

он на Землю после моей смерти придет!

Навигационный комплекс, выждав положенное время, начинает

обсервацию. До звезды семь с чем-то а.е.

Даже сил нет выругаться. Идеальный джамп. Попал именно туда, куда

хотел. Если б ушел в джамп на третьем импульсе, бил бы в ладоши и скакал

по кабине как горный стрекозел. Но на первом - это опасно. Слишком опасно.

Да и с какой радости мне скакать. Я у пятой звезды. Если не засеку

"Незнакомку" и пойду назад, до Солнца не хватит двух-трех джампов.

Застряну с пустыми баками у третьей звезды года на три. Если очень-очень

повезет, дотяну до второй звезды, и там застряну. Надеюсь, там - не более,

чем на год. Потом за "Ушаковым" пошлют танкер. Бадяга еще года три года. А

"Паганель" отдадут Гаркулову...

А если засеку...

Мощный джет у "Незнакомки"! Мы еще долго не сможем строить таких
движков.

Все дело в том, что импульс и, соответственно, тяга реактивного
двигателя линейно зависят от скорости истечения вещества. А необходимая
для разгона этого вещества энергия - квадратично! То есть, чтоб разогнать
струю джета вдвое сильнее, энергии надо в четыре раза больше. Чтоб втрое
- в девять раз. Джет "Незнакомки" - он глубоко-глубоко в релятивистской
области. Теперь я знаю, почему чужаки стараются не направлять джет туда,
где есть что-то живое, почему замолкали "мячики", попавшие в джет чужаков.

Я сам оказался в роли такого "мячика".

Нет, все не так страшно. До "Незнакомки" пять астрономических
единиц, угол расхождения струи более полутора градусов. Но все же, я
включил поле, как будто погружаюсь в звезду. Не то, чтобы помогло, но
половину энергии ионов поле гасит. Пришлось включить двигатели и уходить
на шестикратной перегрузке.

Нет, "Незнакомка" ни в чем не виновата. Когда она включила двигатели,
меня еще в системе не было. А о том, что я появился в системе, она узнает
только минут через сорок. И даже если в ту же секунду выключит двигатели,
еще пятьдесят с чем-то минут я буду ощущать прелести ее выхлопа. Таковы
космические расстояния...

Беда еще в том, что "Незнакомка" не может погасить движки. Она идет
в точку джампа. Потеря скорости равносильна недолету. Да и не известно,
видит ли она что-то точно за кормой.

Как же так случилось, что я вынырнул в таком неудачном

месте? Это
же астрономически низкая вероятность.
Подсчитал. Нет, оказывается, вовсе не астрономическая. Всего-навсего
от одной трехтысячной до одной пятитысячной. Примерное направление, куда
идет "Незнакомка" я за пять джампов уяснил, точку выхода из джампа выбирал
с учетом этого направления, да и джамп прошел идеально. Вот и словил
джет "Незнакомки". Теперь спасаю шкурку, бездарно сжигаю в движке рабочее
тело... "Буратино, ты сам себе враг" - сказала бы Зинуленок. Что сказала
бы Лариса, упоминать не буду.

Описал виток спирали, сбросил половину оставшихся "мячиков". Иду в
точку старта и грызу ногти. Катастрофически не хватает информации.
Погружение "Незнакомки" в звезду я наблюдал с чрезвычайно неудачной
позиции - точно за ее кормой. При этом сам шел с ускорением. Точность
измерений недопустимо низкая.
С другой стороны, когда буду возвращаться от шестой звезды, на
прыжок в семнадцать светолет точно не решусь. Значит, девятый джамп
будет к той четвертой звезде, у которой наших кораблей еще не было. На
то, чтоб вернуться от четвертой звезды, ресурса наших кораблей хватит.
Рано или поздно меня вытащат. Но сколько лет ждать? А если у меня на
девятый джамп ресурса не хватит - тогда плохо... Тогда застряну у пятой
звезды, и надо будет ждать нового поколения кораблей с новыми двигателями.
Как у "Незнакомки".
Листаю звездные атласы, ищу аналоги пятой звезды. Есть две очень

похожие. У одной масса на три процента больше, другая чуть быстрее

вращается. Что приятно - "мячики" не раз записывали во всех деталях,

как чужаки ныряли в эти звезды. Подставляю эти данные в свою программу,

обсчитываю полеты чужаков. Получается что-то вполне разумное. Теперь

если учесть разницу в массе и плотности звезд... Риск не выше пятидесяти

процентов. Прости, Зинуленок, прости, Лариса, я иду к шестой звезде.

А сейчас - спать. Сорок часов без сна...

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Шкалы зеленеют, сереют и гаснут, а я даже не волнуюсь. Джамп на

шестом импульсе - значит, я там, где надо. Сейчас остынет обшивка,

раскроются люки, корабль ощетинится антеннами и сенсорами. И я узнаю

детали. "Незнакомка" должна быть где-то здесь. У пятой звезды она

управилась очень быстро, но я тоже не потерял даром ни одного часа.

Корабль провел обсервацию. Шесть с чем-то астрономических единиц от

звезды. Можно прямо здесь начинать выгрузку "мячиков", только скорость

до орбитальной сбросить.

Три часа спустя почти не удивился, когда корабль на пару секунд

попал в поток тяжелых ионов. "Незнакомка" сама меня приветствовала.

Выписал в пространстве привычный крендель, мол, спасибо, заметил. Она

уже в точке старта. Повисела еще пару часов, засекла мой ответ и взяла

разгон. А я погасил двигатели, чтоб точнее зарегистрировать ее маневр.

Итак, что имеем?

У третьей звезды она пыталась от меня оторваться, прыгнув

светолет. Оторваться не удалось.

У пятой звезды пыталась оторваться, уйдя в джамп до того, как я

появлюсь в системе. Оторваться не удалось.

Теперь она согласна идти в паре. А у меня всего три джампа в запасе.

И пора поворачивать назад. Впервые она пошла на контакт. Впервые я получил

четкий сигнал, предназначенный именно мне. Господи, обидно-то как...

На портрете Лариса улыбается уголками рта. То ли смущенно, то ли

иронично. А глаза смеются. Когда/если я вернусь, Зинуленок будет совсем

взрослая, у нее начнется своя жизнь... А что будет с Ларисой? Одной она

оставаться не захочет. Терять пенсию за меня, оформлять настоящий развод

- тоже. И никто не сможет долго выносить ее характер. Жена - одно,

склочная любовница - совсем другое. Плохо получается. Очень плохо.

Незавершенное дело за спиной.

Сдуваю пылинку с портрета. Какая она красивая, моя Лариса. Умная,

красивая, расчетливая. Как же так случилось, что ты промахнулась с этим

фиктивно-фактическим разводом?

Рано или поздно по следу моих "мячиков" пойдут корабли. Возможно,

даже парой - беспилотный танкер и пилотируемый разведчик. Парой до шестой

звезды они дойдут. И разведчик сможет вернуться.

У капитана корабля большая власть. В том числе - по гражданским

делам. Заношу в бортжурнал запись разрешения на развод для Ларисы.

Дублирую на "мячики" - вчера я сбросил половину оставшихся. Дополнительно

сообщаю свою волю: Половину своей зарплаты за время

полета с настоящего

момента и до возвращения на Землю перевожу на счет Зинуленка, вторую

половину - Ларисе. Теперь Лариса свободна и обеспечена. Может, выйдет за

кого-то замуж. Я сделал все, что мог.

Включаю главный двигатель и иду в точку старта. Я пойду в паре с

"Незнакомкой" до конца.

Горечь полыни во рту.

Бах! Бах!

Экран чернеет. Зеленеют и гаснут шкалы. Я у седьмой звезды. Полторы

а.е. от светила плюс перелет. То есть, промах на восемь астрономических

единиц. Не самый удачный джамп, но я уже забыл, когда на третьем импульсе

в прыжок уходил.

Разрабатываю оптимальную схему маневра для сброса "мячиков" и выхода

в точку старта к восьмой звезде. Ни черта не получается с оптимальным.

Рабочего тела - кот наплакал, а хочется еще на два джампа наскрести.

С хладагентом лучше. Это потому что сэкономил, когда на семнадцать

светолет прыгал.

Принимаю решение выгружать "мячики" как получится, не отходя от

звезды на пять-шесть а.е.

Абсолютно равнодушно воспринимаю доклад автопилота, что корабль

вновь ощутил на себе двухсекундный джет "Незнакомки". Слабо виляю кормой

в ответ. Мол, спасибо, вижу. "Незнакомка" в четырех астрономических

единицах от звезды, идет в точку старта. Теперь я буду знать восьмую

звезду. Но это не важно. Важно, что "Незнакомка" подтвердила согласие

идти в паре.

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Столько считал, столько факторов учел, а уйти в джамп на третьем импульсе все равно не смог. Обидно! Трудно идти по чужим следам... Но все-таки, я у восьмой звезды. Расстояние - семь с половиной, позиция довольно удачная. Но рабочего тела мало. На девятый джамп не хватит.

Точнее, на сам джамп хватит, а вот затормозить у девятой звезды не смогу.

Усвищу из системы в дальний космос, ни одна собака не найдет. Срочно надо что-то придумать.

А впрочем, что думать? Вариантов всего два. Или заполнить чем-то баки, или облегчить корабль. Он и так вдвое легче, чем на старте. Но этого мало.

"Незнакомка" опять оповестила меня о своем местоположении коротким импульсом джета, и я, по сложившейся традиции, вильнул кормой.

Как только снизил скорость до орбитальной, выпустил половину оставшихся "мячиков". На ходу выпустил, практически на одну и ту же орбиту, с минимальным разбросом скоростей. Но на раскладку по сетке орбит, извините, ресурса нет. Потом заглушил главный ходовой, облачился в скафандр, кликнул киберов и пошел в трюм. "Мячики" в трюме ведь не навалом насыпаны. Они фиксируются в стеллажах-элеваторах и шлюзуются в космос через револьверные установки. Стеллажи в этом рейсе мне больше не нужны. Баласт. Баласт можно за борт.

Спустя четверо суток "Адмирал Ушаков" снизил массу на тысячу тонн.

Я потерял двух киберов, порвал скафандр и чуть-чуть не погиб. Но чуть-чуть

не считается, а победителей не судят. Киберов только жалко. Веса в
невесомости нет, но масса остается. Их раздавило секцией стеллажей.
"Незнакомка" начала маневр погружения в звезду, я дал команду
зафиксировать все ее эволюции и лег спать. Четверо суток на стимуляторах
- это слишком.
Проснулся через сутки. Проконтролировал, как идет наблюдение
за "Незнакомкой", поел, побрился и снова лег спать. Встал свежий как
огурчик и еще раз все просчитал. Джамп на шесть с половиной светолет.
Совсем короткий по космическим меркам. На восемь я бы прыгнуть не смог.
Если джамп пройдет нормально, мне хватит рабочего тела затормозить до
орбитальной скорости по любому варианту. Если повезет, смогу выйти на
орбиту какой-нибудь планеты. Если они там есть. У планеты меня проще
будет найти... Лет так через двадцать с хвостиком. А я смогу засечь
десятую звезду маршрута "Незнакомки". Цепочка из десяти звезд достаточно
точно показывает направление ее полета. Может, яйцеголовые сумеют
вычислить, куда она шла.

Бах! Бах! Бах! Бах!
Наверно, это последний джамп в моей жизни. Я у девятой звезды, и
это надолго. Если и полечу назад, то пассажиром.
Через три часа приходит привет от "Незнакомки". Я задержался,
поэтому она уже в точке старта. По сложившейся традиции виляю хвостиком,
и еще через три часа вижу, как она пошла на разгон. Я знаю десятую звезду.
Задаю автопилоту программу торможения и выхода на

гелиоцентрическую
орбиту. Осталось всего одно дело - запустить последние "мячики" - и можно
консервировать системы корабля. А можно не консервировать. Это не имеет
никакого значения. Скоро у меня будет очень много свободного времени.
Скорее по привычке фиксирую параметры маневра "Незнакомки". Уверен,
теперь бы я смог уйти в джамп на третьем импульсе. Прощай, "Прекрасная
незнакомка", с тобой хорошо было идти в паре. Вроде, мы научились неплохо
понимать друг друга, ты как думаешь?

Наверно, я псих. Когда до погружения "Незнакомки" в звезду осталось
всего три часа, я врубил SOS. Морзянкой. Полной мощностью, в самом широком
радиодиапазоне, какой только позволяла аппаратура.
Зачем я это сделал?
Разумеется, "Незнакомка" не обратила на мой сигнал внимания. Даже
если б она разбиралась в наших сигналах, поздно уклоняться от звезды.
Она ушла, а я еще долго грыз ногти и думал, зачем?
- Зачем я это сделал? - спросил себя вслух. И не смог ответить.
Скверно. Звездоход должен понимать, что делает, и зачем. На пенсию пора...
Три дня спустя выпустил последние "мячики". Их осталось меньше
двух процентов от первоначального количества. Точнее - 1/64. Срезал и
выбросил за борт последние стеллажи и последнюю револьверную пусковую
установку. Потом раскрутил корабль, чтоб центробежка заменяла гравитацию.
Долгая невесомость вредит здоровью.
Теперь у меня есть огромный пустой трюм. Можно устроить в нем
оранжерею. Или тренажерный зал. Или и то, и другое.

Времени на все хватит.

Чего-чего, а свободного времени навалом.

Вышел в коридор, нарисовал на стенке крестик и поставил текущую

дату. Буду, как узники, рисовать крестики каждый день, зачеркивать семь

крестиков, отмечая неделю, набирать из недель месяцы и годы. Я подсчитал,

этой стенки хватит на двадцать пять лет. Продуктов на сорок. Если ужать

паек - на пятьдесят. Воздуха - если организую оранжерею - навсегда! У

меня ОЧЕНЬ МНОГО свободного времени.

На следующий день анализировал грандиозный честолюбивый план.

Если провести совсем небольшую коррекцию траектории, то через пару лет

рядом окажется пятая планета. Совершив вокруг нее гравитационный маневр,

я через пять лет приближусь к четвертой планете и смогу выйти на ее

орбиту. В принципе, смогу даже сесть - у нее есть слабенькая атмосфера

из углекислого газа в основном. Всего семь лет - и в моих руках целая

планета!

А ведь хладагента хватит на один джамп! Если запасусь на этой

планете рабочим телом, то смогу сделать прыжок навстречу спасателям.

На первый взгляд реально. Жаль, не смогу синтезировать хладагент.

Вышел в коридор и поставил на стенке второй крестик...

Как мы шли... Как божественно мы шли... Девять джампов, на каждый

джамп в среднем две недели. Чуть больше четырех месяцев - и восемьдесят

два светогода... Никто из землян не летал так далеко и так быстро. Я

установил прорву мировых рекордов. Пройдет полвека, прежде чем падет

последний.

Зачем-то взял листок и просчитал варианты спасательных экспедиций.

Тоскливо! Нужен один корабль-спасатель и три беспилотных танкера. Причем,

два танкера навсегда останутся у звезд, а за последним, чтоб вернуть,

придется посылать еще один танкер. И все это - не раньше, чем через десять

лет. Потому что танкер существует пока только в проекте. Я знал, на что

иду.

Хочется на берег речки. Искупаться, полежать на теплом песке.

Послушать шум леса под ветром. Может, напечатать фотообои? У меня есть

коробка бумаги А3 и принтер.

Весь день дотошно анализировал варианты, когда меня вытащат.

Мое направление, конечно, приоритетное, но далеко не единственное. И на

пути очень много новых звезд. А у нас правило - не больше одной новой

звезды в маршруте за раз. Девиз космофлота - спешка хороша при ловле

насекомых. В смысле, геройства не надо, главное - привези информацию.

Свою, или чужую, с "мячиков". От того парня, который не довез...

Не помню, говорил, или нет, но на обследование новой звезды перед

прыжком уходит два месяца. Плюс по месяцу-полтора научной программы у

каждой звезды. Плюс, собственно, сам полет... В общем, рейс к третьей

звезде занимает полгода. Месяца три - анализ результатов. Итого - срок

беременности. Рейс к четвертой звезде - еще два-три месяца накинуть надо.

А дальше - только с танкером. Который надо построить. И все это - чепуха,

потому что даже с танкером дойдут только до шестой звезды. Лет за десять.

А там - будут ждать создания новых двигателей. Те, кто

пойдут за мной,

на семнадцать светолет прыгать не станут. Разобьют этот прыжок на два.

Для них я не у девятой, а у десятой звезды.

Вывод: Если наши и американосы объединятся в вытаскивании меня - ждать

гостей надо через семнадцать лет. Если нет - все двадцать. Чем я не граф

Монте-Кристо. Могу сказать, чем. Робинзон я. В графья не вышел. В общем,

пятнадцать лет отдыхаю, потом начинаю волноваться. Сказочные перспективы.

Всегда мечтал отоспаться...

Выхожу в коридор и рисую четвертый крестик. Достаю тубус с листами

наскальной живописи, которая так не понравилась Ларисе, и начинаю

реставрационные работы. Работаю до глубокой ночи... по бортовому времени.

Эх, Лариса... Застрял бы я у девятой звезды, если б не твое

предательство? Не знаю.

Наша красная палатка
Тирилимби лимби бом!
Словно красная заплатка
Тирилимби лимби бом!

Ору я во все горло песню из кинофильма про полярников. Про неудачную

экспедицию Нобиле, разбившего свой дирижабль во льдах Северного Ледовитого.

Есть в этой песенке слова: "И весь мир помочь не сможет!" Очень актуально.

Почему-то еще не осознал душой, что застрял здесь на полжизни. Разумом

понял, а душой - нет. Веду себя так, будто пауза в обычном рейсе. То ли

жду возвращения беспилотных зондов, то ли в инерционном полете иду. Вторая

неделя пошла, а организм еще не осознал. Парни из фильма день на льдине

просидели - все прочувствовали. У меня реакция

замедленная...

Хряп!

Не надо было так нервничать... У велотренажера отвалилась педаль.

Ось сломалась. Запасной нет, придется варить. Отстегиваюсь и перехожу на

следующий тренажер - беговую дорожку. Не хочу ремонтом заниматься, меня

реставрация живописи ждет.

Я понял наконец-то, что совершил. Нашел свое место в истории.

Почему-то сразу стало спокойнее. Понимание своего места очень важно.

Я не Гагарин и не Армстронг. Они - первопроходцы. Я из иной категории.

Когда-то, на заре космонавтики два парня Соловьев и Кизим в

простеньком двухместном "Союзе-Т15" прилетели на орбитальную станцию "Мир".

Поработали там, разгрузили пару беспилотных грузовиков, потом сели в свой

"Союз" и перелетели на другую орбитальную станцию - "Салют-7". Несколько

раз вышли в открытый космос, что-то установили, что-то починили, загрузили

в "Союз" три центнера научной аппаратуры и вернулись на "Мир". Отработали

программу, сели в "Союз" и благополучно приземлились. Повторить такую

насыщенную программу смогли лишь через несколько десятилетий. А ведь

Соловьев с Кизимом ничего принципиально нового не совершили. В учебники

истории не вошли. Они просто реализовали возможности. По максимуму! Как

и я. Только через четыре месяца полета они вернулись на Землю. А я...

Выхожу в коридор и царапаю на стене десятый крестик.

До - ре - ми - фа - соль - ля - си! Се-ла кош-ка на так-си! Тут

о-хот-ник вы-бе-га-ет, пря-мо в зай-чи-ка стре-ля-ет! - рычу я под
ритмичный грохот железа. Думаете, крыша поехала? Не дождетесь! Это я
на тренажере штанги жим от груди отрабатываю. Вес штанги на пульте
тренажера выставлен в сорок килограммов. Для меня это пустяк, поэтому
вся железная конструкция содрогается от энергичных движений. Таких
быстрых, что на сочинение хойку центрального процессора уже не хватает.
А на издевательства над детсккими стишками я еще способен.
Ну вот столбик на дисплее подполз к заветной отметке. Я поднял
десять тонн на один метр. Или одну тонну на десять метров - это кому
как больше нравится. Зарядка окончена, можно под душ. Выхожу в коридор
Две строки крестиков по семь в каждой. Идет пятнадцатый день нового
этапа моей жизни. Надо решить, чем займусь сегодня.
Если разбить грузовой трюм на три отсека, то центральную часть,
где зона невесомости, лучше оставить пустой. Буду там летать. А там, где
центробежка постепенно нарастает от одной десятой до половины "же",
конечно, будут оранжереи. В ближней - огород, а в дальней - для души.
То есть, джунгли на гидропонике.
Может, лифт сделать? А то основные перемещения в моем доме
происходят по вертикали. Нет, обленюсь. Надо ноги тренировать.

Рисую на стенке двадцать второй крестик и направляюсь в трюм. Попутно
объясняю вслух сам себе, какой же я идиот. Сначала надо было в трюме
палубы соорудить, потом корабль раскручивать. Потому что

монтажные работы

в одиночку легче вести в невесомости. Только такой осел, как я, этого не

понимает. Остановить вращение корабля? На это нужно рабочее тело, а его

кот наплакал. Теперь придется ишачить в условиях искусственной гравитации.

Гносеологический вопрос: Может ли осел ишачить?

Показалось, или нет? Вроде, сигнал из рубки. На корабле абсолютной

тишины не бывает. Легкий шум вспомогательных систем - он как шелест листвы

в лесу. К нему привыкаешь, его не замечаешь. Но посторонний, даже самый

тихий звук ухо выделяет сразу.

Бросаюсь в рубку. В коридоре звук отчетливо слышен. Это сигнал

"Внимание". Я вывел на него все изменения окружающей обстановки. Становится

тревожно: в свободном полете на таком расстоянии от звезды изменений не

должно быть.

Влетаю в рубку, шарю глазами по экранам. Норма, норма, норма... Вот

оно! Информация с "мячиков". Пускаю пакет на дешифровку.

В системе появился чужак! Судя по вектору скорости, пришел от той

звезды, куда ушла "Незнакомка". Одно из двух: Или "Незнакомка" вернулась,

или это не система, а проходной двор... Сердце колотится в груди, лицо

бросает в жар, в желудке, наоборот, холод. По времени - как раз могла

успеть "Незнакомка". Я же SOS дал...

А с чего я взял, что всей галактике известен наш сигнал SOS?

Но после прыжка на семнадцать светолет она же подошла поинтересоваться,

как я себя чувствую. Может, и сейчас - подождала недельку, я не появляюсь.

Решила выяснить, не захворал ли я часом?.. Чем не гипотеза?

Грызу ногти, проклинаю низкую скорость света и жду известий от

"мячиков". Точность измерений низкая, потому что "мячики" не успели

разлететься, идут плотным (по космическим меркам) облаком.

Через сутки выясняю, что корабль чужих идет на перехват облака

"мячиков". То есть, туда, где был бы я, если б не последняя коррекция

курса... о которой "Незнакомка" уже не знала. Здравствуй, родная моя!

Останавливать вращение, чтоб направить на "Незнакомку" главный

двигатель, не хочу. Рабочего тела жалко. Даю несколько коротких импульсов

в ее сторону маневровыми. Через три часа "Незнакомка" ложится на новый

курс - идет на свидание со мной. Не пройдет и пяти дней, как что-то

свершится! Что-то хорошее. Мечта всего человечества, контакт с братьями

по разуму!

Опять "Незнакомка" зависает в двадцати с чем-то километрах от меня.

Мигает всем корпусом и передает по радио сигналы морзянки. Не сразу понимаю,

что читать надо по-английски. (Ну до чего популярный язык во вселенной!

Кто бы мог подумать?!)

- Ю ниид хэлп? - "Вы нуждаетесь в помощи?" в переводе на русский.

С точки зрения грамматики не совсем правильно. Должно быть: "Ду ю ниид

хэлп?". Наверно, Незнакомка учила английский с голоса.

- Йес, ай ниид хэлп! - отбиваю я и переходу на родной. - Да, я нуждаюсь в помощи.

- Какая помощь тебе нужна? - морзит, спустя десять минут, уже

по-русски, "Незнакомка".

- Кончилось рабочее тело для двигателей, баки опустели. Не могу

вернуться домой.

- Кислород, вода, пища, энергия у тебя есть? На сколько единиц времени

хватит?

- Воздуха, воды, пищи, энергии хватит на сорок лет. Системы жизнеобеспечения работают нормально. Нет рабочего тела для возвращения домой, - отбиваю я, радуясь глубине взаимопонимания.

- Когда тебе надо вернуться домой? - интересуется "Незнакомка".

- Точный срок не установлен. Желательно в ближайшие два или три года, - отбиваю морзянкой и размышляю, не ляпнул ли глупость. Потому что "Незнакомка" не торопится с очередным вопросом.

- Я нуждаюсь в отдыхе. Следующий обмен информацией через 30 единиц времени, часов, - приходит, наконец, очередное сообщение.

- Принял. Следующий сеанс связи через 30 часов, - квитирую я.

Свершилось!!! Контакт установлен. Легко и просто! Чужаки знают о нас так много, что даже страшно становится!

А что, собственно, они о нас знают? Морзянку, два языка, меры времени основы физиологии. Откуда? Видимо, по телевизору канал "дискавери" смотрят.

Может такое быть? Почему нет? Автоматическая станция где-то в лунных горах собирает информацию и периодически сбрасывает на проходящие корабли.

Основные телевизионные каналы на Луну транслируются, технически все просто.

К черту! Завтра обдумаю, а сейчас - спать... Контакт с братьями по разуму надо устанавливать в ясном уме и твердой памяти.

Расширяем взаимопонимание. Согласуем протоколы связи компьютерных систем. бОльшую часть работы взяла на себя "Незнакомка". Моя задача - снабжение информацией.

Накропал на Фокбасе простенькую программу передачи картинки. Безо всякой упаковки - три байта на пиксел. Порылся в справочной

литературе,

добавил в описание длину волны света для каждого байта. Передал на

"Незнакомку". Потом объяснил строение человеческого глаза, почему байты

кодируют именно такие частоты. Следующим был вопрос, байты определяют

яркость в линейном или логарифмическом масштабе. Через полчаса - следующий

вопрос: Если у человека два глаза, то для какого глаза эта картинка? Есть

ли у человека главный глаз, или они равноприоритетны? И еще несколько

вопросов подобного плана.

Как бы там ни было, а через пару часов оживленного диалога первую

картинку в формате восемьсот на шестьсот пикселов на борт "Незнакомки"

я передал. На ней на белом фоне был изображен красный треугольник, в

который вписан зеленый круг, а в круг вписан синий квадрат. Через час

с четвертью "Незнакомка" ответила двумя картинками. На первой - фото

моего корабля, освещенного солнцем с одного борта. На второй - планета

Земля. После чего "Незнакомка" поинтересовалась, не ошиблась ли она с

цветопередачей? Так как зрительные органы ее соплеменников воспринимают

свет в другом, более широком диапазоне.

Поинтересовался, много ли информации о Земле и человечестве на борту

"Незнакомки". Получил ответ, что необходимый минимум. Так как контакт не

входил в цель полета. Цель полета - доставка информации из одной системы

в другую. Пролетая через нашу систему, Незнакомка также сняла информацию

с автоматических станций. Вся информация после окончания полета будет

передана в хранилище информации для анализа и использования.

Иными словами, мне встретился почтовый корабль. А за

нашей системой

на самом деле ведется наблюдение.

Предложил передать на борт "Незнакомки" всю информацию, имеющуюся

у меня на борту. Если пришельцы пишут наше телевещание, то надо как-то

разбавить этот бред. чем-то более достоверным и позитивным.

"Незнакомка" ответила положительно. И я запустил по нашему каналу

передачу технической информации. Для начала - по системам передачи данных

и протоколам обмена оными.

Спросил, как будем обращаться друг к другу. "Незнакомка" взяла

паузу. Через полтора часа предложила обращение "кап". Спросил, что значит

это слово. Оказывается, сокращение от нашего русского слова "капитан".

Возможно, также от английского "кэп". "Незнакомка" не спешит раскрывать

информацию о себе... А если буду задавать прямые вопросы?

На прямые вопросы "Незнакомка" отвечает честно, но, по возможности,

кратко. Экипаж, как и у нас, из одного пилота. Скоро заработает видеоканал

в нашем формате передачи данных. Увижу, как выглядит моя спасительница.

Для пробы запустили аудиоканал. Голос женский, приятный, но явно

компьютерный. После этого "Незнакомка" попросила паузу на сорок восемь

часов для изготовления адаптеров к нашим каналам связи, изучения языка

и культуры Земли.

Через сорок восемь часов поинтересовалась, не возникли ли у меня

потребности в каких-либо жизненно необходимых ресурсах и попросила паузу

еще на сорок восемь часов. Объяснила это сложностью изучения нашей

противоречивой композитной мультицивилизации.

Жалко... У меня столько вопросов накопилось. Но делать нечего.

Загрузил в очередь на передачу еще пачку документов. В этот раз - по
устройству корабля. И пошел отсыпаться.

Знания пришельцев о Земле обширны, но не систематизированы. Они
правильно оценивают наш научный и технический потенциал, но плавают
в деталях. С социологией еще хуже. Это понятно. Трудно разобраться в
социологии, просматривая фильмы, телешоу или ролики из Интернета. К тому
же, Незнакомка - капитан звездолета, а не социолог или экономист. До этого
рейса вообще не знала о нашей цивилизации. В последний момент, уже после
старта получила задание пролететь через три звезды, собрать информацию
с автоматических станций. А также - минимальный набор знаний о нашей
цивилизации.

Наконец-то можем говорить по-настоящему. Хоть и через компьютерный
транслятор. Незнакомка сказала, что они тоже используют для общения
звуковые частоты, но более высокий частотный диапазон. К тому же, она
сейчас в космической биоформе. Предложил для общения использовать имена,
а не безликое "кап". Согласилась. Сообщила, что ее пол в данный момент
активный. Что приблизительно соответствует нашему женскому. И предложила
мне выбрать для нее имя. Ее имя в наших звуках не выражается. Вообще, с
полами пришельцев я пока не разобрался. Их система полов более сложная,
и в нашу напрямую не транслируется. Но она обещала подобрать аналог, как
только получше разберется в нашей культуре. Сказала, что изучает ее все
свободное время. О своей культуре пока молчит. Говорит,

сначала должна
установить уровень развития нашей цивилизации. У них строгие правила.
Нельзя передавать дикарям высокие технологии. Какие считать высокими,
какие - нет, зависит от уровня развития дикарей. Я так понял...
Кто мне объяснит, почему я предложил ей имя Марико? Разве мало
хороших русских имен? Надежда, например. Очень актуально. Почему я
предложил ей японское имя из древней компьютерной игрушки? Принцесса
Марико, которую должен спасти отважный проходимец. По факту, как бы, она
меня спасает... Но Незнакомка имени обрадовалась.
- Теперь у меня есть имя на вашей планете. Получить имя на чужой
планете - это высокая честь. Я горжусь своим новым именем, - сказала
она. Надо понимать, я постиг кусочек культуры далеких миров.
Ну, раз все настолько серьезно, сделал соответствующую запись в
бортжурнале. Капитан имеет право регистрировать имена, например, вновь
родившихся пассажиров.

Заработал двусторонний видеоканал в стандартном формате земных
протоколов. Моей заслуги в этом мало. Марико говорит, что ее заслуги
- тоже. У нее на борту установлен очень хороший имитатор искусственного
интеллекта. (Так и сказала - не ИИ, а имитатор ИИ. Наши кибернетики с ума
сойдут от этой фразы.) Он и заведует разработкой новой аппаратуры.
В общем, теперь можем делать друг другу видеозвонки. Правда, вместо
кадров из рубки "Незнакомки" идет компьютерная симуляция.
- Мы сильно отличаемся от вас внешне. К тому же, я сейчас в

космической биоформе. Это может создать неправильное представление о

красоте нашего облика, - объяснила Марико.

И что я увидел на экране? Обнаженную фигуру из живого серебра.

Фигуру ЗЕМНОЙ женщины. Очень даже пропорционально сложенной. Со всеми

анатомическими подробностями.

- Ух ты!.. Марико, ты уже ознакомилась с понятием одежды? Одежда

очень важна в культуре нашей цивилизации.

- Беру паузу на сутки, - сказала Марико и отключилась. А я порылся

в архиве периодики и отправил на борт "Незнакомки" двухлетний комплект

журнала мод. (Знал, что в стандартном информационном обеспечении он есть,

но никогда не думал, что когда-нибудь мне понадобится. "Знание-сила",

"Наука и жизнь", "Юный техник", комиксы всякие, журналы для мужчин - куда

ни шло. Но журналы женской моды... А вот поди ж ты...)

- Спасибо, - пришел ответ от Марико через пару минут. а еще через

несколько секунд: - Моя реакция правильная?

- Абсолютно правильная, - квитировал я.

Незнакомка уже осваивает учебник этикета. Мне тоже в срочном порядке

нужно его прочесть! Иначе может случиться дипломатический конфуз.

Разобрался с половым вопросом пришельцев. Это нечто! Правильно

Марико говорила, что все не так, как у нас. Пола у них три. Представитель

каждого пола может пребывать в двух формах: активной и пассивной. Активная

форма способна к воспроизводству потомства. Иными словами, может детей

рожать. Пассивная только поставляет генетический материал. Марико

говорила, что находится в активной форме. И аватарку себе выбрала женского
пола.

Семьи у пришельцев имеются. Обычно из двух особей различных полов.

Иногда - из трех. Наличие в семье двух партнеров одного пола не запрещено,
но встречается редко и считается не совсем правильным. По этой же причине
редко встречаются семьи из четырех партнеров. Ребенок наследует пол одного
из родителей. И при рождении имеет активную форму. Сменой формы научились
управлять в незапамятные времена. Сначала - подбором диеты, а в настоящее
время - приемом гормональных препаратов.

Марико уже второй раз в активной форме. Но еще не рожала, и детей не
имеет. Работа не способствует... Очень удивилась, когда узнала, что меня
на Земле ждет партнер в активной форме и ребенок, тоже в активной форме.

- Сейчас я правильно одета? - спросила она на следующем сеансе
видеосвязи.

- Правильно. Стильно и очень красиво. Но было бы еще красивее, если
б глаза твоей аватарки были как у людей.

- Можешь показать образец?

На секунду смутился. Потом переслал Марико фотографию Ларисы с
семилетним Зинуленком на руках. И прочитал краткую лекцию об устройстве
глаза и назначении зрачка. Через час у Марико были глаза Ларисы. Это
лучше, чем слепые металлические бельма. Но фигура из темного металла в
платье из более светлого все равно производит неизгладимое впечатление.

Занимаемся с Марико языком и культурой. Похоже, язык она изучила. В

голосе появились акцент и интонации. Вначале шел ровный, безинтонационный

компьютерный перевод. Да и паузы между вопросом и ответом уменьшились до

естественных при разговоре.

Занятия односторонние. На меня сыпятся вопросы, а я стараюсь

дать на них развернутые ответы. О культуре своей цивилизации Марико

распространяться не хочет. Говорит, это будет серьезным нарушением их

правил, так как у нее нет разрешения вступать в контакт с цивилизацией

неопределенного статуса.

- А то, что сейчас происходит - это не контакт? - интересуюсь я.

- Мы слишком далеко от вашей звезды. На настоящий момент зона

карантина распространяется приблизительно на сорок светолет, если считать

в ваших единицах. Формально мы вне зоны карантина, и мои действия не

нарушают правила. После моего рапорта зона будет расширена. Но это не

главное. Ты послал просьбу о помощи. Когда один пилот получает просьбу

о помощи от другого пилота, все законы отступают на второй план. Это

традиция. Традиция сильнее закона.

Хоть Марико и скрывает свой настоящий внешний вид, некоторые детали

проскальзывают. Например, запредельная для человека гибкость суставов.

В моей голове бродит легкое подозрение, что конечности у Марико как у

осьминога. Ну не могут обычные суставы выворачиваться в обратную сторону.

Когда об этом зашел разговор, я разделся до плавок и продемонстрировал

пределы подвижности своих суставов. Марико тут же скорректировала модель.

- У тебя прямая связь мозга с компьютером? - поинтересовался я.

- В космической биоформе - да. А у тебя разве нет? В пакете

информации о вашей цивилизации много раз встречалось упоминание о прямой

связи мозга и компьютера. Нейрошунты, шлемы и камеры виртуальной

реальности... Мы неверно распознали их функции и назначение?

- Распознали верно. Только это - фантастика... - смутился я.

- Фантастика... Поняла! Вы отрабатываете на моделях варианты

развития цивилизации, чтоб выбрать наилучший вариант?

- И это тоже, - краснея от стыда, промямлил я. Но главное, чтоб не

попасть в наихудший. А для многих фантастика просто игра ума. Развлечение,

не больше.

- Наверно, очень сложно управлять кораблем без прямой связи?

- поинтересовалась Марико.

- Бывают сложные моменты, - не стал спорить я. И показал пульт

управления кораблем в режиме самодиагностики. Чтоб на экранах мерцали

и переливались шкалы.

- У меня все это здесь, - Марико коснулась ладонью лба. - Но не так

много сразу.

- У меня тоже не так много сразу. Обычно светятся только те приборы,

которые нужны в данный момент. Или те, с которыми что-то не так. Я включил

все чтоб показать тебе.

Марико замерла на полминуты, и за ее спиной вместо серого фона

возникла копия рубки моего корабля.

- Так лучше?

- Так привычнее, - улыбнулся я.

Очередной сеанс связи. Перед металлической фигурой Марико, над

металлическим же журнальным столиком плавает в воздухе полупрозрачная

модель моего корабля.

- Значит, в этих баках хранится хладагент, - Марико погружает руку

в голограмму и двумя пальцами вытаскивает горошину бака.

- Да.

- Почему баки такие маленькие, и почему их так много? Может, лучше

изготовить несколько больших? - она отпускает бак, и тот улетает на свое

место в голограмме, словно притянутый резинкой.

- Не знаю. У меня есть чертежи корабля, но нет комментариев, почему

детали сделаны так, а не иначе.

- А это - бак для рабочего тела? - Марико вытаскивает из голограммы

следующую деталь.

- Нет, это плавильная камера для рабочего тела. Рабочее тело

хранится в виде твердых брикетов. Они плавятся перед подачей в двигатели.

- Вода может использоваться в качестве рабочего тела?

- Может, если перенастроить двигатели. Но двигатели тогда смогут

дать лишь двадцать процентов от полной тяги, и расход рабочего тела будет

очень большим.

- Трюм твоего корабля сейчас пустой. В нем можно установить большие

баки для воды.

Прикидываю, сколько тысяч тонн воды мне потребуется на обратную

дорогу. Прощай, оранжерея. Прощайте джунгли на гидропонике...

- Перенастроить двигатели я могу. Но на борту нет материалов и

оборудования для изготовления баков. Нет насосов для перекачки воды. Все

лишнее я выбросил в космос, чтоб совершить последний прыжок.

Марико строит недовольную гримаску. В этот раз - правильную. И

соответствующую ситуации. По их понятиям загрязнять космос посторонними

предметами нехорошо.

- Баки можно изготовить из вещества металлических метеоритов.

Оборудование у меня есть. Ты должен представить схему расположения баков,

трубопроводов и насосов. И документацию для изготовления насосов. Сгодится

образец насоса.

- Мне нужно время на обдумывание проекта. Сутки.

- Принято.

Перенастроить движок на H2O... Первые опыты именно с водой и

производили. По сравнению с химическими двигателями это был прорыв. Потом

отказались. Дело в том, что H2O - молекула. Ее разрывает на части, на

атомы. А атомы имеют разную массу. Бегущее поле не может одинаково

эффективно ускорять атомы разной массы. Если настроить волну на тяжелые

атомы, то легкие сначала обгонят волну, а потом... Потом волна их догонит

и обгонит, ускорив лишь на чуть. Нужно - как серфингисту - держаться на

гребне волны. Не отставать, но и не обгонять. Только тогда на всей

дистанции разгона ускорение будет максимальным.

Что дает молекула воды? Сама молекула - восемнадцать углеродных единиц.

Потерявшая один атом водорода - семнадцать единиц. Потерявшая два атома,

то есть чистый кислород - шестнадцать. Рекомбинировавшие в молекулу атомы

кислорода - тридцать две единицы. Атомы водорода - одна единица. И

молекула водорода - две единицы. Зоопарк! На кого же ориентироваться?

Конечно, на атомы кислорода. Было бы прелестно разгонять в движке водород.

Но он очень легкий. генераторы не могут создать волну, бегущую с такой

скоростью.

Идеальным может показаться гелий. Атомарный газ, четыре углеродные

единицы. Его достаточно много в природе. Но тоже очень легкий. А тяжелые

инертные газы добыть в нужном количестве нереально. Так Марико сказала.

В природе много железа. Хорошая масса атома, железо достаточно компактно.

Но оно очень тугоплавкое. Отпадает...

Остается дистанцию разгона делить пополам. В первой половине дробить

молекулу воды на атомы, сгребать атомы кислорода в кучку. Во второй

- разгонять. КПД будет еще ниже, чем я предполагал. Но воды во вселенной

много. В крайнем случае сам смогу заправить баки, расколов на куски пару

ледяных астероидов.

Итак, черновой вариант проекта готов. Передаю его на борт

"Незнакомки", а Марико скармливает своему ИскИну для доработки. Кстати,

Марико сменила прическу. Я это отметил, и она сдержанно улыбнулась.

В ходе осторожных расспросов выяснил, что станции пришельцев у

ближайших к Солнцу звезд используются как почтовые ящики. Через Солнечную

систему на самом деле проходит много почтовых трасс. Наша цивилизация

- модная новинка, поэтому многие хотят узнать о ней побольше, и из первых

рук. А раз образовался перекресток космических трасс, то почему бы не

поставить на нем почтовый ящик?

- Крым, ты задаешь плохие вопросы. Я дала тебе больше информации,

чем позволяет мой статус, - прямо высказалась Марико.

- Извини. Если я опять задам плохой вопрос, скажи просто: "Без

комментариев". Я не обижусь.

- Но ты делишь свой плохой вопрос на два, на три вопроса. Каждый

из них сам по себе обычный, но если сопоставить ответы,

получается...

- Наверно, получается переход количества в качество. Есть у нас

такая философская концепция. Марико, я очень хочу узнать побольше о твоей

цивилизации. Ведь это - будущее моей. Прости мое неуместное любопытство.

"Никогда еще Штирлиц не был настолько близок к провалу", - не раз

слышал я от Вадима. А тот - от Старика. Кто такой Штирлиц, история

умалчивает. Какой-то разведчик, судя по контексту. Чувствую себя этим

легендарным Штирлицем. Сумел разговорить незнакомку, получил информацию,

но был разоблачен... Придется менять модус операнди. Буду задавать прямые

до идиотизма вопросы, и заранее предупреждать Марико, что пойму, если она

не сможет ответить.

"Незнакомка" улетает на несколько дней на поиски сырья. Сырье - это

металл и лед. Потом Профессор изготовит стыковочный адаптер для буксировки

моего корабля. Профессор - это ИИ на борту "Незнакомки". Имя дал я. Его

"родное" - как и имя Марико - в наши звуки не транслируется.

"Незнакомка" отойдет на две-три астрономические единицы, и прямой

разговор станет невозможен. Между вопросом и ответом будет сорок-пятьдесят

минут. Уточняю детали проекта модернизации корабля. Главный ходовой

переведу на воду, а вспомогательный и все движки ориентации - на остатки

рабочего тела. Для ориентации много не надо, до Земли хватит с запасом.

Все горячие трубопроводы переключу на питание от плавильной камеры

вспомогательного движка. Эта операция штатная, выполняется командой с

пульта. Вроде, есть реальный шанс вернуться домой.

В оговоренный срок возвращается "Незнакомка". Не могу удержаться

от смешка. Яйцо в шляпке. "Незнакомка" полем удерживает в нескольких метрах

перед собой чашу из металла. Чаша с короткой, но толстой ножкой. На ножке

- стыковочная плита для меня. Все вместе - этакая растолстевшая рюмка

поистине космических масштабов. Или пиала на ножке - это кому как больше

нравится.

- Сможешь состыковаться, или помочь? - спрашивает Марико. Мне

кажется, или в ее голосе появилось ехидство.

- Марико, ты говоришь по-русски все лучше и лучше.

- Я тренировалась.

- Сколько весит эта посудинка.

- Девятьсот ваших единиц массы - тонн.

- Зачем так много?

- Чем больше масса, тем эффективнее она контролируется полем.

- Понятно. Осторожно отцепляйся и отойди в сторонку. Иду на

стыковку. Только не закрути ее!

"Незнакомка" гасит поле, отходит назад, затем чуть вбок. На

излюбленные двадцать километров. Чаша если и вращается, то так медленно,

что на глаз незаметно. Обозначаю ее и "Незнакомку" в навигаторе как

орбитальные станции. Корабль тут же хочет с ними познакомиться, пытается

сконнектить компьютерные сети. Чаша, естественно, не отвечает. А что

сделает Профессор?

- Крым, что за сигналы ты сейчас послал? Я не поняла, - тут же

реагирует Марико.

- Я сказал кораблю, что рядом со мной две космические станции.

Корабль захотел с ними познакомиться. Но железяка, что ты привезла, ему

не ответила.

- Понятно.

Теперь корабль не станет направлять джет маневровых движков ни на

"Незнакомку", ни на чашу. Пристегиваюсь к пилотскому креслу и останавливаю

вращение. Наступает невесомость. Слабыми импульсами маневровых веду

корабль на стыковку.

Многие думают, что стыковочный узел звездных кораблей на носу.

Ошибаются. Нет его там. Там двигатель. Звездный корабль - не буксир. Как

я уже говорил, он напоминает гантельку. Так вот, на шариках стыковочного

узла нет. Ни на переднем, ни на заднем. Он на ручке гантельки. Точно

посередке. И сейчас я приближаюсь этой серединой к стыковочной плите чаши.

На расстоянии десяти метров выпускаю стыковочные штанги, которые в народе

зовут гарпунами, и даю импульс маневровыми. Все четыре штанги входят

в предназначенные для них отверстия и фиксируются там. Один за другим

зажигаются четыре индикатора сцепки. Даю второй - тормозной импульс.

Корабль и чаша повисают на расстоянии четырех метров друг относительно

друга. Включаю стяжку со скоростью до десяти сантиметров в секунду с

торможением до одного сантиметра в секунду на последнем полуметре. Через

три минуты ощущаю слабый удар по корпусу корабля и слышу скрип металла.

Стыковка завершена.

- Стыковка закончена, - сообщаю Марико.

- Вижу. Ты состыковался быстро и уверенно. Даже не использовал поле.

Выходит, и на самом деле можно управлять кораблем без прямой связи.

- Прямой связи - чего?

- Мозга с компьютером. Теперь я иду на стыковку.

"Незнакомка" подошла и замерла на расстоянии двадцати метров,

нацелившись носом в чашу.

- Готов?

- Всегда готов! Как юный пионер.

Слабая перегрузка тянет меня вбок. Рубка поворачивается в подвесе,

чтоб пол снова стал полом. Перегрузка медленно нарастает и достигает

четверти "g".

- Пойдем с этим ускорением, - сообщает Марико. - Мы с Профессором

еще не работали на буксировке. Нужно потренироваться. Тебя раскрутить?

- Нет, не надо. Четверть "g" - это вполне комфортная сила тяжести.

Когда я два года назад шел на буксире, перегрузка была всего пять

процентов от стандартной. Вот это было неприятно. Ни то, ни се.

- Ты пилотировал буксир?

- Да. Перегонял корабль, как ты сейчас. Обычно буксир ходил беспилотником. Но тут вышел особый случай.

- Расскажи.

Травлю байки и радуюсь глубине взаимопонимания. Марико улыбается

в нужных местах. Ловлю себя на мысли, что воспринимаю ее серебристую

аватарку как живого человека, а не 3D-анимацию.

- Крым, что такое "полужесткая сцепка"? - интересуется Марико. Чешу

в затылке.

- Посмотри, как мой корабль соединен с адаптером. Мы сейчас - единое

целое. Это называется жесткая сцепка. Твой корабль не касается носом

чаши адаптера. Он удерживает чашу полем. По нашей терминологии это мягкая

сцепка. Полужесткая сцепка - нечто среднее. Корабли касаются друг друга,

но соединение не жесткое.

- Вы связываете корабли канатами - и так летаете?

- Нет. Обычно - нет. Это был исключительный случай, поэтому и

потребовался пилот. Нашим компьютерам пока далеко до Профессора.

- Вы посылаете пилота, если рейс может быть опасным?

- Не так. Мы посылаем пилота, если в рейсе могут быть нештатные
ситуации.
- А разве это не одно и то же?
- В общем случае - нет. Хотя часто - совпадает. Подожди, а зачем
вы посылаете пилота?
Марико смущенно улыбается.
- Как и вы, из-за нештаток. После твоих историй мне показалось, что
мы отличаемся сильнее, чем я думала.
- Эх я, голова - два уха! Марико, посмотри в толковом словаре
значение слова "байки". Охотничьи байки, шоферские байки.
- Как много материала! Я беру паузу.
Черт! "Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу!" И кто
дернул меня за язык с этими байками?..

Подлетаем к глыбе камня и железа три на пять километров. Типичный
мезосидерит. На взгляд приборов, восемьдесят процентов камня и двадцать
- железа с примесями. С дистанции двадцать километров моя аппаратура
точнее определить не может.
"Незнакомка" выпускает киберов. К сожалению, с невидимой от меня
стороны. Заглянуть внутрь чужеземного корабля не удается. Киберы
- пятиметровые металлические яички, сверкающие полированным металлом.
Никаких выступающих деталей, никаких контуров на поверхности. Пять
неразличимых близнецов.
Вся пятерка летит к астероиду. А я прилипаю к телескопу. И вижу
любопытную картину. Каждый кибер зависает над выходом металла и...
Наверно, такая картина будет, если поднести шланг пылесоса к куче сухого
песка. Металл струей пыли тянется к киберу - и исчезает внутри. Заполнив

трюм, кибер неторопливо летит к "Незнакомке".

Итак, что ценного для науки я узнал? Разработка астероида ведется

бесконтактным методом. Видимо, полем очень высокой плотности с поверхности

металла вырываются мельчайшие частички. Пока такой плотности поля мы

получить не можем. Но лет через сорок-пятьдесят...

Через день Марико сообщает, что первая партия баков и крепежа

готова. Я распахиваю створки грузовых люков на максимум. С "Незнакомки"

прилетает кибер-монтажник. Такое же блестящее яйцо, только полтора метра

по главной оси, не больше. Последний раз уточняем точки крепления баков на

силовом наборе корпуса корабля. Главное - не повредить кабели и тепловые

электрогенераторы, прилегающие к обшивке. Но кибер внутри моего корабля

ведет себя деликатно. Не лихачит, газовые рули не использует. Мягко

цепляется за стены полем. Осмотрев фронт работ, улетает "домой", прихватив

демонтированный мной водяной насос в качестве образца.

Через несколько минут Марико вызывает меня на связь.

- Крым, мы с Профессором изучили твой насос. Его конструкция

содержит слишком много элементов, сложных для копирования. Ты не

возражаешь, если я использую в конструкции наши насосы?

- Не возражаю, если я смогу ими управлять.

- А не возражаешь, если электропровода будут не медные, а железные?

- Если они будут прочные и хорошо изолированные, никаких возражений.

- Отлично. Тогда мы с Профессором корректируем проект.

Итак, я привезу на Землю кусочек чужих технологий! Наши спецы

надолго оккупируют корабль, а тем временем мой "Паганель" созреет... Все

идет к лучшему в этом лучшем из миров!

Есть, есть у киберов "Незнакомки" манипуляторы! Выпускают, если
очень надо! А насосы - просто утолщения на трубах с клеммной коробкой,
явно скопированной с моего насоса.
Первым делом киберы сварили бассейн с подогревом для растопления
льда. Листы нержавейки киберы варили то ли электронным лучом, то ли
инфракрасным лазером. Чтоб льдины не разлетались, во время растопления
нужно будет двигаться с минимальным ускорением.
Подошло время установки баков. Ничего интересного с точки зрения
технологий будущего я не увидел. Баки сварены на борту "Незнакомки", и
как сварены - непонятно. Швов нет. Что удивило - нечеловеческая логика
в расположении баков. Вершиной вниз - для любого из трех штатных положений
корабля.
Киберы "Незнакомки" работают быстро, четко и без отдыха. Ни одного
лишнего перемещения. Поэтому управились удивительно скоро - за пять
дней. Я с большим трудом уложился с написанием драйверов управления
насосами и датчиками наполнения баков и программой подачи рабочего тела
в главный ходовой. Датчики температуры баков пока не опрашиваю. Позднее
напишу, когда время будет. А сейчас "Незнакомка" тащит меня к ледяному
астероиду. Будем заправляться водой.

Господи, ну почему мне так не везет? Во вселенной сколько угодно
чистой воды. Почему нам попался ледяной астероид с примесью аммиака?
Что такое аммиак? Эн-аш-три. Нашатырный спирт нюхали? Вот это он

и есть. Весь корабль провонял, как только я закрыл люки трюма и заполнил

отсек воздухом.

Аммиак отлично растворяется в воде, и как теперь от него избавиться

- один аллах знает. Которого нет. У меня на борту три тысячи тонн

смешанной с аммиаком воды. Я разбил отсеки корабля на зоны вакуумной

опасности, хожу в легком скафандре, шлюзуюсь как в случае вакуум-тревоги.

И все равно, запах ВЕЗДЕ.

Последний кусок льда растаял, последний литр воды перекачан из

бассейна в баки. Стравливаю воздух из трюма в космос, выжидаю час и

заполняю трюм свежим. Осторожно открываю шлем. Воняет, но не смертельно.

Марико интересуется, откуда у меня такая мощная утечка воздуха.

Объясняю ситуацию.

- Прости, Крым, это моя ошибка. Не проверила чистоту льда.

- Забудь. Я сейчас отстегну стыковочный адаптер и возьмусь за

переналадку двигателя. На всякий случай отойди подальше.

- Принято. Удачи тебе.

Вновь я в ходовой рубке в скафандре. Не из-за опасности, нет. Из-за

запаха. Тестирую системы корабля. Цвета тестовых режимов на экране

сменяются приятными зелеными. Только запас рабочего тела - в красной зоне.

Ничего, маневровым движкам хватит.

Даю маневровыми самый малый вперед, чтоб осадить воду в баках и

трубопроводах. Оживает панель заполнения водяных баков. Для чистоты

эксперимента стравливаю воздух из трубопроводов. Заполняю плавильную

камеру главного ходового, включаю нагрев. Хочу получить перегретый пар.

Молекулы перегретого пара легче рвать на атомы. Надеюсь... Даю малый
вперед. Ну да, получаю ОЧЕНЬ малый вперед. А на бОльшее я и не
рассчитывал. Ускорение слабее, чем от маневровых. Но маневровые можно
гасить.

Задаю мощность поля на двигателе как при ходе с ускорением в одно
"g" на нормальном рабочем теле. Кричать "ура" не хочется. По ощущениям
вешу меньше килограмма.

Пускаю программу автоподбора оптимального режима. А это кто в
красную полез? Черт!!!

Гашу двигатель, гашу плавильную камеру и долго ругаюсь. Похоже, я
запорол плавильную камеру. Вольфрамовые сплавы при комнатной температуре
достаточно стойкие. Но в атмосфере водяного пара при температуре полторы
тысячи градусов... Да еще аммиак!

Роюсь в мэнуалах, что же обозначает этот красный сигнал на пульте.

В выхлопе двигателя появился вольфрам. О потере герметичности плавильной
камеры - ни слова. Может, все не так страшно?

Меняю легкий скафандр на более стойкий и лезу в двигатель. Похоже,
ложная тревога. То есть, через сутки она стала бы не ложной, но я сразу
погасил движок. Отделался легким испугом. Но от перегретого пара придется
отказаться. Ограничимся обычным.

Возвращаюсь в рубку и продолжаю эксперименты. Господи, как все
плохо! Мои движки - не те, что я в институте учил. Мои - новые, вылизанные
до предела, заточенные под тяжелые металлы. Ни на чем другом работать не
хотят. Короче, я получил два с половиной - три процента от номинальной
тяги. И это - при фантастическом расходе воды.

Что такое два с половиной процента от полной тяги двадцать

"g"? Это
половина "g" вместо двадцати, вот что это такое! Нырять на такой тяге в
звезду - себе дороже! А если там вспышка, а если плотность фотосферы чуть
выше... - это же нечем будет скомпенсировать. Это недолет будет в десятки
единиц. Выпаду из джампа далеко за орбитой Плутона. Да и генераторы могут
банально сгореть от перегрузки. Никто же не летает сутками на двадцати
"g".
С другой стороны - а никто и не обещал, что будет легко. Если
заправлять баки у каждой звезды... Все лучше, чем торчать двадцать лет
у черта на куличках.
Сообщаю результаты испытаний Марико.
- Я сейчас синтезирую хладагент для тебя. Есть время подумать,
- отзывается она. - Кстати, здесь много замерзших газов. Тебе кислород
не нужен?

Баки хладагента полны, а насчет двигателя - никаких идей. Ни у меня,
ни у Марико. Теперь точно знаю, что у пришельцев есть эмоции. Марико
злится.
- Марико, в чем дело? - спрашиваю я.
- Я допустила ошибку. Нужно было искать свинец для твоего двигателя.
Но разворачивать обогатительную фабрику долго. Я бы выбилась из графика.
Теперь я еще больше выбьюсь из графика. Потому что поведу тебя на буксире
до первой звезды. Там ваши корабли бывают часто, ты быстро вернешься
домой.
- Марико, я сумею дохромать отсюда. Следуй своим курсом.
- Нет. Для тебя это опасно. Пойдем в паре.
- Чем тебе грозит отставание от графика?

- Мне понизят рейтинг.

Выкладывать подробности Марико отказалась.

Кстати, запас кислорода я пополнил. Марико второй раз намекнула,

что есть возможность, и при этом подмигнула. Просмотрел этот эпизод в

записи раз десять. Ничего не понял, но в шоферских байках был эпизод с

подмигиванием. А раз женщина просит... Да и запас карман не тянет. Тем

более, Марико уже изготовила кислородные баки в наших стандартах. Мне

осталось только выразить Марико глубокую искреннюю благодарность и

пометить баллоны голубой краской.

"Незнакомка" улетела за стыковочным адаптером, а я выпустил за борт

кибера-полировщика. Очень странный маршрут выбрала Марико до первой

звезды. По большой дуге. Самое смешное, что он ничуть не длиннее остальных

маршрутов. Такие фокусы позволяет геометрия, если ваш путь - не прямая,

а ломаная линия. Но ни одной знакомой звезды. Зато нет прыжков на

семнадцать светолет. Самый дальний - на десять.

Возвращаясь с адаптером, Марико передала схему первого прыжка.

Ведем разгон парой на полутора "g". Тягу обеспечивают двигатели

"Незнакомки" За два часа до джампа расходимся, и "Незнакомка" уходит

вперед. Если необходимо, передает мне цифирь для коррекции скорости. А я

тем временем сбрасываю адаптер и свободно падаю. Если нужно, корректирую

слегка скорость полем и главным ходовым. Слегка - это потому что сильно

скорректировать не смогу.

Марико явно торопится. И за адаптером, и назад идет на трех "g".

Поэтому, как только подходит на сто метров, я командую: "Замри" и стыкуюсь

с адаптером за рекордное время.

Сразу после доклада об окончании стыковки, перегрузка мягко
нарастает, заставляет повернуться в подвесе жилую зону.
- Марико, если торопишься, я могу выдержать трехкратную перегрузку.
- Я боюсь, что на трех "g" поле не удержит адаптер. Пойдем на полутора "g".
Так и идем в точку старта. Уточняю параметры звезды и пишу программу
управления температурой воды в баках. Главное - успеть слить, если
будет закипать. Взрыв парового котла мне не нужен.

Вышли в точку старта. Марико передает мне уточненные данные по
звезде и по времянке погружения. Сравниваю со своими цифрами. Сами цифры
похожи, но у Марико - точнее. Начинаем разгон. Впереди двое суток
безделья.
- Крым, расскажи байки, - просит Марико.
- Я тебе лучше анекдоты расскажу. Они короче и позволят лучше понять
нашу культуру. Будет много непонятного, ты не стесняйся, спрашивай.
- Согласна.
Вызываю на экран сборник анекдотов. Открываю посередке.
Слушай первый. Правила посадки летающих машин в ночное время. На
высоте тридцать метров включите посадочные фары. Если вам не понравилось
то, что вы увидели, выключите фары...
Спустя час.
- Надпись на спине байкера: "Если ты читаешь эту надпись, значит,
моя девушка упала с мотоцикла".
- Сейчас посмотрю, что такое байкер и мотоцикл. Ой, какой ужас!
- Это называется "черный юмор".
- Поняла, это когда вы шутите если все плохо.
- Точно!
- Вы сильная цивилизация, Крым. В вас заложен большой

резерв.

- Резерв чего?

- Резерв всего. Живучести. Теперь мне понятно, почему вы так быстро

сумели выйти к звездам.

- Быстрее других цивилизаций?

- Многие вообще не выходят. Ведь как бывает, Крым, спокойная жизнь,

плановое развитие экономики. Все запланировано на десятилетия вперед.

Зачем делать товаров больше, чем нужно? Зачем делать станков больше,

чем нужно? На непредвиденный случай на складах есть запас. Проходят

десятилетия, века, и нормы запаса на складе постепенно уменьшаются. Зачем

держать на складах то, что веками не используется? Лежит положенный срок,

а потом сдается на переработку. Спокойная жизнь приучает к беспечности.

И вдруг происходит катастрофа. Запасов на складах не хватает.

Начинается цепная реакция. Сначала голод. Потом останавливается

промышленность, энергетика. Или наоборот, сначала энергетика, потом голод.

Гибнет население, гибнет культура. Цивилизация откатывается в дикость, к

самым истокам.

- Понятно. В нашей фантастике теме гибели цивилизации уделяется

много внимания.

- Тогда эта опасность вам не грозит.

- А ещк какие опасности нас подстерегают?

- Без комментариев, Крым, - улыбнулась Марико. - Расскажи лучше еще

пару анекдотов. Я правильно употребила слово "пару"?

Сегодня Марико в легком оранжевом скафандре без шлема и с короткой

стрижкой. Впервые в ее аватарке появился цвет одежды, отличный от

металлического. Это бьет по восприятию. Металлическая голова и оранжевый

скафандр... До этого я воспринимал ее как черно-белое изображение.

- До разделения четыре минуты, - сообщает Марико.

- Принято. До разделения четыре минуты, - квитирую я. Это значит,

до джампа два часа четыре минуты. Все шкалы, кроме навигатора, на моем

пульте - в зеленой зоне. Навигатор возмущается нерасчетным положением

корабля. Мы падаем на звезду плашмя, главная ось перпендикулярна вектору

скорости. А полагается, чтоб была развернута по вектору. Ничего, сейчас

"Незнакомка" погасит скорость, отстыкуется... Я еще и позавтракать успею.

- До разделения одна минута, - сообщает Марико голосом

автомата-информатора. То ли дурачится, то ли на самом деле переключила

свою аватарку на Профессора. Перегрузка плавно уменьшается с полутора "g"

до нуля.

- Разделение.

- Принял, разделение, - квитирую я, хотя ничего не почувствовал.

Сейчас "Незнакомка" отойдет от меня на сотню километров, чтоб не задеть

джетом, и уйдет вперед. Как только приборы засекают ее удаление, я

сбрасываю стыковочный адаптер и отхожу в другую сторону. Чтоб не

встретиться ненароком с этой тысячетонной железякой в самый неподходящий

момент. Приглаживаю рукой счастливый галстук, ориентирую корабль по

вектору скорости. Удаление - двадцать гигаметров, до джампа час пятьдесят,

и я снова иду в звезду! Вчера сбросил копию бортжурнала на "мячики".

Последний раз. Потому что "мячиков" больше нет.

Чуть слышно гудит холодилка, все шкалы - в зеленой зоне.

Единственное, что не так - невесомость. Но так даже экзотичней. Я иду

домой! Час сорок пять до первого джампа. Психологи с ума сойдут. Вместо

адреналина в крови - чистая радость.

Шкалы желтеют. Напряженность поля, температура обшивки, мощность

генераторов - норма-норма-норма. Скорость чуть больше, оранжевая. Так

и должно быть. Затормозить легче, чем разогнаться. Холодилка воет.

Скоро будет реветь. Защитное поле? В режиме "дельфиньей кожи". Тормозит

корабль, чтоб скорость вошла в желтую зону

Скорость - норма. А температура обшивки - оранжевая. Холодилка ревет

басом. Накопители? Сто процентов, зеленая зона. Активаторы? Готовы к

работе.

- Крым, хорошо идешь, - приходит сообщение от Марико. Да, у меня

на борту устройство связи на технологиях пришельцев. Увы, снабжено

самоликвидатором. Спечется в кусок шлака после заключительного джампа

к первой звезде. Холодилка ревет голодным медведем. Температура

обшивки из оранжевой переходит в красную. Генераторы лезут в оранжевую

- это из-за "дельфиньей кожи". Я торможусь полем, а не двигателями.

- Девять, восемь, семь, шесть!!! - реву в полный голос, сжимая подлокотники кресел. - Пять, четыре, три, два, один...

Экран слепит ослепительно белым.

Бах! Бах! Бах!

Экран чернеет. В глазах - звездочки и цветные пятна. Галстук всплывает вопросительным знаком - невесомость.

- Ноль...

- Как самочувствие? - интересуется Марико через восемь минут

после джампа. О чем это говорит? Правильно! Между нами всего семьдесят

гигаметров. Меньше половины астрономической единицы. До

звезды около

шести а.е. Мы попали именно туда, куда хотели.

- Самочувствие отличное. И у меня, и у корабля, - отзываюсь я,

прокладывая курс к точке старта. - А у тебя?

Ответ придет через восемь минут. Есть время слетать на кухню и

кинуть что-нибудь в рот.

- У нас с Профессором тоже отличное. Иди в точку старта, а я поищу

железо для адаптера.

Дальше идет цифирь для автопилота. Похожа на мою, но чуть точнее.

- Принято. Иду в точку старта, - квитирую я и врубаю главный ходовой

на вполсилы от максимума, чтоб генераторы не спалить. То есть, на четверть

"g". Все идет по плану, и наш радиообмен - лишь подтверждение этого факта.

Чай уже заварился, можно позавтракать.

За завтраком опрокинул на себя стакан горячего чая. Пока он падал,

я отлетел на три метра - это вместо того, чтоб подхватить стакан и собрать

им струю плеснувшего кипятка. Реакция сработала, а голова подумать не

успела.

Когда вытирал пол, в голову забрела интересная мысль. Из-за меня

Марико понизят рейтинг. Не знаю, что это такое, но перед этим будут

разборки. Если мой SOS был подан за пределами карантинной зоны, то сейчас

мы лезем в самый центр карантина. Должны быть очень веские основания,

чтоб оправдать этот поступок. Например, смертельно больной корабль.

Притвориться больным я могу. Вопрос, нужно ли это Марико? Как бы

поговорить с ней в привате?

- Крым, радуйся! Кажется, я нашла железо. Точно скажу завтра,

- приходит сообщение от Марико.

Бах! Бах! Бах!

- Крым, ты живой? - приходит через пару минут сообщение от Марико.

- Хромоногий и кривой! - весело отзываюсь я. - Марико, не теряй

времени на меня. Иди своим курсом. Я и не из таких переделок выпутывался.

Вообще без главного ходового ходил.

- Это как?

- Гравитационным маневром вокруг спутников и планет. А сейчас у меня

всего-навсего тяга главного ходового ослабла. Марико, не напрашивайся на

неприятности, не лезь в зону карантина. Следуй своим курсом. У меня еще

есть пара тузов в рукаве!

- Блефуешь, хвастунишка, - улыбается Марико. - Иди в точку старта,

а я - за адаптером.

Да, адаптеры у нас одноразовые. И с этим ничего не поделать. У

следующей звезды придется еще баки водой заполнять. Полностью, а не на

сорок пять процентов, как в первый раз.

- Крым, ты героическая личность, - сообщает мне Марико через шесть

дней, подруливая с новеньким адаптером. - Мы с Профессором составили твое

досье из периодики, которую ты слил мне на борт. Профессор ее всю

просканировал, извлекая факты, относящиеся к тебе. Ты слишком любишь

рисковать, Крым. Так нельзя летать. Если я брошу тебя здесь, а ты свернешь

себе шею, твоя смерть будет на моей совести. Я правильно применила это

выражение?

- Правильно. Марико, ты можешь отключить регистраторы? Чтоб

сказанное мной знали только я и ты?

- Нет, Крым. Мы так не делаем.

- Странно. У нас капитан имеет право на все. Как бы там ни

было, ты

лучшая девушка из всех, которых я встречал в космосе. Хотел бы познакомить

тебя со своей дочерью. Вы нашли бы общий язык.

Марико хихикнула.

- Крым, не желай невозможного. И по вашему летоисчислению я гожусь

тебе в бабушки.

Скачем от звезды к звезде с невиданной скоростью. И это - несмотря

на изготовление нового адаптера у каждой звезды. Лишь один раз Марико

задержалась на двое суток, изучая нестандартную звездочку. Облетела ее,

на близком расстоянии полюбовалась на оба полюса.

- Что не так с этой звездой? - поинтересовался я.

- Слишком быстро вращается. Сильные глубинные турбулентные потоки

в районе сорок пятого градуса широты.

- А, ревущие сороковые... - усмехнулся я.

- Ты уже имел с такими дело?

- Я - нет. Другие - имели. У нас на исследование звезды два месяца

уходит. А ты за два дня управилась.

- Опыт и большая база данных по звездам на борту.

Сегодня у Марико волосы до лопаток, строгое черное платье, наушники

в ушах и музыкальный плеер на груди. Марико каждый день меняет что-то в

аватарке. Вчера была велосипедисткой в обтягивающем спортивном костюме.

Каталась на велосипеде по аллеям и лесным дорожкам. Даже один раз упала.

- Упс, - сказала она поднимаясь, и лес исчез, сменившись рубкой

корабля. Велосипед превратился в кресло. Такие чудеса возможны только в

виртуальной реальности.

- Крым, как ты проводишь свободное время?

- Свободное время? Свободное время... А, свободное время!!!

- дурачусь я.

- Я неверно применила термин?

- Нет, все верно. Просто сейчас у меня его совсем нет. Недавно

думал, что впереди будет двадцать лет свободного времени, но ты поймала

мой SOS и вернулась. А я собирался выращивать цветы, заниматься живописью.

Ладно, выйду на пенсию и займусь.

Чуть заметная пауза. Видно, Профессор объясняет Марико, что такое

пенсия.

- Ты художник?

- Нет, талантом не вышел. Реставрирую чужие забытые наброски и

незаконченные вещи.

Мы с Марико отлично понимаем друг друга. Она говорит, что стала

фанаткой нашей цивилизации. А я, наверно, слегка в нее влюбился. Понимаю,

что это полная чушь. Не знаю даже, как Марико выглядит. Тем более - в

космической форме, которой она сама стесняется. Но - родство душ...

Я так и не придумал способа общаться с Марико напрямую, не оставляя

следов в компьютерах "Незнакомки". А то, что ее полет будет изучаться

буквально по секундам, она подтвердила. Совесть грызет под ложечкой

голодным хорьком.

Бах! Бах! Бах!

Первая звезда. Конечная точка нашего совместного полета. Отсюда

"Незнакомка" повернет назад. Уйдет к своей неведомой цели. А я останусь...

Приходит запрос от ближайшего "мячика". До него всего полтора

гигаметра. По космическим меркам - совсем рядом. Корабль отзывается, и

на него обрушивается лавина информации. Минуту спустя оживает связь с

"Незнакомкой".

- Крым, ты в порядке? - интересуется Марико.

- В полном. А ты?

- Тогда пришло время серьезно поговорить, - игнорируя мой

вопрос, продолжает Марико. - У твоего корабля есть запас хода и ресурс

жизнеобеспечения. Сюда часто заходят ваши корабли, и очень скоро ты

будешь дома. Спасательная операция завершена.

- Уже прощаешься?

- Крым, зачем ты сел мне на хвост и тащился до полного исчерпания

ресурса? - Голос спокойный, и в нем стальные нотки. Такого от Марико я

еще не слышал.

Зачем? Правильный вопрос. Если б я сам мог на него ответить...

Может, потому что за час до джампа получил от Старика карт-бланш на любые

действия? Или потому что от меня ушла Лариса? "Почему" и "зачем" - разные

вопросы.

- Марико, я расскажу тебе притчу. Представь огромную жаркую песчаную

пустыню. Где-то в глубине пустыни располагается оазис. Небольшое озерцо

пресной воды. Вокруг озерца живут бедуины.

Однажды мимо оазиса пронесся джип. Даже не остановился. Поднял

облако пыли и скрылся среди барханов. Потом - еще один, и еще... Они

проносились мимо по каким-то своим таинственным делам, даже не снижая

скорости. Но среди бедуинов давно ходили легенды, что где-то за краем

пустыни лежат огромные озера голубой, чистой воды. Вокруг этих озер

зеленеют леса, на берегах стоят города невиданной красы. В этих городах

живут красивые, счастливые люди.

И вот какой-то бедуин привязал канистру воды к багажнику

самодельного велосипеда и поехал по следам джипа. Ехал три дня - пока

следы не затерялись в песках, а канистра опустела

наполовину. Тогда

бедуин развернул велосипед и вернулся в оазис. Но мимо оазиса промчался

еще один джип, и другой бедуин оседлал велосипед. Он тоже вернулся ни с

чем.

Шло время. Велосипеды у бедуинов становились все лучше, и они все

дальше уезжали в пустыню по следам джипов. Но, по-прежнему, голубые озера

прятались где-то за горизонтом.

И тут одному балбесу удалось сесть на хвост джипу. Он продержался

за джипом десять дней - пока в его канистре не закончилась вода. Такая

печальная история.

- А что было дальше?

- Что было дальше, ты знаешь. Джип остановился, из него вышла

девушка с прекрасной фигурой, но закрытым покрывалом лицом. Она дала

бедуину бутылку газированной воды, прицепила тросом велосипед к джипу

и отбуксировала к оазису. Молодой бедуин остался живой и здоровый, но

так и не увидел голубых озер и прекрасных городов.

- Бедуин хочет издали посмотреть на прекрасные города, или он хочет

переехать жить в этот город? Чтоб жить в городе, нужно знать законы, по

которым живет город. И вода в бескрайних голубых озерах может оказаться

горько-соленой.

- Все так, Марико. Но бедуины этого пока не знают. Сначала они

должны увидеть, потрогать и понять.

- Бедуин на своем самодельном велосипеде хочет пересечь скоростную

автотрассу - и устраивает аварию. Гибнет сам, гибнут люди. Хорошо ли это?

- А что делать бедуину?

- Это зависит от того, что он хочет. Если он хочет один уехать в

далекий город, может оставить велосипед на дороге и

пересесть в джип. Но

это будет дорога в один конец. Профессия у него есть - водитель. В городе

его подучат, дадут грузовичок. Он сможет заниматься любимым делом,

приносить пользу обществу и изучать быт и повадки горожан.

- Это возможно?

- Почему - нет? Одиночный случай погоды не делает. Тем более, без

активного партнера он скоро вымрет от старости. Совсем другое дело, если

бедуин захочет перевезти в город весь свой род. В этом случае горожане

будут против. Они не желают появления толпы дикарей на улицах города.

- Что, никакого выхода?

- Почему же? Выход есть. Жители оазиса могут послать коллективную

просьбу включить их в число горожан. Город рассмотрит эту просьбу и

пришлет в оазис строителей, учителей, врачей и прочих специалистов во

главе с директором колхоза.

- Какого колхоза?

- Того самого, который будет организован в оазисе. Должен же кто-то

управлять построением светлого будущего.

- А почему колхозом не могут управлять старейшины бедуинов?

- Крым, старейшины управляли оазисом много-много поколений. Если б

они знали, как построить светлое будущее, они бы давно его построили. Нет,

до окончания обучения бедуинов колхозом будут управлять пришлые горожане.

- А после окончания обучения?

- К этому времени оазис превратится в маленький город. Бедуины

забудут, что когда-то жили в шатрах и ездили на велосипедах. Жизнь

горожанина станет для них привычной и естественной. И она не будет

отличаться от жизни в любом другом городе.

- Сколько времени займет обучение?

- Много, Крым. По вашим меркам - очень много. Три-четыре поколения.

- Так много? Я думал, одно. Максимум, два.

- Крым, будем честны. От вашей культуры, вашего образа жизни не

останется и следа. У вас каждое государство имеет армию. Помножь силу этой

армии на мощь наших технологий - станет страшно. Нам не нужна обезьяна с

гранатой в людном месте. Никак не нужна.

- Но наша культура, наше искусство...

- Припомни, как жили чукчи и эскимосы триста лет назад. Как жили

индейцы пятьсот лет назад. Много ли осталось от их культуры? Да и было ли

за что цепляться?

- Это был каменный век. Но сейчас...

- А что изменилось? Вы называете свой вид Homo Sapiens - Человек

разумный. Иногда добавляете для солидности: homo sapiens sapiens - это

чтоб отодвинуться подальше от homo erectus - человека прямоходящего. Но

вы, как вид, только на пути к разумности. Профессор проанализировал архив

записей вашего информационного вещания. К разумным можно отнести лишь от

пяти до пятнадцати процентов населения. Возьмем среднюю цифру - десять

процентов. Остальная часть населения лишь на пути к разуму.

- Марико, извини, но... Может, мы в термин "разумный" вкладываем

разное содержание?

- Очень может быть. Разумный - это тот, кто обладает логическим

мышлением. Постоянно использует логическое мышление в повседневной жизни.

- А мы? Речь, вторая сигнальная система - разве это не признак

разума?

- А вы живете на рефлексах. Речь, сама по себе - всего лишь еще

один сложный условный рефлекс. Девяносто процентов

вашего населения

- говорящие животные, не использующие разум в повседневной жизни. Таким

нет места в нашей цивилизации, Крым.

- Прости, Марико, но за слова нужно отвечать. Ты можешь обосновать

свои утверждения?

- Конечно могу... на нашем уровне знаний. Сложность - как объяснить,

чтоб понял ты. Придумала! Реклама. Ваша реклама должна действовать на

самые широкие слои населения. Ты с этим согласен?

- Да.

- Профессор утверждает, что она не будет действовать на людей,

обладающих логическим мышлением. Контент, заложенный в рекламу, не

"цепляет" разумного ни на сознательном, ни на подсознательном уровне.

Он ориентирован исключительно на говорящих животных, не обладающих

логическим мышлением.

А ваша система образования? Она же не учит думать. Вы просто

заставляете детей зазубрить набор фактов. Но ваши ученые давно установили,

если не обучить ребенка мышлению в раннем детстве, соответствующие разделы

мозга атрофируются. Даже членораздельной речи можно обучить лишь до десяти

лет. Потом - поздно.

- А как же наш прогресс? Наука, техника, культура?

- Десяти процентов разумных достаточно для управления стадом, Крым.

- То есть, интегрироваться в ваше общество человечество не может?

- Сегодня - нет. Поэтому введена зона карантина. Крым, пойми, для

интеграции сначала необходимо поднять вашу цивилизацию до уровня нашей.

За несколько поколений вам предстоит перешагнуть несколько тысяч лет

развития нашей цивилизации. Это не количественный, а качественный скачок.

Человек должен стать разумным не по названию биологического вида, а по

сути. К проживанию в высокотехнологичном мире, где движением пальца можно

уничтожить город, нужно относиться серьезно и ответственно.

- Три-четыре поколения - это сто лет. Я даже не увижу, чем все

закончится.

- Между нами, Крым, а ты уверен, что хочешь это увидеть?

- Что, все так плохо?

- Скорее, наоборот. Но ты-то останешься прежним. Внуки уйдут вперед.

У них будет иная мораль, иная система ценностей, иные нормы поведения,

иные возможности, запросы и потребности. А ты среди них - как динозавр

среди теплокровных. Пережиток былой эпохи.

- Ты же говорила, у меня всегда будет профессия. Грузовичок водить.

- У тебя - да. У большинства - нет. Поэтому срок процесса такой

растянутый. Нужно дождаться, пока физически вымрут носители старой

культуры. Опыт показывает, что у примитивных цивилизаций старые идеи

умирают только со смертью их носителей.

- Нет, не будут горы золотыми...

- Какие горы?

- Это цитата. Значит, золотого века не будет.

- Да. Если вы ждали от контакта золотого века, вы ошибались. Для

вас, вашего поколения контакт несет с собой лишь эпоху перемен. Для ваших

детей и внуков - другое дело. Хотя и для них темп изменения жизни будет

слишком высоким.

- Тогда зачем нам идти на контакт?

- Крым, кто за кем гнался? Ты за мной, или я за тобой?

- Я просто размышляю вслух. Марико, а какие еще есть варианты?

- А самому лень подумать? - улыбается уголками губ.

- У тебя жизненного опыта больше. Ты же мне в бабушки годишься.

- Профессор подсказывает, у вас неприлично напоминать активной

форме о ее возрасте. Это так?

- Бабушка, прости засранца, - пытаюсь сбить накал разговора и

вернуть прежнюю Марико. На секунду это удается.

- Неужели и я в твоем возрасте была такой же наглой, вредной и

напористой? Нет, не может быть! - Марико вновь становится серьезной. Даже

голос меняется. - Что касается тебя, то всего два варианта. Или ты летишь

домой, или ты летишь со мной. Что касается информации, полученной тобой

от меня, опять же, два варианта. Или информация попадает на Землю, или ты

ее уничтожишь.

- Марико, у меня нет вариантов. Долг обязывает доставить информацию

на Землю. Это цель, ради которой я рисковал жизнью.

- Тогда поговорим о твоей цивилизации. Она может послать прошение

о вступлении в ассоциацию, и она может не посылать прошение. Если она

пошлет прошение, ты уже знаешь, что будет. Три-четыре поколения развития

под внешним управлением. Иначе некоторое время все пойдет по-старому.

Ваша цивилизация будет развиваться самостоятельно. Имеется большая

вероятность, что в ходе этого развития она самоуничтожится. Или не

переживет очередного кризиса и скатится в дикость. Также имеется большая

вероятность, что она достигнет зоны ответственности какой-то цивилизации

нашей ассоциации. Та ей вежливо, но твердо объяснит, где проходит граница.

Вы опять встанете перед выбором, вступать в ассоциацию или жить в изоляте.

Есть еще третий путь. Крым, сразу после входа в твою систему,

я поймала пакет информации, который Профессор декодировал лишь месяц

назад. Пакет предназначался тебе, и в нем тебе делегировались четко
не определенные, но весьма широкие права. А в нашей истории имеются
прецеденты, когда судьбу примитивной цивилизации решал всего один
представитель этой цивилизации. Разумеется, он должен быть информирован
о последствиях своего поступка. Точнее сказать, он единственный из всей
цивилизации должен обладать всей информацией. И, естественно, должен
принимать решение в здравом уме и твердой памяти. Ты понял, к чему я
клоню?
- Намекаешь, что я могу подать прошение от имени всего человечества?
- Подать можешь. Но не факт, что оно будет принято. Комиссия будет
долго и тщательно проверять его легитимность. В твоем случае прошение,
скорее всего, не пройдет.
- Почему?
- Потому что у тебя нет прав на эксклюзивное обладание информацией,
и нет причин утаивать информацию от соплеменников.
- Зато, если пройдет, я стану Злым Гением и козлом отпущения для
всего человечества. Меня будут проклинать три поколения при каждом удобном
случае. Войду в историю не хуже безумного Герострата.
Марико застыла на несколько секунд. Видимо, интересовалась у
Профессора судьбой Герострата.
- Да, скорее всего, так и будет. Как бы там ни было, я оставляю
тебе устройство связи с нашими кораблями. Предупреди любопытных, чтоб
не пытались его вскрыть. Сработает самоликвидатор, а второго у вас нет.

"Незнакомка" идет в точку старта. Торопится, идет с

ускорением в три

"g". До прилета "Незнакомки" от первой звезды в дальний космос вели четыре

тропинки. Мы вернулись по пятой. Теперь "Незнакомка" собирается проложить

шестую - прыгнуть сразу на четырнадцать светолет. Это понятно. Чем длинней

прыжки, тем выше средняя скорость. Но какая-то опасность, о которой Марико

не захотела сообщать подробности, тоже выше.

Действия Марико на всем протяжении нашего полета были безупречны.

Сначала она дважды пыталась оторваться. Потом, когда это не удалось,

согласилась идти в паре. Получив сигнал "SOS", вернулась, помогла

восстановить ресурс моего корабля и проводила "до дома".

Я жду отлета Марико и выполняю стандартную программу - сбор и

первичная сортировка информации с "мячиков". А информация интересная.

Всего за десять дней до нас через систему прошел Гаркулов. Назад прошел,

к Солнцу. Перед джампом, как полагается, сбросил на "мячики" бортжурнал.

Земля послала его сразу же, как только "Незнакомка" покинула Солнечную

систему. Ну как "сразу". Как смогли подготовить к полету корабль, так и

послали. Гаркулов вышел из джампа у первой звезды всего через шесть суток

после моего прыжка ко второй. Сократил отставание до четырех суток у

второй звезды, и до трех суток - у третьей. Дальше не пошел. Третья звезда

- новая, незнакомая. Я прыгал к четвертой по следу "Незнакомки". Гаркулов

два месяца изучал третью звезду по стандартной методике. Потом, дожидаясь

моего возвращения, болтался по системе, исследуя планеты. Когда все

разумные сроки ожидания вышли, полетел домой. И мы разошлись у первой

звезды всего на десять дней.

Нет, не буду я дожидаться корабля у первой звезды. Как только

"Незнакомка" уйдет в джамп, пойду в точку старта. Баки воды у меня

заполнены на три четверти, баки хладагента - на половину. Этого хватит

на четыре джампа, а до дома - всего один. И четверть "g" - совсем не

маленькое ускорение, если правильно рассчитать дистанцию разгона. Тем

более, на заключительном этапе я могу скорректировать скорость носовым

двигателем. На шесть-семь часов рабочего тела ему хватит. Я ничем не

рискую. Ну, не больше, чем всегда.

Другое дело, как мне быть с информацией? До Земли я ее довезу. Но

захотят ли правительства ее обнародовать? У меня на борту информационная

бомба невиданной силы. Даже не уверен, что могу представить, какой.

Внешнее управление цивилизацией - коснется ли оно только правительств,

или опустится до рядовых бухгалтеров мелких фирм? Мои предки до сих

пор не могут без слез и мата вспоминать эпоху перемен в период развала

Союза нерушимого. А ведь сколько лет прошло...

Пару минут прожигаю взглядом экран. Потом беру себя в руки. Кто я?

Говорящее животное, или человек разумный? Чему меня Марико девять джампов

исподволь учила? Головой работать, а не на рефлексах да эмоциях решения

принимать. Какие есть варианты? Правительство обнародует информацию, или

правительство не обнародует информацию. Или правительство информацию

обнародует, но не всю. В двух последних вариантах я буду нервировать

правительство самим фактом своего существования. По принципу "он слишком

много знал".

Теперь зайдем с другой стороны. Должен ли народ знать

информацию?

Допустим, народ не узнает. Будет действовать прежняя программа, и через

век-другой мы вторгнемся в чужое пространство. Откуда нас вежливо

попросят. Ситуация повторится. Снова возникнет вопрос, сообщать ли народу

информацию, или продолжать делать вид, будто ничего не было.

Рано или поздно правда всплывет. Народ узнает. Но два века будут

потеряны. А, поскольку население вырастет, эпоха перемен поломает намного

больше людских судеб.

Выходит, чем раньше - тем лучше. Значит, информация должна прибыть

на Землю раньше меня. Причем, так, чтоб никто не отследил. Из космоса - на

Землю, и чтоб никто не отследил. Легко сказать... Но - надо...

Тварь я безмозглая, или разум имею? Мда... Лучше не уточнять. А пока

идей нет, есть время подготовить информацию.

Еще раз. Информация должна прибыть на Землю. Но, при этом, она не

должна никого насторожить. А ведь именно на этот случай у меня есть

"кремлевская таблетка". На самом деле, никакая это не таблетка. Это

программа шифрования, написанная именно на такой случай. Таблеткой

названа как раз для секретности. Написала ее Зинуленок, я выступал в

роли консультанта. Абсолютно непробиваемый шифр, потому что написан двумя

дилетантами. Четырехпроходный. На первом проходе каждый байт складывается

по модулю два с последним байтом своего порядкового номера в файле. На

втором - байты просто перекодируются в другую кодировку в соответствии

с таблицей, известной только программе дешифровки. На третьем - байты

в файле тасуются по правилам, известным, опять же, только программе

дешифровки. Таким образом, уничтожается ключ к расшифровке первого прохода.

И самый интересный четвертый проход. Есть такой древний графический формат

хранения рисунков - gif. Родился он на заре компьютерной эры, когда компы

были слабенькими. Поэтому поддерживает не больше двухсот пятидесяти шести

цветов. Мы с Зинуленком придумали для него хитрый алгоритм кодирования

цвета. По-существу, используем только сто двадцать восемь цветов. А

последний бит забираем для своих гнусных целей. Таким образом, байт нашей

информации прячется в восьми пикселях. А картинка остается картинкой. И на

глаз почти не отличается от оригинала. Конечно, отличается, но не сильно.

Качество "гифок" само по себе ниже плинтуса. Но градации серого формат gif

передает хорошо. Я бы сказал, формат создан для черно-белой графики. Вот

за это ему большое спасибо.

А у меня целый тубус забит порнографикой с "Прометея". На самом деле

зря Лариса ее порнографикой обозвала. Эротика это. Романтическая эротика.

Порнушку я на месте уничтожил.

Часть листов отреставрирована до заслуживающего внимания состояния,

большинство - нет. Но что есть - то и будет. Три часа сканирую листы с

высоким разрешением.

Итак, основа для размещения информации есть. Теперь надо найти хост,

на котором размещу свой сайт. Этим займусь после джампа. А пока подготовлю

макет сайта.

Когда-то агентам ЦРУ и ФБР запрещали в рабочее время посещать

порносайты. Почему-то экстримисты и террористы всех мастей об этом знали,

и обсуждали на таких сайтах свои дела практически не шифруясь. Может, и

мой сайт не привлечет внимания? А если и привлечет - мы, дальнобойщики
космоса, на полгода уходим в одиночку. Имеем право как-то сублимировать
потребности организма... Даже если выйдут с вопросами на Ларису - она
подтвердит, что да, видела у меня эти рисунки. На этом - все! Вопрос
исчерпан.

Это - первая часть задачи. Есть вторая - навести на сайт Зинуленка.

Но проблемы будем решать по мере их... После джампа, одним словом.

А до джампа мне осталось... Пятнадцать дней на разгон, восемь - до
точки старта, да два дня подождать, пока Незнакомка в джамп пойдет.

Двадцать пять дней. Почти месяц.

Бах! Бах!

С нехорошими предчувствиями жду результатов обсервации. Очень
нехороший джамп. Просто безобразный джамп. Не удержал скорость в оранжевой
зоне, ушел на втором импульсе активаторов...

Вот и результаты обсервации. Все не так плохо, как могло быть. Вышел
с перелетом в четырнадцать астрономических единиц. Другими словами, должен
был вынырнуть перед Солнцем, а вынырнул на таком же расстоянии, но за
светилом. Но ведь живой и здоровый. Правда, втрое дольше буду к Земле
подгребать. Затормозить смогу далеко за орбитой Сатурна. Ничего страшного,
просто обидно. Мог бы через две недели дома быть, а теперь - полтора
месяца практически в невесомости...

- Парни, вы не поверите, я вернулся! - пускаю сообщение в эфир
открытым текстом и иду ужинать. Ответ придет только часа через полтора.

- Крым! Ай глэд ту си ю! - даже от пульта отойти не успел.

- Олдридж! Ты как здесь оказался?

Минут десять болтаем на смеси русского и английского. Олдридж ходил

в другую сторону, к другой первой звезде. Трое суток назад вышел из джампа

и, как и я, идет к Земле. Предлагает идти парой. Советую меня не ждать,

так как моя лошадка хромает на все четыре подковы. Только тормозить две

недели будет. И хвастаюсь, что прыгал на семнадцать светолет. И вообще,

полет на предельную дальность. Саму дальность не уточняю. Олдридж поражен

и восхищен. Но все же, разговор с паузами в двадцать пять секунд между

вопросом и ответом слегка нервирует.

Приходит время принимать поздравления. С Земли, Луны, Марса,

кораблей и буксиров. Буря восторга. Похоронить меня не успели, но были

близки к этому. Сообщаю на Землю Вадиму, что моя лошадка больна на всю

задницу, быстро бегать не может. Поэтому иду прямиком на завод. Чтоб

забронировал там для нее стойло. Сверившись с таблицей кодовых фраз из

предыдущего полета за "мячиком", сообщаю, что на борту сенсационный

материал, поэтому не надо расспросов в прямом эфире. Не надо создавать

преждевременный ажиотаж. Пусть ждут и кусают локти.

Через несколько часов Вадим радостным голосом сообщает, что

встречать меня на завод вылетит целая делегация. Чтоб подстригся, побрился

и выгладил шнурки на ботинках. Это значит, наша контора мои намеки поняла,

и на заводе будет обеспечен режим секретности, а также развернута операция

прикрытия.

Не менее радостным голосом сообщаю, чтоб поздравили от моего имени

Гаркулова. Он мне три джампа в затылок дышал. А на

обратном пути мы всего

на десять суток разошлись.

Блин! Теперь надо за речью следить. А то ляпну ненароком условную

фразу из списка...

Вообще-то, важнейшим из всех дел для меня является физкультура.

Недели пребываю в состоянии, близком к невесомости. Но некогда, НЕКОГДА!!!

Третий раз перекомпановываю информацию, которую должен отправить на Землю.

Иначе говоря, навожу блеск на информационную бомбу. Эта же бомба будет

моим первым предварительным отчетом. Если/когда бомба сработает, это

затруднит поиск источника информации.

Прохожу "экватор". То есть, разворачиваю корабль двигателем вперед

и торможусь. Расстояние до Земли уже вполне терпимое для работы в

пакетном Интернете. Завожу себе сайт и создаю на нем несколько галерей

романтической эротики. Все картины без имен, только под порядковыми

номерами. Хозяйку сайта зовут Риса. В пояснялке на титульной странице

она объясняет, что на сайте представлены ее картины, картины ее друзей и

друзей ее друзей. Многие из них повзрослели, нашли свое место в жизни и

не готовы признаться в "ошибках молодости". Но настоящее искусство всегда

прекрасно! Поэтому все картины выставлены анонимно. И это не обсуждается.

Как только открываю сайт для всеобщего доступа, на голову бедной

Рисы льются ведра помоев. Ее обвиняют в ламерстве. Ей объясняют, что

нельзя выкладывать рисунки формата двадцать на пятнадцать тысяч пикелов,

это невозможно смотреть. Ей предлагают помощь веб-

дизайнеры всех мастей.

Риса вяло отбивается, что рисунки выложены в типографском качестве, что

она выбрала формат gif, потому что в формате tif рисунки стали бы еще в

три раза неподъемнее.

В общем, первый этап операции прошел успешно. приступаю ко второму

этапу. На форуме, где меня знают под ником Галс, а Зинуленок известна как

Рында, появляется новенькая - Риса. Аватарка у нее - отзеркаленный и

подрезанный со всех сторон портрет Ларисы, что висит у нас дома на

стенке. В личных данных - ссылка на домашнюю интернет-страничку. Ту самую

картинную галерею.

Не прошло и суток, как Зинуленок клюнула.

- Риса, у вас очень красивая аватарка. Вы сами ее рисовали? - вопрос

в личку.

- Рисовала сама. А с фоном помогла одна знакомая девушка. Она в

фотошопе чудеса творит. Обещала картину в рамку вставить и на стенку

повесить, если мама возражать не будет.

Еще через сутки на форуме появляется ник Карлсон с фотографией

знакомого подростка-очкарика.

- Риса, у вас потрясающая личная страничка. Только иллюстрации

неподъемные для моего медленного Интернета. Удачи вам.

Убираю с форума аккаунт Рисы Он свое дело сделал. В первом рисунке

была закодирована инструкция Зинуленку по распространению инфобомбы.

Раз очкарик Карлсон вышел на связь, значит, инструкция дошла до адресата.

Теперь Зинуленок знает о наблюдении за нашей семьей, с ее компьютера

исчезнут все следы посещения картинной галереи, а также программа

шифровки/дешифровки нашей переписки. Вся работа ложится на друзей

очкарика. Зинуленок говорит, среди них есть серьезные, не по годам
развитые. К тому же, каждый из четырех думает, что он единственный
носитель тайны.
Инфобомба сработает через три года, если правительства не откроют
информацию о контакте. Или раньше, если со мной и Зинуленком что-то
случится.
Подчищаю следы в бортовом компьютере и лог-файлах. Провожу
дефрагментацию и роспись нулями свободного пространства на носителях.
Послезавтра я сдам корабль заводчанам. Все задуманное сделал, все
успел - и целые сутки в запасе. Буду заниматься физкультурой и думать
о бренности всего живого. Особенно - собственной тушки. Пока спецслужбы
вникнут в суть проблемы, у меня будет около недели относительно спокойной
жизни. Потом - как повезет.
Перевожу кресло в положение полета с высокими перегрузками. Изучаю
мягкую обивку потолка. Я - пилот. Не аналитик, не военный, не экономист,
не политик. Я годами скакал по космосу от звезды к звезде. Это моя работа.
А долг - доставить информацию на Землю. Не своей конторе, не стране, не
президенту. Всей Земле, каждому человеку. Делаю все обдуманно, а значит,
ни о чем жалеть не буду. И да поможет мне Интернет.
Может, я идеалист, я ни в чем не уверен. Просто считаю, люди имеют
право выбирать свою судьбу. Или, хотя бы, знать, что их ждет.
Как-то так...

21.10.2006 - 27.04.2015